

РОМАН ЗЛОТНИКОВ
АНТОН КОРНИЛОВ

РЫЦАРИ ПОРОГА

ПУТЬ К ПОРОГУ • БРАТСТВО ПОРОГА
ВРЕМЯ ТВАРИ

Коллекция лучшей фантастики

Роман Злотников

**Рыцари Порога: Путь к Порогу.
Братство Порога. Время твари**

«Издательство АСТ»

2010-2012

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Злотников Р. В.

Рыцари Порога: Путь к Порогу. Братство Порога. Время
твари / Р. В. Злотников — «Издательство АСТ»,
2010-2012 — (Коллекция лучшей фантастики)

ISBN 978-5-17-116881-0

Земли, некогда опаленные Великой Войной, возрождаются. Давно исчезли следы пожарищ и крови. Королевства людей набирают силу. Казалось бы, наступает расцвет мирной жизни – гномы-ремесленники совершенствуют свое мастерство, в пустошах ведется охота, в которой нет равных полудиким оркам, а Высокий Народ чтит и хранит свои древние тайны... Но угроза приходит из страшных мест, название которым – Пороги. Оттуда, из трещин между мирами, веет смертью и разрушениями. Орды жутких существ стремятся захватить едва возродившийся мир. Кто в итоге воцарится – Человек или Тварь? Только немногие способны противостоять чужакам. Имя им – Рыцари Порога.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-116881-0

© Злотников Р. В., 2010-2012
© Издательство АСТ, 2010-2012

Содержание

Путь к Порогу	6
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	32
Часть вторая	44
Глава 1	44
Глава 2	49
Глава 3	69
Глава 4	91
Глава 5	104
Часть третья	110
Глава 1	110
Глава 2	115
Глава 3	130
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Роман Злотников, Антон Корнилов

Рыцари Порога

Серия «Коллекция лучшей фантастики»

Серийное оформление – Ольга Жукова

Иллюстрация на обложке – Иван Хивренко

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Р. Злотников, А. Корнилов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Путь к Порогу

Часть первая Дым над городом

Глава 1

– Так я ж говорю, – навалившись на стол продранными локтями, прохрипел мужичок с головой безволосой и желтой, как репка, – городок наш так называется – Мари. А ты – баба, баба... Понимать надо! – наставительно добавил он и постучал грязным кулаком по своей «репке».

– А я и понимаю, – не стал спорить парень, долговязый, костлявый и рыжеволосый, по виду – откуда-то с самого Запада. – Чего ж тут не понять! Ты закусывай давай, а то уже хорош...

– Хорош, – приняв упрек за похвалу, самодовольно повторил репоголовый и икнул так сильно, что стол, за которым они сидели, подпрыгнул, громыхнув всеми кружками, мисками и кувшинами. – Я б закусил, так это... кончилось оно... – Он демонстративно опрокинул вверх дном свою кружку и с презрением глянул в миску с огурцами. – Нечего закусывать... Мы ж не пожрать тут собрались.

Рыжеволосый парень свистнул, подзывая трактирного служку, копошившегося под стойкой. И, ожидая его появления, в который раз быстро и цепко оглядел зал. Время для выпивки еще не настало, и трактир был почти пуст. Несколько местных забулдыг уныло гундели над своими кружками. Вторя их бессмысленной беседе, под потолком жужжали жирные мухи. На улице колыхалась удушливая вечерняя жара, как и всегда в разгаре лета на Юге, и в зале трактира, несмотря на открытые окна, было душно и полутемно. Ни одного светильника еще не зажигали.

Парень перевел взгляд на пьянчужку, с которым вот уже, наверное, час вел разговор.

Репоголовый, расслабленно икая, тоже разглядывал собеседника. И того, кто сидел рядом с ним. Был бы мужичок трезвее, парочка вызвала у него, скорее всего, тревогу или, по крайней мере, недоумение. Но сейчас, в состоянии крепкого подпития, ему, очевидно, было просто-напросто наплевать на все, кроме того, что эти ребята платят за его выпивку.

Парня с красно-рыжими волосами, стянутыми на затылке в тугой пучок, сложно было причислить к какому-либо сословию. Одет как обычный путешественник: простая кожаная куртка, с капюшоном на случай дождя, крепкие штаны, заправленные в короткие сапоги, пояс со множеством висящих на нем мешочков и узелков. Но ни оружия, ни сумки на нем не наблюдалось, зато обращало на себя внимание обилие дешевых аляповато-ярких амулетов, браслетов, да еще истрепанный длиннющий красный шарф, обмотанный вокруг тощей шеи, и непонятный инструмент в черном холщовом футляре, висящий на перевязи за спиной.

А вот с его спутником все было ясно с первого взгляда. Мощное тело, почти вдвое больше человеческого, покрытое серой кожей, настолько прочной, что ей не страшен был прямой удар ножа, зеленоватые волосы, клочками торчащие на бочкообразной груди, здоровенных плечах и башке, похожей на громадный булыжник, отсутствие бровей, сплюснутый крошечный носик и уши, размером и формой напоминающие крылья нетопыря, – все это могло принадлежать только чистокровному огру. Одет он был, как и подобает существам его племени, лишь в короткие штаны, подпоясанные широким ремнем, на котором висели грубый нож без ножен и двойной топор с короткой рукоятью. Его широченную шею плотно облегал кожаный ошейник с

металлическими заклепками-шипами, говоривший о том, что если когда-то огр и был свободным, то теперь полностью и безоговорочно принадлежит долговязому парню.

Вообще, огры плоховато ладили с людьми, равно как и люди с ограми. Последние жили разобщенными племенами и изредка выходили к людям исключительно по торгово-меновым вопросам. Положение изменялось, если племени выпадал голодный год. Огры меняли либо место охоты, либо ее объект. И тогда людям, проживающим неподалеку от стойбища племени, приходилось туговато. Дикарские налеты заканчивались обычно одним и тем же: дворянин, люди из владений которого обретали бесславный конец в желудках голодных огров, собирал войско и вырезал племя подчистую.

Иногда, правда, старейшина племени принимал иное, более цивилизованное решение, а именно продавал кое-кого из своих собратьев в вечное рабство, принимая в плату еду и оружие. И уж тогда огр-раб обязан был служить своему господину беспрекословно, ибо свято верил, что суровые духи избрали его для жертвы во имя жизни сородичей.

Если рыжеволосый трещал без умолку, затыкаясь только тогда, когда начинал говорить репоголовый пьянчужка, и с удовольствием прихлебывал сладкое местное пиво, то огр угрюмо молчал и к кружке не притрагивался, хотя время от времени опускал в нее взгляд, в котором ясно читалось тоскливое вожделение. Огры обычно с большим трудом овладевали человеческими языками, а спиртное им было запрещено продавать законом королевства Гаэлон, ибо, несмотря на исполинские габариты, пьянели огры быстро, а окосев, теряли те крохи разума, что теплились в их камнеподобных головах.

Служка – обычный южанин, темноволосый и низкорослый – соизволил наконец приволочь за столик еще пару кружек.

– Я говорю, Мари – это так городок наш называется, – оживился репоголовый, хлебнув пива. – Название, конечно, того... – Он хихикнул. – Так ведь как оно дело было. Раньше тут деревенька стояла захудалая, ею граф Конрад владел. Знаете, конечно, кто ж нашего графа не знает!..

– Еще бы, – с готовностью кивнул парень.

– А у Конрада при дворе живо... ну этот... пись... малюет который картинки всякие...

– Живописец.

– Я ж так и сказал. Господин Сули – так его имя. Умнейший человек и первый собутыльник графа. Вот когда лет десять назад графиня-то померла, его сиятельство затосковали. Вызвал он господина Сули и говорит: хочу, мол, фигуру каменную своей покойной супруги в спальне иметь. А Сули заартачился. Я, грит, только картинки малевать мастер, а фигуры делать не умею. Но... графское слово есть графское слово, и десять золотых гаэлонов есть десять золотых гаэлонов. Согласился то есть. Только сначала он из глины фигуру вылепил... Его сиятельство посмотрели, носом покрутили и сказали, что ни монетки медной господин Сули не получит, потому как на графиню фигура не похожа. С мерином, на котором навоз из конюшни возили, как люди сказывали, сходство было, а на покойницу – ну, ни капельки... Вот так. Господин Сули в мастерской обижается, а его сиятельство в своих покоях нервы успокаивает. Порознь, значит. Хотя утешение им из одного погреба таскали. Из винного то есть. Так до ночи и утешались. К ночи у господина Сули обида выиграла – старался же! Взял он остатки глины и вылепил огромные усы и огромные... эти самые... которые тоже только у мужиков могут быть. И приспособил все это дело на фигуру. А тут его сиятельство графа Конрада, который передумал и решил фигуру взять, вносят... Ну было дело!..

В таверну, скрипя старыми кожаными куртками, пришедшими в такое состояние, что не подходили графской дружине даже в качестве учебных и потому их передали городской страже, вошли трое стражников. Огр, до сих пор сидевший неподвижно, словно осколок скалы, тихо зарычал и оскалил желтые клыки. Рыжий, стрельнув на стражников быстрыми лисьими

глазами, ошутимо толкнул его локтем в бок. Огр успокоился, только башку держал теперь повернутой к трем вооруженным людям.

Стражникам парочка тоже явно не понравилась. Они уселись за соседний стол, не выпуская из рук алебарды, и в ожидании служки хмуро осматривали чужаков.

Городок Мари лежал в плодородной равнине, перепоясанной юркими и светлыми речушками, с одной стороны защищенной густыми и шумными лесами, где, говорят, и по сию пору можно встретить осторожного эльфа-одиночку, а с другой – Железными горами, в которых копошатся гномы, занимаясь исконным ремеслом. Люди в этой долине живут темноволосые и большеглазые, как и везде на Юге. Высокоросялого тут редко встретишь, все больше низенькие и коренастые. Поговаривают, что такие антропометрические особенности обусловлены близким соседством с гномьими поселениями, но это, конечно, досужие сплетни! Хотя... мало ли что может произойти, если на предгорной тропке случайно встретятся зеленая девчонка, забредшая в глушь за дурной козой, и юный мускулистый коротышка, собирающий хворост для розжига печей. Все-таки здесь люди с местными гномами не враждуют. Они вообще предпочитают всякого рода вражде проводить время в труде и веселье и помирять в собственных постелях.

Мир царит в счастливом королевстве Гаэлон, от Юга до Севера, от Запада до Востока. Последняя война с соседним королевством – Марборн – закончилась аж двести лет назад. С тех пор жители Гаэлона и знать не знают, что такое смерть и ужас настоящего большого кровопролития. А от Великой Войны, кипевшей во многих королевствах тысячелетия назад, остались лишь легенды. И редко что ужасного случается в городке и долине: ну разве забредет банда голодных огров или соседский барон решит пополнить казну неожиданным налетом, а то объявится из далекого черного леса одичавшая ведьма. Ну или еще какая напасть придет извне. Потому-то в городках, подобных Мари, чужакам не очень рады.

– ...а как его сиятельство трость свою фамильную о голову господина Сули сломали, так велели его в свинарник на цепь посадить. Месяца два Сули там отвалился, потом граф, конечно, оттаял... – не замечая появления в трактире новых лиц, продолжал заливать репоголовый забулдыга. – А как раз в деревеньке, которая на этом месте стояла, где теперь наш город, староста – поохотиться он любил – задумал полакомиться троллями ушками и отправился за Железные горы. Но по дороге заблудился, отбил от товарищей, и получилось наоборот – тролль схавал самого старосту вместе с ушками и всем прочим. Вот его сиятельство на место старосты своего бывшего собутыльника и двинули. Деньжищ ему отвалили еще и людей дали. Так городок вырос. А название ему граф велел дать в честь имени покойной графини. И фигуру – только не ту, а такую же, но больше раза в три, из камня сделанную, на Алой площади поставить. Господин Сули и по сей день наш городской голова. Вот как, господа... Заезжие люди всегда этой историей интересуются. Потому как необычно и любопытно...

– Эй, Гас! – окликнул пьянчужку один из стражников, которым уже принесли пиво. – Успел нализаться, что ли? Не тебе в караул ночью идти?

– Так то ж ночью, – хихикнул мужичок. – До ночи я отосплюсь. До ночи еще о-го-го сколько! Мне ж ночью еще силы понадобятся...

– Отребье! – буркнул стражник, погружая в кружку усы.

Обращался он к репоголовому, а сам смотрел на чужаков. Огр снова тихонько зарычал, а рыжий, опять толкнув его локтем, моментально схватил ситуацию.

– Прошу нас простить, господа, это наша с Ххаром вина, – проговорил он, церемонно приподнявшись. – Жаркий сегодня вечер, вот мы и решили пропустить по кружечке, а господин Гас любезно развлек нас беседой.

– Да! – подбоченился репоголовый, видимо, гордый оттого, что его называли господином. – Любезно! Господа не местные, им любопытно...

– Нам тоже, – включился в разговор второй стражник. – Откуда это вы такие красивые и куда?

– Да можно сказать: ниоткуда и никуда, – весело откликнулся рыжий. – Меня зовут Корнелий, я менестрель. – Парень указал на футляр за своей спиной. – Странствую, слушаю истории, сочиняю песни. А это, – предупредил он следующий вопрос, хлопнув огра по плечу, – мой... мм... товарищ. Я-то не воин, а на дорогах с одиноким путником всякое может случиться. Я его в кости выиграл. Не желаете, господа, по кружке? Что-то у меня сегодня очень хорошее настроение. Видать, отличная ночью выйдет песня про город с именем Мари!

Стражники переглянулись. Речь рыжего Корнелия, очевидно, показалась им убедительной.

– Можно, – сказал один из них. – А твой... э-э-э... товарищ, он не это самое? Ничего такого не подумай, – проговорил он, повернувшись уже к огру, – но я первый раз вижу такого, как ты, так близко и... э-э-э...

– Без цепей, – завершил за него Корнелий. – Не беспокойся, Ххар очень добрый малый. Он и мухи не обидит... Без моего на то позволения.

Огр не изменил выражения морды, так что осталось неясным – понял он высказывание стражника или нет.

– Так как насчет кружечки пива? – повторил Корнелий.

– Если только по одной, – проворчал второй стражник, – мы-то пока на службе... – И покосился на уже изрядно помутневшего Гаса.

– А что, – махнув рукой службе, тут же осведомился Корнелий, – господин Гас тоже состоит в городской страже?

Стражники дружно заржали. Тот, заговоривший с чужаками первым, с мокрыми от пива усами, собрал и отнес в угол алебарды.

– Не в стра... страже... – пытаюсь сидеть на лавке прямо, произнес Гас. – Я в ночном карауле. По указу господина Сули каждую ночь пятеро горожан обязаны охранять город. Раз в неделю жребий бросаем. Городская-то стража, которая жалованье получает, ночами на сторожевых вышках отсыпается.

– Не отсыпается, пень ты трухлявый! – рявкнул мокроусый, вернувшись за стол. – А ведет наблюдение за подступами к городу! А такие, как ты, тюфяки с гнилыми дубинками по кабакам да харчевням разгуливают! Ночной караул!.. Так и ждете, чтоб от жен сбежать и всю ночь шататься с пивом да песнями.

– Кто тюфяк?! – обиделся Гас и завращал головой, словно в поисках достойного аргумента. – Да у нас такие люди в нынешнем карауле! Кузнец Соб! Этот и без дубинки любого вора надвое переломит! А вон! – ткнул он пальцем в окно. – Старый Гур, видите, идет? Сюда, между прочим. Тоже, наверное, горло промочить. Ты и этому достойному человеку скажешь, что он пьяница?

– Заткнулся бы да спать шел, – сказал Гасу один из стражников с широким добродушным лицом. – А про Гура никто в городе ничего плохого не скажет. Гончар это наш, – пояснил он, обращаясь уже к Корнелию. – Мастер хоть куда. Вон из того окна его дом виден. Смотрите, господин, на крышу смотрите! Вы еще где-нибудь такую крышу видели? Крыша у него такая, какой крыши во всем городе нет. Старый Гур, он гончар, сам черепицу лепил и обжигал. Сам и крышу выкладывал – черепичка к черепичке. Одна из красной глины, другая из белой, одна из красной, другая из белой – как красиво получилось!

– Великолепно! – с готовностью восхитился Корнелий. – Такую красоту даже в Дарбионе редко встретишь.

– А ты что же, – недоверчиво проговорил мокроусый, принимая от служки новую порцию пива, – в самом Дарбионе бывал? Столице нашего королевства? Может, скажешь, государя самого видал?

– Скажу больше, – улыбнулся Корнелий. – Государю нашему, светоносному Ганелону, мне выпала честь исполнить одну из моих лучших песен!

В трактир вошел старик, ведя за руку мальчика. Был старик высок и прям, волосы его, еще довольно густые, длинными прядями вились до плеч, а суровое мужественное лицо подошло бы скорее воину, чем гончару. Словом, старик принадлежал к той породе мужчин, на которых неизменно оглядываются женщины на улице. Мальчику, по всей видимости, было не больше девяти лет, и он очень походил на старика. Разве что волосы его были темны и коротко острижены, а лицо смягчено наивностью детства. У пояса его на веревочной перевязи висел деревянный меч.

– Гур-р-р! – заорал Гас, замахал руками и от избытка чувств рухнул с лавки.

Старик оглянулся на него, коротко усмехнулся, кивнул в знак приветствия, отдельно – стражникам. Потом задержал взгляд на чужаках, но ровно насколько это позволяли приличия, и кивнул отдельно каждому занятому столику. Затем Гур направился прямо к прилавку трактира, где маячил трактирщик – низкорослый и толстый мужик с пухлым и лоснящимся, как потекшее масло, лицом. Увидев старика, трактирщик моментально скусился и попытался нырнуть под прилавок.

– Господин Горн! – Голос у старика оказался под стать его виду – низким и внушительным. – Позвольте мне закончить наш вчерашний разговор.

– Во, – высказался добродушный стражник. – Не пиво лакать старый Гур пришел, а с жирным Горном разговоры разговаривать. Тот, вишь... – он обращался к внимательному Корнелию, который уже пересел за их столик, – тот, вишь как, купил три десятка кружек у Гура, а монеты отдал только половину. А надясь здесь мужики гуляли, ну и, как водится, кружки-то поколотили. Не все, а пяток. Трактирщик теперь за эти пять платить не желает. Говорит, мол, значит, так сделаны плохо, что разбились. Ну ничего, заплатит он деньги, я Гура знаю.

– А этот Горн толстозадый не раз за свою скупость двойной монетой платил, – добавил другой стражник. – Помните, братцы... – Он прервался, захрюкав от сдерживаемого смеха. – Помните... Арарна?

– Арарн-ведьмак трактирщику шишку вывел на шее, – под общий хохот объяснил менестрелю добродушный стражник. – У Горна шишка вдруг вздулась, огромная такая. Он ее и так, и этак, и прижигал даже – ни в какую, только растет. Ибир-травник не смог помочь. Пришлось к Арарну идти. Тот дорого берет, потому что знахарством не занимается, он вообще-то серьезный мужик, правда, вспыльчивый очень. Его из Сферы Огня выперли за то, что он там кому-то не тому потроха прижиг. Ну вспыльчивый, говорю же... Пошептал Арарн, шишка перестала расти. И за две недели обратно в шею ушла. Время платить, а трактирщик, как всегда, отмахивается. Мол, шишка сама собой убралась. Арарн поначалу подмастерьев подсылал, а тут сам явился: «Плати!» Горн: «Не буду!» Нашел с кем связываться. Ну ведьмак и рассердился. Снова пошептал, и шишка еще пуще вздулась. Прямо как вторая башка вымахала! Да еще с глазами и пастью. А пасть огнем пышет и ругается такими погаными словами, что слушать невозможно. Горн с месяц из дома выйти не мог. Потом послал Арарну денег, да в два раза больше, чтобы тот заклятие снял...

Старик воздвигся у прилавка так прочно, что сразу было видно: пока своего не получит, с места не сойдет. А мальчик во все глаза уставился на огра, одиноко возвышавшегося за столом, из-под которого, словно пар от бурлящего котла, поднимался густой храп господина Гаса.

Трактир постепенно наполнялся народом. Ремесленники, зашедшие освежиться после долгого трудового дня, весело галдя, рассаживались за столиками. Сапожники, распрямляя спины, онемевшие от долгого сидения в скрюченной позе, вытягивали под столы босые ноги (по местному обычаю мастера сапожного дела и их подмастерья имели право надевать обувь только в холодное время года). Портные щурились уставшими от слежения за стежками покрасневшими глазами, выглядывая среди посетителей знакомых и друзей. Торговцы с

рынка, расположенного близ трактира: зеленщики, рыбники, мясники, молочники и другие, – сдав выручку хозяевам лавок, охрипшими за день голосами делились друг с другом последними базарными новостями.

Пара гномов, одетых в пухлые куртки (вечно эти гномы даже и летом одеваются, как зимой, потому что привыкли мерзнуть в своих подземельях), полосатые штаны и запыленные дорожные сапоги, сваливали под стол тяжелые мешки. Гномы, наторговавшие за свои изделия продуктов и одежды, задержатся здесь ненадолго. Выпьют пару кружек, возьмут с собой мех-другой крепкого самогона (вино и сладкое пиво местные гномы презирают за низкую концентрацию алкоголя) и отвалят в свой Грандхур – подземное поселение, расположенное неподалеку от Мари.

Гномы важно кивали направо и налево массивными бородатыми головами, приветствуя знакомых, но уселись вместе, за один угловой столик, не мешаясь с людьми. Никто из горожан дурного слова никогда гномам не скажет, но все равно маленький народец держится особняком. Это все гнилая отрыжка той самой Великой Войны, на которой гномы сражались не на стороне людей. Не по своей, конечно, воле, но все-таки...

Прошло то время, когда подземные карлики гордо носили свои здоровенные топоры с двойными лезвиями. По окончании Великой Войны гномам строжайше запрещено иметь оружие, – а каково это выносить когда-то воинственному народу? Говорят, в своих пещерах они еще устраивают поединки и даже большие турниры, но это же не проверишь. А ведь их едва не истребили полностью после той Войны. Но вовремя спохватились: подземный народец обладал особой магией, позволявшей им ковать металл крепости, равной которой люди выковать никогда не могли. Магия Крови – так называют эту магию люди, потому что правильное название не выговорит человек, даже хорошо знающий гномьи наречия, – язык ломает. Мечи, топоры и боевые ножи, например, выкованные гномами, ни в какое сравнение не идут с оружием, изготовленным людьми. Правда, и стоят они столько, что позволить их себе могут только дворяне, да и то не все. Конечно, металлические изделия, не предназначенные для войны, гномы продают гораздо дешевле, так ведь и куют их без помощи своей магии. Магия Крови – только для оружия...

Служка, позевывая, зажигал масляные светильники на стенах, реагируя на призывы новых посетителей вялыми и невнимательными кивками: мол, подождите, пока закончу, разозлились, нечего тут... Явился второй служка и принялся наконец разносить кружки по столикам. Этот оказался более расторопным – его жизненной энергии хватало не только на то, чтобы позевывать, переставляя ноги, но еще и почесываться.

В проемах окон одна за другой появлялись разгоряченные любопытством мальчишеские физиономии. Объектом их пристального изучения был, несомненно, огр, все так же в одиночестве сидевший за столиком. Двое пацанов – один низенький, толстый и круглощекий, второй костистый и смуглый – осмелились даже войти в помещение и стать у порога в позах, ясно показывающих: чуть только огр повернет в их сторону клыкастую морду, они сразу зададут стрекача. На поясах у этих двоих болтались такие же деревянные мечи, как и у мальчика, пришедшего с гончаром.

Серокожий гигант не обращал на малолетних соглядатаев никакого внимания. Он, откровенно говоря, ни на что не обращал внимания, лишь изредка вожаденно шевелил ноздрями, когда служка проносил мимо него кувшин или кружку с пивом. Мальчик, пришедший со стариком гончаром, присоединился к парочке у порога. Сам старый Гур, ухватив трактирщика за ворот костистыми пальцами, втолковывал ему что-то, почти неслышное во все возрастающем гаме. И тут шум пререзал ясный, чистый и громкий струнный перебор. Это менестрель извлек из чехла свой инструмент, отодвинулся на лавке подальше от стола и, не дожидаясь, пока трактир стихнет окончательно, звонко прокричал:

– Вниманию почтеннейших горожан! Известная во всем славном королевстве Гаэлон баллада о Рыжей Марте...

Конец реплики потонул в восторженных воплях и гоготе – видимо, баллада и вправду была широко известна. Только старый гончар недовольно поморщился и, на минуту отвернувшись от Горна, громко произнес:

– А более пристойного произведения у тебя нет, менестрель? Здесь, между прочим, дети!

– Угомонись, папаша! – оглянувшись на гогочущих стражников, пьяно сощурился рыжий Корнелий. – Народ желает веселья. А недоросткам явно пора разбежаться по постелям.

– Рыжая Марта! – орала за столиками. – Давай балладу! – И Гуру пришлось, передернув, плечами, прекратить разговор. Он только процедил сквозь зубы:

– Проклятый пустозвон... – и махнул рукой мальчику, повернувшемуся на его голос. Тот недовольно вздохнул, но все же подчинился. Вместе с ним покинули трактир и двое его приятелей. Впрочем, тут же их физиономии появились в раскрытом окне.

– Подобна тыквам гру-у-удь ее!.. – ударив по струнам, завел рыжий менестрель свою балладу.

* * *

– Он что, так и сидит там весь день? – спросил Перси, не отрывая взгляда от громадной серой спины.

– Когда мы с дедушкой пришли туда, сидел, – сказал Кай.

– И ни разу не пошевелился? – поинтересовался Бин.

– Ну... можно сказать, ни разу, – подтвердил Кай. – Видал? Настоящий огр!

– Разве славные рыцари допустят, чтобы свирепый огр угрожал людям? – послышался позади троицы издевательский голос. – Чего ж вы не достанете свои деревяшки и не треснете его по башке?

Все трое одновременно обернулись. Позади них стоял Аскол, сын рыбака Харла, одного из самых богатых горожан. На прыщавом лице парнишки уже пробивались реденькие усы. Для вечерней прогулки Аскол вырядился шикарно: поверх домотканой рубахи накинул кожаную куртку со шнуровкой, на голову нацепил берет из самого настоящего красного бархата, а на ноги – высокие сапоги с посеребренными пряжками. Словом, не хватало еще длинного плаща и меча в узорных ножнах – и любая кухарка впотьмах легко приняла бы сына рыбака за молодого аристократа, вышедшего глотнуть вечернего воздуха. Тем более что для прогулки Аскол обзавелся не только нарядом, но и свитой. Четверо мальчишек, каждый из которых был младше сына рыбака года на три, переговаривались за его спиной.

– Больно надо, – буркнул Кай. – Сам подойди и тресни, если хочешь.

– Обращаясь ко мне, изволь говорить: господин, – оттопырив нижнюю губу изрек Аскол, и его свита радостно заржала. Хихикнул и кое-кто из тех пацанов, что вроде Бина, Перси и Кая созерцали огра через окна трактира.

– Не дорос еще, – ответил Кай.

– Чего-о? – угрожающе протянул Аскол.

Трое с деревянными мечами стали плечом к плечу. Пацаны понемногу отлипали от окон. Кажется, готовилось зрелище поинтереснее неподвижного и все время молчащего огра. Кто еще не был в курсе, тому быстренько объяснили: только вчера Аскол и пара его прихлебателей отколотили Перси, отобрав у того деревянный меч. Подобный случай был далеко не первый. Аскол с компанией вечно кого-нибудь колотили, причем мальчишкам из неразлучной троицы доставалось больше и чаще других. Но в это утро случилось такое, чего никогда раньше не бывало: Бин с Каем подкараулили Аскола одного. Так никто и не узнал, что произошло, но кое-кто видел сына рыбака, во весь дух бегущего по направлению к собственному дому. Сам

Аскол ситуации не прояснял. Ну бежал и бежал. Мало ли почему люди бегают по улицам, может, на то надобность какая была, спешил, может быть.

– Значит, забыл, – с каким-то зловещим удовлетворением проговорил Аскол. – Значит, все забыл! Ничего, придется напомнить... вшивота голодраная!

Распахнув куртку, сын рыбака медленно потянул руку за пояс. Все смотрели только на него, и мало кто заметил, что Кай в этот момент, напрягшись как струна, ступил чуть вперед, а Бин и Перси, на шаг отступив за его спину, прижались к стене трактира.

Аскол достал трубку. Самую настоящую глиняную трубку и маленький кожаный мешочек с табаком. Действуя с неумелой небрежностью, но не забывая тем не менее изредка опасно оглядываться на дверь трактира, он принялся набивать трубку табаком. Тут только Кай осторожно выдохнул. Надо было сразу догадаться, что не посмеет Аскол затевать драку в людном месте, да еще когда они – втроем – стоят плечом к плечу.

Теперь уже – не посмеет.

Грохнула дверь трактира. Аскол вздрогнул, но это были всего лишь гномы, которым до шалостей человеческих детей никакого дела не было. Кряхтя, выползли они, нагруженные мешками и мехами с самогоном, и, негромко переговариваясь на своем каркающем языке, отправились вдоль по улице.

Сын рыбака, на которого окружающая детвора смотрела завистливо и с почтением, зачмокал губами, раскуривая трубку, а когда из нее повалили клубы серого дыма, вдруг так закашлялся, выпучив глаза, что его щегольский берет съехал на затылок. Аскол, хрипя и всхлипывая, успел натянуть берет обратно, так что, наверное, мало кто заметил на его лбу недавнюю ссадину.

– Табак дерьмовый, – прохрипел, вытирая слезы, Аскол и, спрятав трубку, отвесил одному из своей свиты пинок. – Ты что мне припер? Говорил же, бери что получше! Ладно, – выпрямившись, сказал он. – Чего тут смотреть? Огра, что ли, не видали?

Вообще-то, скорее всего, никто из присутствующих не видел еще так близко настоящего огра, но с Асколом как-то быстро все согласилось: чего там смотреть, подумаешь, экая невидаль!..

– Сегодня Арарн-ведьмак своего подмастерья наказывать будет, – вытерев слезы, объявил Аскол. На Кая и его приятелей он больше не смотрел. – Этот дурачок порошки смешивал, да чихнул не вовремя. Себе волосы на башке спалил и какие-то свитки пожег, что на столе были. Арарн его плетью отчесал для начала, а вечером, сказал, серьезный разговор будет. Это ихняя кухарка нашей кухарке проболталась.

– Ослиные уши ему замастрячит, – восторженно хихикнул кто-то из свиты. – Или поросячий хвост! Или еще чего удумает.

– Арарн окна никогда не закрывает, – сказал Аскол. – Потому от его порошков дух такой идет, что помереть можно. Айда поглядим!

Предложение было заманчивым, и мальчишки, несколько минут назад глазевшие на огра, присоединились к свите Аскола.

– А вы куда? – скривил губы сын рыбака на Кая и его приятелей, хотя ни один из них не сдвинулся с места. – Вы, слышь, со своими деревяшками играйтесь или пирожки из грязи лепите, мелкота! Рыцари помойные...

Кай сцепил зубы, сдержав резкий ответ. Бин и Перси тоже промолчали. Когда процессия во главе с Асколом скрылась из вида, Бин вдруг освобожденно рассмеялся:

– Видали? Сколько их было! А он даже не рыпнулся!

– А я уж думал – все, – тоже с улыбкой вздохнул Перси. – Сейчас отколотят так, что рук-ног не соберем. Теперь кончено, Кай, как ты его треснул по тыкве, так он и отстал от нас. Все, отстал!

– Не-а, не отстал, – серьезно проговорил Кай, у которого дрожь в коленях только еще начала проходить. – Это он при всех связываться не решился. А если бы...

Он повернулся к окну и вдруг вскрикнул, ударив себя по коленке:

– Смотрите, огр передвинулся! С этим Асколом, чтоб его хапуны задрали, мы его чуть не упустили!

Бин и Перси снова налегли грудью на подоконник.

– Передвинулся? – озадаченно переспросил Бин. – По-моему, где сидел, там и сидит.

– Передвинулся, – убежденно повторил Кай. – И голову наклонил.

– Он уже сколько сидит! – заметил Перси. – Он хоть и огр, но не изваяние. Должен же когда-нибудь пошевелиться.

– Вот именно! – притопнул ногой Кай. – Сидит и сидит. Один! А зачем?

– На нем ошейник, – сказал Бин. – Значит, не дикий.

– Ошейник? А где его хозяин?

– Ну может быть, вон...

– Слушайте, – глаза Кая загорелись, – а если нет никакого хозяина? Если он сам нацепил на себя ошейник, чтобы все думали, что он не дикий? А все и думают! Вон стражники сидят и нисколько не беспокоятся. Песни орут и ржут, пьяные. А он... ждет!

– Чего? – спросил Бин, и Перси взглядом дал понять, что присоединяется к вопросу.

– Чего... – помедлил Кай. – А то непонятно? Выбрать момент и сожрать кого-нибудь! Вы когда-нибудь где-нибудь от кого-нибудь слышали о добром огре? Они же все дикари, головорезы и людоеды! Как хотите, а я...

Тут дверь трактира распахнулась, и Кай, пригнувшись, юркнул за угол. За ним последовали Бин и Перси.

На улице показался старый Гур. Недовольно бурча себе под нос, он волок за шиворот совершенно пьяного Гаса, который едва переставлял ноги, но тем не менее воинственно размахивал руками и орал непотребный вздор:

– Ночной кар-раул! Ур-ра!.. Где моя дубинка?! Ее гру-у-у-дь подобна ты-ы-ы-ыквам!.. Дайте мне како... какого-нибудь воришку, я его в землю вколочу по самую маковку! Кто пьяный?.. Да я такой трезвый, что любого пьяного переплюну!..

Когда они скрылись, мальчишки снова вернулись к окну.

– Как хотите, – продолжил Кай, – а я хоть до утра буду за ним следить.

– И мы, – поспешил заверить Бин.

– А когда, – сглотнув, заговорил Перси, – когда он... ну это... выйдет из трактира, что мы... Что нам то есть?.. Он вон какой, а мы...

– А я уже все придумал, – возбужденно начал Кай. – Как только он выходит, незаметно идем за ним следом. И если увидим, что он уже выбрал жертву, – прыгаем на него! Главное – орать погромче, чтобы сбить его с толку! И лупим мечами! Он выпускает жертву и бежит за нами...

Толстый Перси охнул. Кай запнулся, поглядев на него.

– Мы с Бином бежим, – пояснил он. – А ты пойдешь следом, чтобы огр тебя не видел, и в случае чего позовешь стражников.

Перси облегченно выдохнул. Тогда Бин осторожно потянул Кая за рукав.

– Я это... – басом проговорил он. – Тоже... не очень хорошо бегаю. И в потемках вижу плохо, ты же знаешь. Как споткнусь, да как навернусь...

– Ладно, – махнул рукой Кай, ему не терпелось закончить мысль. – Оба идете так, чтобы огр вас не видел. Оба бежите за стражей.

Перси и Бин переглянулись.

– А когда чудище кинется за нами... то есть за мной... я бегу к рынку. За рынок, где Дерьмовая Дыра. И... Понимаете?

- Э-э... – сказал Перси.
- Не понимаем, – уточнил Бин.
- Вы что, не знаете, что такое Дерьмовая Дыра?
- Знаем, – в один голос ответили Бин и Перси.

Еще бы они не знали! Каждый горожанин знал, что такое Дерьмовая Дыра. Она была такой же достопримечательностью Мари, как Алая площадь, названная так, потому что выкладывали ее редким минералом, который гномы называли «алая голова», – круглыми и гладкими камнями, матово отливающими на солнце. Такой же, как несуразная статуя покойной графини на этой самой площади, и... Пожалуй, больше достопримечательностей в городке Мари не было. Дерьмовой Дырой пугали малых детей: «Не будешь маменьку с папенькой слушаться, придет страшный тролль и отволочет тебя в Дерьмовую Дыру!»

Дырой называли глубокий овраг на пустыре неподалеку от рынка, в который торговцы год за годом сбрасывали мусор. За долгое время гниющая дрянь, заполнившая овраг, превратилась в однородную вязкую массу, на поверхности кое-когда вздувались и оглушительно лопались огромные пузыри – результат процессов разложения того, что в зловонных недрах Дыры еще могло разлагаться. Взрослые там не появлялись, кроме случаев, когда надобилось вылить в Дыру очередную лохань помоев, а вот отчаянные мальчишки, доказывая друг перед другом храбрость, придумали опасную игру – перебегать овраг от края до края по вязкой вонючей поверхности. Надо было бежать, как ветер, и, упаси Светоносный, не поскользнуться – а то затянет на самое дно, как не один раз затягивало неосторожных городских коз и свиней.

– Ну? – сиял Кай. – Понимаете? Я перебегу Дерьмовую Дыру, а огр – он же тяжелый – пойдет на дно! А стража подоспеет, как раз когда он будет барахтаться и орать. Они все увидят, понимаете? Это самое важное, все увидят и всем расскажут! Как вам?!

– Э-ге-ге... – неопределенно высказался Бин.

– Да знаю я! – видимо, поняв его сомнение по-своему, сказал Кай. – Было бы лучше сразиться с огром один на один, но... Если враг намного сильнее, можно и схитрить. Это все равно будет по-рыцарски. Мой папенька, например, когда бился с Ледяным Великаном, выманил его с горной тропы в болото и там утопил. Мне матушка рассказывала, давно-давно. Ледяной Великан был огромный, как холм, волосатый, потому что жил на вершине высокой-превысокой горы, где круглый год лежит снег, и от его вонии дохли пролетающие мимо птицы.

Перси и Бин снова переглянулись. Они знали, что теперь Кая никакими силами не оторвать от этого огра. Потому что огр – это огр. А рыцарь – это рыцарь. А долг рыцаря – в том, чтобы защищать людей от нелюдей.

* * *

Кай был знаком с Бином и Перси, сколько сам себя помнил.

Перси живет напротив, через мостовую, в маленьком домике, набитом народом, как стручок – горохом. Папенька Перси портной – день-деньской сидит посреди единственной комнаты, согнувшись дугой, машет рукой, в которой зажата игла, – будто плывет куда-то – и тихонько напевает себе под нос. Или не тихонько, а в полный голос – это когда отнесет заказ и возвращается домой, заглянув по дороге в трактир. Кроме папеньки и Перси в домишке еще живут три его младшие сестренки, вечно канючащие надоеды, и матушка, такая большая, что того и гляди из-под подола у нее посыпятся еще ребятишки. Перси тоже большой, куда больше Кая, хотя они одного возраста, и вечно голодный, сколько ни сожрет.

А Бин живет у рынка. Дом у него такой же маленький, как у Перси, но, кроме матушки, у Бина никого нет. Матушка Бина – женщина ничего, красивая, всегда веселая и нарядная, будто у нее каждый день – праздник. И очень гостеприимная: вечерами у нее собирается столько

гостей, что для Бина не хватает места – он то и дело ночует на рынке, под рядами лавок. Папеньки у Бина нет.

А вот у Кая – есть. Просто такое особенное ремесло у папеньки – он должен биться с чудовищами и дурными людьми, чтобы защищать других людей, хороших. Но чудовищ и разбойников много, так что работы у папеньки Кая невпроворот. Кай и не видел его никогда. Но он на папеньку не обижается. Он понимает, что дело, которым тот занимается, – самое благородное на свете. Тем более маменька говорит, что когда-нибудь папенька возьмет да и вернется. Она часто рассказывает об этом дне, словно они с папенькой договорились, как оно все будет. «Как-нибудь утром, – слышал Кай с самого раннего-раннего детства, – ты проснешься оттого, что услышишь стук копыт. Выглянешь в окно, а там дедушка уже открывает ворота. И папенька наш въезжает во двор. У него белый жеребец, а на жеребце позолоченная сбруя. Сам папенька в сверкающих доспехах, волосы его, вот такие же, как у тебя, – черные-черные и легкие, взлетают, когда конь переступает с копыта на копыто. Одной рукой он крепко держит повод, а в другой руке у него сияющий шлем с белым султаном. А на боку длинный меч в золотых ножнах, дарованный самим королем, потому что всем рыцарям, которые долго-долго и хорошо бились с чудовищами, его величество славный государь Ганелон дарует такие мечи...»

Раньше, когда Кай был совсем маленьким, папенька присылал послания. Эти послания голуби приносили, особым магическим способом наученные запоминать человеческую речь и передавать ее потом вполне понятным клекотом. Голуби прилетали ранним утром, когда Кай еще спал, и вечером, укладывая его, матушка пересказывала, что наговорили ей посланники. С какими ужасными великанами, троллями и ограми сражался папенька, и как он их всех победил и уже хотел было возвращаться, но тут его величеству снова пришла весть из дальних мест обширного королевства Гаэлон, и он призвал своего любимого слугу, самого отважного и сильного рыцаря, и отдал ему приказ немедленно отправляться в путь. Кай становился старше, и голуби-посланники прилетали все реже и реже. А потом и вовсе перестали прилетать. Видно, в таких уж глухих и диких далеких краях исполнял свой тяжкий и благородный долг папенька.

С самого-самого детства Кай знал от матушки, кто таков его папенька. Правда, все эти рассказы матушка ведала ему, когда оставалась с ним одна. При ком другом – редко. А при дедушке Гуре почти никогда. Дедушка (он матушкин отец) почему-то очень не любил эти рассказы и сейчас не любит. Кай не раз слышал, как он говорил матушке: «Задурила парню голову! Давно бы его к ремеслу приучить, а у него все через пень-колоду. Я в его время такой кувшин слепить умел, что и на продажу не стыдно нести, а он...»

Кай ремеслу учится, но только для того, чтобы дедушка не ругался. Кай вовсе не собирается становиться гончаром. Вот еще! Его папенька – рыцарь, с которым сам государь Ганелон беседы ведет, и Кай будет рыцарем. Это ничего, что в нем голубой крови нет. Все знают: честь и доблесть не только от цвета крови зависят. Главное – подвиг совершить, настоящий, рыцарский, такой, о котором все годами вспоминать будут, и тогда...

О том, что произойдет после свершения им подвига, Кай думал с замиранием сердца. Тогда он будет достоин того, чтобы любой рыцарь посвятил его... А вдруг получится у него совершить нечто такое, что слухи дойдут и до папеньки. Или даже до его величества короля Ганелона! Уж папенька в этом случае, конечно, вернется. И уж непременно посвятит Кая в рыцари. А может быть, даже повезет его в Дарбион, в королевский дворец, где сам Ганелон на главной дворцовой площади в окружении самых доблестных рыцарей королевства возложит на плечо вставшего на одно колено Кая свой золотой меч и скажет заветные слова...

Правда, сколько ни искал Кай в городке и в его окрестностях, ни великанов, ни троллей, ни огров, ни злых колдунов не обнаружил. Есть гномы, которых закон королевства защищает почти так же, как и людей. Есть Арарн-ведьмак. Он хоть и маг, но не злой. Вспыльчивый, конечно, и раздражительный. Когда спешит по каким-нибудь своим делам по городской улице, склонив голову в высоком колпаке, украшенном багровыми языками пламени, скрестив руки

на груди, можно разглядеть искры, вылетающие из-под полы его длинной мантии. Арапн – единственный маг в округе. Вообще-то дедушка говорил, что по уставу Ордена Королевских Магов полагается каждому городу иметь представителя каждой из четырех Сфер, но ведь этим четверым платить надо о-го-го сколько, и не всякий город может себе это позволить. Тем более такой захолустный, как Мари...

Троллей, говорят, видели на дальних Вонючих болотах, но до болот два дня пути, да и победить тролля, даже парочку – совсем не выдающееся деяние.

Трудно в городке Мари найти достойное дело для того, кто всем сердцем желает стать рыцарем. Не представилось еще случая Каю и его друзьям. Бин и Перси тоже мечтают о ратной доле, но все чаще и чаще Каю кажется, что их выбор – вовсе не выбор сердца, а простое желание почета и уважения, которого в жизни от людей добиться ох как сложно. У них с Каем уговор. Как только он совершит подвиг и пройдет посвящение, они тут же отправятся в странствия на поиски чудовищ, угрожающих жизни добрых людей. Как и папенька Кая. Все втроем отправятся. Тогда-то Бину и Перси представится возможность на деле доказать готовность стать рыцарем.

Почему-то то, что Каю первому удастся совершить подвиг, сомнений ни у кого не вызывало.

Откровенно говоря, полгода назад у Кая, Бина и Перси был шанс совершить нечто такое, о чем долго бы говорили в городке. В тот день они забрались далеко в лес не в поисках подвига, если честно, а в поисках земляники. Матушка Перси послала сына, а с ним пошли и Кай с Бином. На обратном пути они наткнулись на лесную ведьму. К счастью для них, ведьма оказалась полностью свихнувшейся старухой (с лесными колдуньями такое часто бывает: долгое одиночество, злые помыслы и беспрестанные занятия магией губительно действуют на человеческий мозг), поэтому мальчишки и не могли сказать точно, кто испугался сильнее – они или ведьма. Старуха, пронзительно взвизгнув, кинулась прочь. Высоко подпрыгнув, она заметалась по нижним ветвям деревьев, истошно завывала – сорванные листья и клочья ветхой одежды полетели в разные стороны. Забираясь все выше, перепрыгивая с ветки на ветку, она стремительно теряла человеческое обличье, и уже через минуту вой превратился в жуткое шипение, лишившееся одежды тело покрылось густой шерстью – и дикая лесная кошка скрылась в лесу.

А мальчики опомнились только на опушке леса. Кай, в руках которого была корзинка с ягодами, конечно, ее потерял. Последствия неожиданной встречи для Бина и Перси оказались еще серьезней. Перси обмочился, а Бин неделю не мог выговорить ни слова, да еще недели две потом заикался.

Но это случилось полгода назад, когда они были зелеными сопляками. Теперь им по девять лет, а Бину – почти десять. Теперь у каждого – меч, вырезанный из сосновой ветки, с заточенными краями и острым, как иголка, концом. Таким мечом, наверное, можно проткнуть человека, если ударить посильнее. Да и просто рубануть – мало не покажется. Вот Асколу не показалось...

Этот великовозрастный дурак, которому вообще-то уже полагалось интересоваться девушками, а не верховодить кучкой малолеток, давно привязывался к ним. Непонятно, что его бесило больше всего: деревянные мечи на поясах, игры, в которые они играли только втроем, никого больше не принимая, или что-то еще, но с какого-то времени Аскол просто не давал им прохода. Из какой-то интуитивной осторожности сын рыбака со своими прихлебателями предпочитал отлавливать мальчишек по одному, а если встречал троицу вместе, всегда отделивался парой язвительных замечаний – конечно, в том случае, когда, исходя из количества своей свиты, не бывал полностью уверен в удачном для себя исходе потасовки. Так и продолжалось до сегодняшнего дня...

...Впрочем, в этот вечер Кай забыл о паскудном Асколе, как только он скрылся из вида со всей своей «армией».

Огр – вот что волновало сейчас Кая. Настоящий огр, страшный и наверняка свирепый, то есть *вполне подходящий*, стоял между мальчиком и будущим посвящением.

– Наверное, полночь уже, – проговорил Бин.

– Я есть хочу! – проныл Перси и погладил себя по животу, который вполне явственно отозвался голодным бурчанием.

Кай ничего не ответил. Глаза его следили за огром, который молча сидел посреди гудящего трактира, а разум, кажется, витал где-то далеко. Время от времени дверь трактира хлопала – все меньше посетителей входило, все больше покидало веселую гулянку.

– Кай, а Кай, – толкнули его в плечо.

Мальчишка неохотно обернулся.

– Матушка мне велела пораньше дома быть, – сказал Бин, пожимая плечами от ночного холода. – Чего-то неможется ей, а очаг развести некому. Может, он до утра сидеть будет, что ж нам, так и ждать до утра?

– А я сейчас от голода помру, – сообщил Перси. – Пошли отсюда, а?

Кай куснул губу.

– Ну вы и... – начал он и махнул рукой: – Идите, чего уж.

– А ты? – осведомился Перси. – Твоя-то матушка тебя, наверное, тоже зажала.

Кай не ответил. Матушка, конечно, ждет. А может, она подумала, что он отправился в ночной караул с дедушкой Гуром? Дедушка не раз уже обещал. Правда, в этом случае все равно следовало бы отпроситься. Но... Огр же! Настоящий огр сидит всего в нескольких шагах. Нет, нельзя сейчас уходить. Если он сейчас уйдет, а наутро узнает, что чудовище сожрало кого-нибудь?

– Идите, – кивнул Кай и снова повернулся к окну, – сам справлюсь.

Мальчишки потоптались еще, потом Кай, в очередной раз подняв ногу, чтобы растереть онемевшую от холода босую пятку, вдруг ощутил, что остался один.

– Ну и что, – вслух буркнул он и повторил: – Сам справлюсь.

Трактир шумел. Рыжий менестрель под общий гогот залихватски выкрикивал какие-то куплеты, в смысл которых Кай не вслушивался. А огр все сидел и сидел за столом. Небо потемнело и, съездившись от ночной прохлады, вроде бы стало меньше. Ну и пусть, что Бин и Перси ушли. Сегодня необычный день. Матушка говорила: удача одна не ходит. Значит, если день начался с победы, то победой он и закончится. Мало-помалу мысли мальчика возвращались к сегодняшнему утру...

* * *

– Вот он, – сказал Бин, раздвигая колючие ветки шиповника. – Идет, гадина!

– Я же говорил, он всегда этой дорогой ходит, – облизнув внезапно ставшие сухими губы, заявил Кай. – От Ибира-травника так ближе.

По тропинке, петляющей меж густых кустов, шагал Аскол. Даже сейчас, когда его здесь, на глухих задворках, никто не мог видеть, он вышагивал важно, будто городской голова господин Сули на Параде Ремесел. От мягких кожаных башмаков разлеталась пыль, колыхался на груди распахнутый ворот красной рубахи. В руках Аскол нес бережно, будто золотой слиток, пучок сине-зеленой травы.

– Для папаши своего жирнозадого, – промычал Кай. – Чтоб брюхо не пучило. Почитай, каждое утро к Ибиру за свежей травкой бегают.

Бин промолчал. Каю пришлось толкнуть его:

– Ну что? Как договаривались?

– Может, ну его, а? Чтоб его хапуны забрали, связываться еще...

– Ну уж нет, – мотнул головой Кай, которому тоже очень хотелось домой. – Раз уж пришли, надо закончить... все это.

Бин кивнул, прерывисто вздохнул и исчез в кустах. А Кай выпрямился и шагнул на тропинку – навстречу Асколу. И сразу, чтобы предупредить возможную нерешительность, вытащил деревянный меч из веревочной петли на поясе.

На прыщавом лице сына рыбака мелькнул испуг, тотчас же, впрочем, сменившийся всегдашней издевательской усмешкой.

– Опа! – остановившись, сказал он. – Рыцарь говняный! Какими судьбами? Дракона выслеживаешь? Пошли со мной, у нас как раз поросенок запоносил, а никто поймать не может, чтоб лечебный корешок в пасть сунуть. Монетку заработаешь... – Услышав позади шаги, Аскол резко обернулся. К нему приближался Бин с мечом в руках. Бин шел, опустив голову – то ли потому, что утреннее солнце слепило ему глаза, то ли для того, чтобы не встретиться ненароком с Асколом взглядом. – Опа, – еще раз сказал тот и отступил ближе к кустам. Глаза его забегали, но голос не изменился: – Я ж вам говорил, соплежуи, чтоб на моей улице со своими деревяшками не появлялись! Говорил, а? Вчера только толстому навалили, вы тоже хотите?

Кай молчал, не зная, как начать. Бин, остановившись в нескольких шагах от сына рыбака, молчал тоже.

– А ну дай сюда свою деревяшку! – осмелел Аскол и, сунув травяной пучок за пазуху, шагнул к Каю. – Дай, я сказал!

Кай отступил.

– Дай сюда, помойник вонючий! – заорал, привычно свирепея, Аскол. – А то хуже будет! Ты что, не знаешь меня, что ли?

Он был на две головы выше Кая. Потому с тем же торопливым чувством, с каким вытаскивал свое оружие, Кай размахнулся мечом и, зажмурив глаза, совсем не целясь, ударил.

Деревянная рукоять больно толкнулась в ладонь. Кай открыл глаза и увидел Аскола, грозного Аскола, сидящего в самой пыли с широко раскинутыми ногами. Одна нога его оказалась боса – башмак валялся в нескольких шагах, а на прыщавом лице мешались совершеннейшее изумление и страх – самый настоящий страх. Бин, так и стоявший сзади на тропинке, открыл рот.

Сердце Кая оглушительно стучало. Зрение мутилось – Аскол словно перестал быть Асколом. Будто удар деревянного меча снял заклятие, превратив опасного, злого и сильного парня в обыкновенного перепуганного мальчишку. Куда подевался тот злыдень, изобретательный на обидные прозвища, умелый драчун и непобедимый главарь шайки, после столкновений с которой Кай сводил синяки и ссадины листьями благоцвета и, что греха таить, иногда плакал ночами от бессильной злости? Какое-то новое, распирающее чувство родилось в груди Кая. «Наверное, – мгновенно подумал он, – то же самое испытал и папенька, когда сразил своего первого дракона. Как оказалось легко срубить поганую голову!...»

Кай снова поднял меч.

Аскол закопошился в пыли, торопливо поднимаясь. Кай дал ему встать на ноги и ударил снова – на этот раз метя прямо в лоб. Сын рыбака опять полетел в пыль. И теперь он не спешил подниматься. Из глубокой ссадины пониже линии волос на лицо Аскола выкатилась красная капля. Увидев кровь, Кай почему-то отступил и опустил меч.

– Не надо... не надо... хватит... – бормотал Аскол неузнаваемым голосом, по-крабьи отползая. Кай шатнулся в сторону, уступая ему дорогу. Очнувшийся от оторопи Бин вдруг рванулся к поверженному врагу, размахивая мечом. Но Кай удержал его.

Аскол все полз, повернув бледное лицо к Каю. А оказавшись на безопасном расстоянии, внезапно вскочил.

– Конец вам! – выкрикнул он неожиданно визгливым, почти плачущим голосом. – Вы покойники, вшивота помойная, свиньи! Покойники!.. – И, развернувшись, побежал, неуклюже подпрыгивая.

– Вот это да! – услышал Кай голос Бина. – Я и не думал... То есть я думал... Зря мы так. Теперь он нас точно убьет...

Кай повернулся к другу, в первое мгновение не поняв смысла его слов. Новое чувство кипело в груди, словно кипяток. Он рассмеялся, давая ему выход.

– Свихнулся? – тоскливо поинтересовался Бин. – Ты что, не знаешь, какой он? Слышал, что он говорил? Нам теперь точно конец!..

На повороте тропинки Аскол вдруг упал, взмахнув руками. Вскочил и снова побежал, успев, правда, обернуться и погрозить грязным кулаком.

Кай снова рассмеялся.

* * *

Хлопнула дверь трактира, выпуская очередного посетителя. Рыжий парень, тот самый менестрель, шатаясь и икая, вывалился на улицу. Кай вздрогнул, возвращаясь из мира мыслей в реальный мир. И тотчас сунул голову в окно.

Огра за столом не было.

Рыжий покачнулся, едва не упал и по-дурацки закружился на одном месте, пытаясь поймать висящий за спиной черный футляр, будто собака – хвост. Когда ему это удалось, он удовлетворенно икнул, футляр отпустил, кивнул сам себе и, выписывая длинными ногами кренделя, пошел вдоль по мостовой.

Снова хлопнула дверь, и на пустынной темной улице возникла громадная фигура огра. Кай, задохнувшись от мгновенного испуга, сполз по стене под окно. Секунду огр стоял совсем рядом – от него разило какой-то особой вонью, как из пещеры, наполненной древними костями, – потом, переваливаясь, двинулся вслед за менестрелем. Огр шел, втянув голову в плечи, время от времени озираясь по сторонам. Менестрель, который, конечно, преследования не замечал, принялся насвистывать какую-то беспечную песенку.

«Началось... – стукнуло сердце Кая. – Вот оно!..»

Он хотел подняться, но ноги послушались только со второго раза. Мальчишка взялся за рукоять меча и тут же выпустил. Огр – это не Аскол. Даже смешно думать, что его можно хоть чуть поцарапать этой деревяшкой.

Каю пришлось глубоко вдохнуть, прежде чем он решился сделать шаг по направлению к огру. Страх, словно громадный паук, вцепился в него, не позволяя идти. Но мальчик все равно шел. «Это же не так трудно, – говорил он себе. – Главное – отвлечь чудище на себя, а потом бежать. Бежать изо всех сил! Огры – плохие бегуны, это все знают. Жаль, что Бина и Перси нет и некому вызвать стражу, но... обо всем расскажет этот рыжий, которого я спасу от верной смерти. У меня получится! Удача не приходит одна...»

Если бы не утренняя победа, Кай вряд ли теперь решился бы на преследование – он это ясно чувствовал. Просто до сегодняшнего дня он не знал, как важно, всего одно мгновение не думая ни о чем, просто встать и пойти, покрепче сжав меч. Точно, не будь утренней стычки с Асколом, он бы не решился. Составлять план и мечтать о подвиге – это одно. А кинуться на ужасное чудовище в одиночку, вооруженным только деревянным мечом, – это совсем другое.

Рыжий менестрель был пьян в стельку. Вот его занесло далеко в сторону, он наткнулся на забор и едва не упал.

Огр ускорил шаг. Почти побежал и Кай.

Менестрель, поймав равновесие, длинно выругал забор и даже стукнул по нему кулаком, видимо, всерьез на него обидевшись. После чего продолжил путь, но по такой замысловатой

синусоиде, что, сделав несколько шатких шагов, вернулся к забору и снова врезался в него. На этот раз приложился он основательно. Кай услышал звук, который получается, когда топором бьют по неподатливой чурке, а рыжий менестрель опрокинулся во весь рост на мостовую.

Огр кинулся к нему.

«Получится!..» – гроыхнуло в голове у Кая, который, воздев над головой меч, подбежал к чудищу, уже с глухим рыком склонившемуся над пьяным.

Прежде чем ударить, мальчик непроизвольно зажмурился. Меч попал по широченной спине огра плашмя, поэтому звонкий шлепок разнесся на всю улицу. Выронив меч, Кай развернулся и бросился бежать.

Осмелился оглянуться он только через несколько минут. Огра нигде не было видно. Не было слышно даже его шагов. Зажимая рот рукой, чтобы не выдать себя шумом дыхания, Кай медленно, беспрестанно вглядываясь в липкую тьму, пошел обратно.

Огра он нашел там же, где и оставил. Чудище склонилось над распростертым телом и урчало. Неподалеку белел брошенный меч.

«Он даже не почувствовал удара!» – в отчаянии подумал Кай.

Секунду мальчик стоял, слушая удары собственного сердца, которое, казалось, бухало на полгорода, потом, стараясь двигаться как можно тише, направился к огру. «Надо было заорать! – мелькнула в его голове мысль. – Светоносный, неужто он его уже жрет?!»

Он подкрался к мечу, наклонился, чтобы поднять его, и, выпрямившись, вдруг ткнулся взглядом в серокожую громаду, воздвигшуюся прямо перед ним.

Огр, очевидно, просто притворявшийся, что не замечает мальчика, схватил его чудовищной лапицей за шиворот и с ревом оторвал от земли.

* * *

– А теперь объясните мне, добрый господин, почему и с какой целью вы напали на моего товарища? – изысканно спросил менестрель, возлежавший на мостовой, удобно подложив руку под голову.

Кай, висевший между небом и землей, еще не обрел дар речи.

– Быть может, вас интересовало содержимое моего кошелька? – продолжал рыжий менестрель. – Смею вас уверить, кошелек совершенно пуст. В этом городишке живет странный народ. Если я угостил кого-то кружкой-другой, не значит ли это, что потом неплохо бы угостить меня? Тем более что я весь вечер драл глотку, убаюкая весь трактир... Кстати, мое имя – Корнелий.

– К-кай... – с трудом выговорил Кай.

Огр, который удерживал мальчика в висячем положении на согнутой в локте руке так же легко, как будто это был тряпичный лоскут, снова заурчал.

– Отстань, Ххар, – поморщился Корнелий. – Никуда я отсюда не пойду, я же сказал. Ночь не такая уж и холодная. Видали мы с тобой и похолоднее. Трактирщик не разрешил остаться переночевать, потому что мне уже нечем было заплатить. И это в то время, когда во всем королевстве менестрели, по обычаю, не платят за ночлег и выпивку! Клянусь веселым Гарнаком, покровителем менестрелей и пьяниц, этот Горн – самый скупой трактирщик во всем Гаэлоне. Он сказал, что я начал платить тогда, когда он еще и не догадывался о роде моих занятий, то есть я вошел в трактир как обычный посетитель, значит, и выйти должен как простой посетитель. Говоришь, имя твое Гхай? Не совсем обычное имя для гнома. И с какой поры маленький народец разбоем занимается? – Корнелий расхохотался пьяным раскатистым хохотом. – Скажи мне, господин Гхай, в этом городишке есть еще места, где собираются, чтобы выпить и послушать старые добрые баллады и веселые застольные песенки?

– Я... – с трудом выговорил Кай и прокашлялся, – никакой не гном. Я... не разбойничал.

Корнелий приподнялся на локте и, гримасничая от напряжения, долго вглядывался в своего пленника. Потом хрюкнул и снова расхохотался.

– Клянусь веселым Гарнаком! – воскликнул он. – Это ж пацан! А меч... – он перевел взгляд на валявшийся рядом меч Кая, – простая деревяшка? Что ж в этом городе творится, а? Трактирщики выкидывают менестрелей на улицу, а мальчишки темными ночами нападают на огров!

– Пусти меня! – набрался смелости Кай и дернулся в крепкой хватке Ххара. – Скажите ему, господин менестрель, пусть он меня отпустит. Я матушке скажу! Я... дедушке скажу, он сейчас в ночном карауле!

– Твой дедушка – добрый господин Гас? – тут же поинтересовался Корнелий, очевидно, что-то припоминая сквозь пьяный дурман.

– Гур! Мой дедушка – Гур!

– Гур... – наморщился Корнелий. – Наверное, слышал... Неважно. Так объясни, пожалуйста, сначала, добрый господин... как тебя?.. Гхайрл?..

– Кай!

– Ну да, Кай. С чего ты вдруг набросился на моего здоровяка? Он что, тебе ногу отдал или посмотрел косо?

– Он же огр! – выпалил Кай. – Он огр и... Я не знал, что он ваш... Я думал, он набросился и сейчас вас сожрет!

– Еще интереснее. – Менестрель сел на мостовой, обрета позу шатаемого ветром цветка. – И ты в одиночку набросился на него?! С этой деревяшкой? Говори! Пока не объяснишь, будешь болтаться, как груша. Ххар тебя до самого утра держать может. Ты ему своей деревяшкой так двинул, что у него наверняка прыщ на заднице вскочит.

Каю очень хотелось на землю. Ему очень хотелось домой и быстрее спать, чтобы забыть эту дурацкую ситуацию, в которую его угораздило попасть. Путаясь и запинаясь, он заговорил. А когда закончил, Корнелий взорвался таким громоподобным хохотом, что опять свалился на мостовую, и ему пришлось с минуту подрыгать ногами, чтобы успокоиться и снова принять сидячее положение.

– О, веселый Гарнак! – всхлипнул рыжий, вытирая слезы. – Чего только не бывает в славном Гаэлоне! Значит, ты намеревался совершить подвиг? Деревяшкой?.. Ну знаешь, это не совсем по-рыцарски. Хотя... – Менестрель посерьезнел. – Гидруг Разящий, когда у него сломался меч, прикончил Зарейскую Семиглаву Тварь колом! Так что...

– А кто такой Гидруг Разящий? – немедленно спросил Кай.

– Один из двенадцати рыцарей Ордена Пылающего Круга, – ответил Корнелий. – Разве ты не знаешь? Ты же намереваешься стать рыцарем! Ты должен знать историю рыцарства Гаэлона! Неужели к вам в городок никогда не забредали менестрели?

– Н-нет... Может быть... Не помню. А все менестрели знают историю рыцарства?

– Ни один из менестрелей, – важно заявил рыжий, – не знает историю рыцарства так хорошо, как я! Отпусти его, Ххар, пусть идет домой. Нашего Кая Атакующего Огрские Задницы матушка, вероятно, заждалась.

Лапища огра разжалась, и Кай брякнулся на мостовую. Но уходить уже не спешил.

– Господин Корнелий, – несмело обратился он к менестрелю, снова улегшемуся на мостовую, – не согласитесь ли переночевать в моем доме? Матушка утром покормит вас завтраком.

– Матушка? – переспросил, не поднимая головы, Корнелий. – А что скажет папенька?

– Папеньки сейчас нет, он в походе. Он рыцарь, ему сам государь его величество Ганелон золотой меч даровал за ратные подвиги!

– Да? – живо заинтересовался Корнелий и снова поднялся. – Значит, сэр Кай живет только с матушкой? А ведь есть еще и дедушка... Который в ночном карауле... Что скажешь, Ххар?

Огр рыкнул и пару раз мотнул башкой – вниз-вверх.

– Мы согласны, – вставая на ноги с помощью Ххара, проговорил Корнелий. – Но помните, господин сэр Кай Добросердечный, менестрели за ночь и завтрак расплачиваются балладами. Это золотое правило мастеров нашего дела. Идет?

– Очень хорошо, господин менестрель! – улыбнулся Кай.

Глава 2

Громкие крики выбросили Кая из сна. Он вскочил и зажмурился от яркого солнца, ударившего ему в глаза через распахнутую дверь сарая. Мгновенной чередой пробежали перед ним события завершения вечера. Вот они вместе с менестрелем и огром вернулись домой. Вот матушка, набросившаяся было на Кая с упреками, увидев огра, раскрыла рот и застыла на месте, а рыжий Корнелий, согнувшись в каком-то диковинном полупоклоне, начал разливать длинную медовую речь и разливал ее, пока не упал.

Потом они – матушка, Корнелий и Кай, – оставив огра на пороге, долго сидели в комнате. Корнелий пел, наигрывая на своем инструменте, похожем на гуся без лапок, и то и дело прикладываясь к кувшину вина, который матушка поставила на стол. Сначала менестрель пел о рыцарях давних времен, и тесная полутемная комнатка осветилась сиянием доспехов, всполохами пламени из пастей невероятных чудовищ, брызгами искр от ударов стали о сталь. Потрескивание масляного светильника заглушил грохот битв и восторженные вопли толпы на турнирах и рев драконов.

Несколько старинных песен-легенд спел менестрель, малопонятных из-за обилия древних слов, о Великой Войне. О войне между людьми и эльфами, о войне за право обладания миром, о войне, в которой когда-то люди ценой чудовищных жертв и разрушений все же одержали безоговорочную победу, навсегда изгнав жалких недобитков Высокого Народа в зачарованные чертоги, скрытые от глаз любого человека.

Потом Корнелий запел другие баллады. Вроде тоже о рыцарях, но место чудовищ заняли прекрасные дамы, с которыми рыцари не сражались, а совсем наоборот. Глаза мальчика стали слипаться, и матушка велела ему идти спать на сеновал, добавив, что господин Корнелий скоро присоединится к нему...

Крики неслись со двора. Съехав с вороха сена, Кай ринулся к дому.

У дверей творилось нечто невообразимое. Дедушка Гур, с совершенно красным лицом, растрепанными седыми волосами, молотил громадного Ххара длинным обломком копья по плечам и локтям, которыми тот закрывал морду. Огр приплясывал на месте, жутко взрыкивал, скалил из-под рук желтые клыки, но прохода не освобождал.

Вдруг невесть откуда вылетел Корнелий – босиком, в одних штанах, с растрепанной рыжей шевелюрой, с целой грудой перестукивающихся амулетов на тощей груди. Он гаркнул что-то Ххару на одном из огрских наречий, и тот с неожиданным для своей туши проворством отпрыгнул в сторону. Старый Гур, напоследок наподдав обломком копья огру по загривку, по инерции ввалился в дом, но на пороге столкнулся с матушкой – простоволосой, в одной ночной рубашке.

– Анна! – заревел дедушка. – Что здесь творится? Меня в мой собственный дом не пускает какой-то тупоголовый огр! Откуда здесь огр? Откуда здесь... – Он перевел яростный взгляд на Корнелия и вдруг узнал его: – Пустозвон! А ты что здесь делаешь?! Анна! Что он здесь делает?

– Дедушка, – попытался было вступиться Кай, но Гур крепко ухватил его за плечо:

– Беги за стражей, Кай!

– Папенька... – только и смогла вымолвить матушка.

– За стражей, Кай! – рявкнул старый Гур и, взяв свою палку наперевес, снова шагнул к огру.

Но тут, пихнув в бок Ххара, вперед вышел менестрель. Одеться он, конечно, не успел, но волосы пригладил.

– Добрый господин, – с достоинством поклонился рыжий, – позвольте разъяснить недо-
разумение, а уж после того посылайте за стражей сколько вам будет угодно. Мое имя Корнелий.
Меня и моего товарища Ххара любезно пригласил вот этот молодой человек.

– Кай?! – удивленно уставился на внука старый Гур.

– Ему негде было ночевать... – пробормотал Кай. – Он... он хороший. Он такие баллады поет!..

– Какие баллады он поет, я знаю! – хрипнул дедушка и остановил взгляд на дочери. – Анна! Ты... Он что, всю ночь тут провел? – заревел опять Гур. – Где ты спал, пустозвон?!

– В сарае, на сеновале, господин, – снова поклонился Корнелий. – Смею развеять ваши оскорбительные подозрения, которые, поверьте, мне больно выслушивать, – мы, менестрели, знаем, что такое благородство и честь.

– Анна, иди в дом, оденься! – топнул ногой дедушка.

Матушка тут же исчезла в доме, а Кай глянул на менестреля. Пробуждение было, конечно, неожиданным, и осмотреться там, в сарае, ему было некогда, но... вряд ли он не заметил бы, что рядом кто-то спит. Да и еще – дедушка сейчас рассержен и не способен обра-
щать внимание на детали, но ему-то, Каю, видно, что ни соломинки в густых рыжих волосах менестреля нет. И... кто ж раздевается, когда приходится спать в сарае?

– Позвольте еще раз принести свои извинения за причиненные неудобства, – изысканно произнес Корнелий. – Я как раз, проснувшись, проветривал свои одежды, а то услышал бы шум раньше и раньше прекратил бы безобразие. Огра я накажу, уж поверьте. Но... я назвал свое имя, а ваше имя, добрый господин, мне неизвестно.

– Гур! – отрывисто буркнул старик.

– Гур?! – вдруг округлил глаза Корнелий. Он даже отпрянул, прижав руки к груди, как будто увидел перед собой по меньшей мере его сиятельство графа Конрада. – Тот самый Гур?!

– Откуда ты меня знаешь, пустозвон? – с мрачным удивлением спросил дедушка.

– Как?! – всплеснул руками менестрель. – Господин Гур, кто же вас не знает? Я в этом городе второй день, но мне уже столько о вас рассказали!

– Что же, интересно, обо мне рассказывают? – недоверчиво осведомился старик. – И кто? Гас?

– Никакой не Гас, – уловив нотку презрения в голосе Гура, моментально ответил мене-
стрель. – Намного более достойные господа... стражники. Весь город восхищается вашим мастерством, а красота вашего дома, в особенности крыши, затмевает красоты, виденные мною во многих городах Гаэлона. Я слышал даже, что сам господин Сули намеревается перестроить крышу своего дома под стать вашей. А еще говорят...

– Пустозвон! – махнул рукой дедушка, но уже не сердито, а скорее устало. – Пошел вон отсюда. Забирай своего вонючего огра и проваливай!

– Как скажете, добрый господин Гур, – в очередной раз поклонился Корнелий. – Но вече-
ром я обязательно загляну к вам, чтобы расплатиться за постой. Мы, менестрели, всегда пла-
тим за ночлег звонкой монетой – таково золотое правило мастеров нашего дела.

Кай хотел было напомнить рыжему Корнелию о том, что золотое правило менестрелей – платить за ночлег исполнением баллад, но промолчал. В конце концов, Корнелий проведет с ним еще один вечер, а за вечер сколько можно спеть баллад!

Поклонившись еще трижды, Корнелий исчез за углом дома, утянув с собой и огра. Кай шмыгнул за ним и успел увидеть, как матушка, уже спрятавшая волосы в чепец и зятаяная в платье, подала менестрелю из распахнутого окна ворох одежды и инструмент в чехле. При-

нимая ворох, Корнелий как-то воровато оглянулся, увидев Кая, с испугом замер, но потом, мгновенно оправившись, весело подмигнул. «Думал, что дедушка, – догадался Кай. – Значит, матушка ему почистила одежду, а не он сам. И почему они боятся, как бы дедушка не узнал?..»

Подмигнув, рыжий менестрель и не думал уходить, как обещал старому Гуру, хотя огромный Ххар просяще урчал, осторожно трогая хозяина за плечо. Корнелий о чем-то разглагольствовал, ежеминутно приседая в таких причудливых реверансах, что казалось, будто он танцует. А матушка смеялась, зажимая рот ладонью. Такой счастливо-раскрасневшейся Кай матушку видел давным-давно – в те вечера, когда она рассказывала ему о подвигах папеньки. Кай и теперь помнил, как она рассказывала – сначала вела повествование ровно, чуть улыбаясь, а потом словно переставала видеть Кая, хоть и не закрывала глаза, словно говорила сама себе: «Как-нибудь утром ты проснешься оттого, что услышишь стук копыт. Выглянешь в окно, а там дедушка уже открывает ворота. И папенька наш въезжает во двор. У него белый жеребец, а на жеребце позолоченная сбруя...»

* * *

Нагрудная пластина скакуна была оснащена двумя изогнутыми клинками, расходящимися по обе стороны крупа отточенными косами. Конь мчался вперед, а огры, те, что попадались ему на пути, рушились срубленными дубами на землю, пятная ее своей кровью. Всадник длинным мечом рубил направо и налево, одним умелым ударом отсекая головы тем, кто ухитрился ускользнуть от гибельных клинков нагрудной пластины. Стоны и вопли умирающих серокожих чудовищ летели вслед за всадником отвратительно косматыми воронами.

Тропа пошла вверх. На камнях скалы, вершину которой заливал неземной свет Голубой Розы Живого Серебра, свалка стала гуще. Скакун устал, да и тяжело ему было бежать на подъем, зато длинный меч сэра Кая поднимался и опускался чаще. Наконец, один из огров, умирающий под копытами коня, успел длинным ножом распороть брюхо животного. Скакун споткнулся и упал. Всадник вылетел из седла и на мгновение скрылся под ревущей серой массой. Но только на мгновение!

Копытающая груда будто взорвалась. Взметнулись вверх струи крови, отрубленные серокожие ручищи, остроухие головы, обломки топорниц и ножей. Сэр Кай, тяжело дышащий, с окровавленным мечом в руках, оказался в плотном кольце рычащих огров. Он взмахнул над головой мечом, готовясь к последней смертельной схватке, но тут кольцо, дрогнув, раздалось в стороны, и, раздвигая серокожих гигантов огромными плечами, к сэру Каю шагнуло чудище, почти вдвое выше самого высокого огра.

На голове чудища – громадной, темной и голой, будто обкатанный морскими волнами валун, – тускло белела костяная корона, крохотные глазки пылали так, что в пропитанном кровью воздухе явственно запахло раскаленной серой, с длинных желтых клыков капала на бугрящуюся мускулами грудь черная слюна. Сэр Кай сразу узнал в чудище Хавутара – повелителя всех диких огров, мастера грубой первобытной магии темных духов, обитателей подземных пещер, куда нет хода не только человеку, но и даже гному.

Огры восторженно взвыли, теснясь к ближайшим камням, освобождая место для поединка. Хавутар, не сводя пылающих глаз с сэра Кая, медленно вытянул из-за спины невероятных размеров сдвоенный топор и глухо прорычал:

– Чего размахался? Чуть не зашиб меня!

Кай плашмя ударил мечом по колену, стряхивая с деревянной поверхности зеленые капли, лоскутки листьев и раздавленные головки чертополоха, и снова принял боевую стойку.

– Защищайся, мерзкий Хавутар! Это говорю тебе я, сэр Кай Громоподобный, самый славный из двенадцати рыцарей Ордена Пылающего Круга! Не удержат тебе Голубую Розу Живого

Серебра, чья только роса способна излечить раны моего друга, сильного и смелого Гидруга Разящего, – ужасные раны, полученные им в схватке с мерзкой Зарейской Семиглавой Тварью.

– Чего?! – вытаращился Бин.

– Ты ничего не слышал о рыцарях Ордена Плающего Круга? – осведомился Кай.

– Какого круга? – раскрыл Бин рот.

– Плающего, – ответил Кай с таким видом, будто он сам не только вчера впервые услышал об этом Ордене, а прожил там в качестве почетного гостя по меньшей мере неделю.

– А... ага... – неопределенно пробормотал Бин и оглянулся на окна своего дома, свежескрашенного в нарядные цвета, но густо заросшего чертополохом. Впрочем, благодаря бурной деятельности славного рыцаря сэра Кая Громоподобного заросли теперь были порядком прорежены. – А... а мамаша меня вчера так отчесала за то, что по ночам шляюсь, – договорил он, исподлобья глядя на друга. – Мне прибраться надо было, потому что гости с утра должны прийти... А... а тебя?

– А меня – нет, – беспечно мотнул головой Кай. – Пошли, что ли?

Они двинулись привычным маршрутом – обратно к дому Кая, чтобы зайти еще и к Перси. Толстяка Перси они всегда последним вытаскивали на улицу. Рано утром в жилище его отца-сапожника нечего и думать было соваться: многочисленное и крикливое семейство Перси, переполнявшее крохотный домишко, шумно завтракало, прежде чем разбрестись по своим делам.

На узких городских улочках царил час кухарок. Метя передниками камни мостовой, тяжело пытели нагруженные корзинами тетки. В корзинах пищали цыплята, растерянно гоготали приготовленные для обеденного заклания гуси, выкрикивали отчаянные гортанные ругательства утки. Пожилая гномиха, похожая на тряпичный шар, деловито катилась посередине улицы, неся на палке через плечо с десяток маленьких узелков, из которых раздавалось сдавленное мяуканье. Гномиху заметно сторонились – не все одобряли кулинарные предпочтения маленького народца. Двое мальчишек, помладше Кая, волокли на веревке упирающегося, визжащего поросенка, за ними следом шествовала дородная старуха, из корзины которой надменно озирали окрестности глупый индюк.

Кай, подпрыгивая, почти бежал по краю мостовой – там, где кончались камни и начиналась липкая грязь сточной канавы. Деревянный меч, на веревочной перевязи болтающийся у пояса, он придерживал за «эфес». Бин едва поспевал за ним. Кай пересказывал вчерашнее происшествие торопливо, восторженно и абсолютно честно, лишь чуть-чуть приукрашивая некоторые факты, но исключительно ради придания художественной ценности рассказу. Бин только дважды недоверчиво воскликнул:

– Да что ты говоришь!

Первый раз, после слов: «Врезал я этому огру мечом, а он как заорет, как кинется на меня, я ему еще раз – тут он заскулил и приготовился бежать...», а второй раз после: «Этот Корнелий все-все про древних рыцарей знает, он самому его величеству Ганелону баллады пел...»

– Дедушка Корнелия чуть было не пришиб с утра, а матушка – ничего, ей Корнелий понравился, – закончил Кай, и Бин как-то непонятно, по-взрослому усмехнулся.

– Что? – вскинулся Кай.

– Ничего, – отвел глаза Бин и спросил: – А где этот Плающий Орден можно найти?

– Сейчас? Нигде уже. Это ж было давным-давно!

– А-а... А нынешние-то рыцари в какой Орден объединились?

– Не знаю, – ответил Кай. – Про это Корнелий ничего не рассказывал...

Он вздохнул. Как-то странно получалось. Баллады говорили о древних-древних временах, когда славному рыцарю стоило только переступить порог своего замка, как на него тут же скопом накидывались всевозможные колдуны, чудовища и великаны попеременно с прекрас-

ными девами. А о нынешних временах менестрель ничего не пел. Наверное, должно пройти много-много лет, прежде чем сложат баллады о современных героях. Таких, как папенька, например...

Увлеченно разговаривая, мальчишки быстро шли по петляющим улицам. Лишь один раз остановились поглазеть через низкий плетень на двор Брада-сапожника. Там Брад, да еще Нил, тоже сапожник, со своими подмастерьями сколачивали из длинных и сухих березовых поленьев огромную подошву – ну должно быть, шагов в шесть длиной, шага в два шириной. Это какой же сапог будет? Вышиной с колокольню? А из чего голенище делать? Вряд ли из кожи – уж больно накладно.

Для Парада Ремесел стараются. Веселый праздник – этот Парад Ремесел, сам господин Сули его придумал два года назад. На Параде лучшие мастера каждого ремесла представляют свою работу. И чем громаднее получается изготовленная штука, тем больше мастерам почет. В прошлом году расстарались кузнецы. Выковали такую здоровенную подкову, что со двора кузни выкатить не смогли. Стали лошадьми тянуть, а она развалилась – кто ж такую огромную дуру из хорошего металла ковать станет? Но лучше всего, когда колбасники, кондитеры и хлебопеки свой товар представляют. Все вместе зараз полгорода накормить могут. Ну не половину, а около того. В том же году, когда кузнецы опростоволосились, колбасники десяток свиных сарделек на Парад вынесли – каждую всемером, а хлебопеки хлеб на телеге везли, а кондитеры торт волокли на жердях, аж с городской колокол тот был. Правда, пустой внутри – в него карликов для смеха посадили...

Из проулка слomia голову выбежал лопоухий мальчишка – он намеревался пересечь улицу и нырнуть в противоположный проулок, но Бин с Каем невольно загородили ему дорогу. Оба знали этого лопоухого. Его звали Дранк, и он принадлежал к компании, в которой верховодил Аскол.

Встретившись взглядом с Каем, Дранк испуганно отпрянул, ойкнув к тому же. Не ожидавший подобного эффекта Бин победоносно взглянул на Кая. А Дранку рывкнул:

– Ослеп, что ли? Людей с ног сбиваешь... Может, по шее хочешь?

– Да оставь ты его! – махнул рукой Кай. – Пошли быстрее. А я еще чего подумал: может, сегодня все вместе на нашем сеновале ляжем? Сегодня Корнелий ведь снова придет... Вот я и спрошу про рыцарей нашего времени. Не может быть, чтобы не было такого же славного Ордена, как Орден Пылающего Круга, в наши дни.

– Ага, – кивнул Бин и сплюнул под ноги Дранку: – Ладно, вали к своему Асколу! Небось соскучился по затрещинам атаманским...

Дранк отпрыгнул в сторону. Уверенные в том, что мальчишка сейчас взорвется водопадом ругательств и угроз, прежде чем броситься наутек, друзья удивленно переглянулись, когда Дранк вдруг округлил глаза и выпалил:

– Аскол! Вы что, не знаете, что ли?..

– Что? – спросил Кай.

– Арарн-ведьмак-то вчера... Когда подмастерья своего отчитывал, в окно глянул и нас заметил! Как заорет, как замашет руками – из пасти искры как сыпанут! Мы все – кто куда!.. Я до самого дома бежал, не оглядываясь.

– Неужто ведьмак Асколу задницу поджарил? – хмыкнул Бин.

– Кабы так! Я-то сам не видел, ко мне с утра пацаны забежали. Говорят, Аскол не убег. Споткнулся, говорят. А Арарн-ведьмак его поймал и... зашипел по-змеиному. Потом плюнул ему в лицо, и стал у Аскола вместо носа пороссячий пятак. И вроде как сказал Арарн, мол, пока твой папаша мне не заплатит... – Ему не удалось договорить: Кай и Бин дружно расхохотались. – Вам смех! – оскорбленно крикнул Дранк. – А он, Аскол-то, всю ночь пролежал в кустах у скотобойни, возле Дерьмовой Дыры. Домой идти боится. И посейчас лежит, на люди показываться стыдится. Наши пацаны, почитай, все там.

– Бреешь! – предположил Бин. – Как пить дать бреешь.

– Кобель твой брешет! – огрызнулся Дранк. – А я говорю, что люди рассказывают...

Пробормотав что-то еще, Дранк прошмыгнул мимо приятелей и кинулся в проулок. Мальчишки снова прыснули.

– Вот умора! – отхохотавшись, выговорил Бин. – Поросячий пятак! Нет, Арарн все-таки мужик что надо!

– Мировой мужик, – согласился Кай.

Внезапно замолчав, они посмотрели друг на друга.

– На замануху похоже, – проговорил наконец Кай.

– Да ну! – отмахнулся Бин. – Мы только одним глазком. Уж очень хочется! Мы тихонько, нас никто и не заметит.

– Ладно, пошли, – согласился Кай.

* * *

От скотобойни тянуло приторным запахом крови, но чем дальше Кай и Бин углублялись в заросли лопухов и чертополоха, тем явственней ощущалась гнилая вонь Дерьмовой Дыры.

– Да где ж они?.. – прошипел Бин, вытягивая шею, чтобы хоть что-то разглядеть поверх буйной чащи пыльных сорняков.

– Не шуми, – толкнул его в спину Кай.

– Да что – не шуми! Нет тут никого. Посмеялся над нами Дранк – точно! Сейчас насквозь эти кусты пройдем и как раз в Дерьмовую Дыру угодим. Надо было все же дать разок по шее этому...

Тут голос Бина сорвался на испуганный вскрик – он мотнулся куда-то вперед и влево и неожиданно исчез. Кай дернулся за ним. И, уже ощутив, что неудержимо скользит вниз по крутому склону невидимого из-за лопухов овражка, взмахнул руками, пытаясь уцепиться за что-нибудь. Ладони резанула боль от шипов чертополоха, в уши ринулся шум веток, и почва под ногами Кая брыкнулась, переворачиваясь. Он покатился неведомо куда, успев только прикрыть руками лицо, чтобы защититься от колючек.

Овражек оказался неглубоким и узким. Скорее даже, это был вовсе не овражек, а русло ручья, стекавшего когда-то в Дерьмовую Дыру. Здесь, внизу, было сыро и грязно и еще сильнее воняло.

Гадливо морщась, Кай поднялся, стряхивая с себя комья липкой грязи.

– Ну Дранк, – пробормотал он. – Гадина!.. А ты, Бин, говорил еще... – Кай замолчал, вдруг поняв, что никакого Бина рядом нет.

«Должно быть, скатился ниже», – решил он и зашлепал, с трудом вытаскивая босые ноги из грязи, по направлению склона. Через несколько шагов он заметил, что края овражка стали много ниже. Мальчишка дотянулся до толстого стебля, свисавшего над головой, схватился за него и вытянул себя наружу.

Какой-то приглушенный вскрик долетел до него.

– Да здесь я, здесь, – пробормотал Кай, узнав голос Бина. – Мог бы и подождать...

Он поднялся и, раздвигая кусты, пошел на звук. Когда со всех сторон неожиданно захрустели ветви, Кай еще ничего не понял. Неосознанным движением он схватился за рукоять меча, и тут на него навалились сразу несколько человек, раньше укрывавшиеся за широкими листьями лопухов. От тяжести Кай свалился сразу же. Это была настоящая, умело организованная засада. Нападавшие не говорили ни слова, Кай слышал только надсадное дыхание и тревожный шум крови в голове, пыль сразу запорошила ему глаза так, что он совсем не мог смотреть, а утереться никак не получалось – руки ему сразу же завернули за спину. Кто-то,

больно надавив коленом в бок, вытянул из-за пояса деревянный меч. Кто-то, должно быть, двое или трое, вздернули его на ноги и поволокли куда-то сквозь кусты.

– Наконец-то, – услышал Кай знакомый до боли гнусавый голос и, с трудом проморгавшись, открыл глаза. – С самого утра жду, – добавил Аскол. – А вас все нет и нет.

Он стоял, уперев руки в бока, прямо перед Каем на небольшой, видимо, совсем недавно вытоптанной лужайке. Никакого, конечно, поросычьего пятка на его лице не было, только торжествующая ухмылка. Вся его шайка была в сборе, и даже более того... Бина, тяжело дышащего и полностью обескураженного, держали позади Аскола трое пацанов, одним из которых был паскудный Дранк, двух других Кай не знал. Его самого держали двое. Третий сидел на корточках близ Аскола и поигрывал двумя деревянными мечами. Еще парочка, только что продравшаяся через кусты, теперь, чертыхаясь, очищала одежду от колючек.

«Шестеро, – подытожил Кай. – Да еще Аскол. Семеро... Да еще эти двое – должно быть, наблюдатели. Девять...»

– Рыцари безмозглые! – хохотнул сын рыбака. – В башке – лягушачья икра!

Вокруг засмеялись.

– Чурбаки дубовые! – продолжал веселиться Аскол. – Какие ж вы рыцари, к хапунам, если вас никто не посвящал? А?.. Какие, я спрашиваю? Хреновые, вот какие! – ответил он на свой вопрос. – Ну как, братцы? Поможем ребятишкам? Дай-ка! – не глядя, протянул руку, в которую тотчас вложили один из мечей.

«Не мой, – с каким-то странным облегчением подумал Кай. – Бина...» Он вдруг поймал себя на мысли, что совсем не испытывает страха. Словно что-то сломилось в нем тогда, на кривой тропинке, залитой утренним солнцем, ведущей от дома травника к дому рыбака Харла. Что-то сломилось, растаяло и исчезло. А на его месте, питаемое суровым пламенем древних легенд Корнелия, поднялось, как поднимается весной из-под рыхлого усталого снега упругий молодой цветок, что-то совершенно новое, чему Кай еще не нашел названия.

– Поможем ребятишкам? – наступал на Кая, помахивая мечом, Аскол. – А? Чего скажете?

Кто-то что-то ответил, кто-то снова заржал – Кай этого не услышал. Он смотрел в глаза Асколу, который все подступал, подступал к нему, но никак не мог решиться поднять меч для удара. Он смотрел в его глаза, водянисто-серые, как болотная вода, и видел, что на неглубоком дне их плавал страх. И Кай понимал, откуда этот страх. Потому что в его глазах Аскол страха не видел.

– Этого на сладенькое оставим, – сплюнул Аскол и круто развернулся. – Начнем во-от с кого. Ну-ка... Покажи, что умеешь, – обратился он к Бину.

Бин дернулся, но его держали крепко.

– Ну-ка, защищайся! – приказал Аскол. – Чего дрыгаешься?

Бин тяжело дышал. Вытянув шею, он глянул в лицо Каю, с натугой сглотнул и сжал губы.

– Ничего не умеет, – делано огорчился сын рыбака. – Кроме того, что сопил на кулак мотать. Ну-ка... – Он размахнулся и, примериваясь, несильно, ударил Бина по плечу. Тот зашипел сквозь зубы. – Посвящаю тебя! – гнусаво завыл Аскол. – В рыцари Дерьмовой Дыры...

Тут пацаны захлебнулись от смеха.

– ...и нарекаю... – Аскол на секунду задумался: – Бин – Коровий Блин!..

Каю показалось, что он сейчас оглохнет от взрыва хохота, ударившего в оба уха. Аскол знал, что делает. Сейчас он изобьет их при всех так, что следы будут видны еще несколько дней, а уж позорные прозвища, которые они сегодня получают, не забудутся никогда.

– Стой, не падай! – орал Аскол, лущуя Бина его же мечом по спине, плечам и груди. – Стой прямо, Бин Коровий Блин! Нравится деревяшками махать, соплежуи? Нравится? Сейчас ты у меня помашешь, сучонок...

Пацаны хохотали, но из голоса Аскола смех уже исчез. Он бил все сильнее и сильнее. Прыщавое и мокрое лицо его покраснелось, из распяленного рта летели нити слюны. Очередной удар пришелся Бину по уху – мальчишка выгнулся и закричал.

С этой секунды хохот стал смолкать. И все тише становилось на поляне. Аскол уже не вопил, он лишь сипло дышал, покрывая при каждом ударе, гулко отдающемся среди пыльных кустов. Меч поднялся и опустился еще три раза – на нестриженую голову Бина. При последнем ударе послышался треск, меч обломился и, соскальзывая, острым сколом глубоко вспорол Бину щеку. Кровь брызнула так далеко, что Аскол отшатнулся. Бин тонко заскулил и обмяк в руках мучителей – впрочем, его тут же отпустили, – он упал и скорчился на траве.

Пацаны, пораскрывав рты, смотрели на своего предводителя. А сын рыбака, словно ничего вокруг не видя и не слыша, снова поднял обломок меча.

Тогда Кай рванулся. Его уже почти не держали: достаточно было одного резкого движения, и мальчишки брызнули в разные стороны.

Аскол, вероятно, нутром почуял опасность. Он быстро обернулся, отмахнувшись мечом, но Кай бросился не к нему, а к тому, кто держал его меч. Мальчишка отшвырнул от себя деревяшку, не успел Кай сделать и пару шагов.

Кай поднял свой меч. Рукоять удобно и прочно легла в ладонь. Он смотрел на искаженную бешенством физиономию Аскола, на побелевшие искривленные губы, на которых осели брызги крови, на раздувающиеся ноздри – и видел не человеческое лицо, а злобную харю тролля-людоеда.

Странное полуощущение-полумысль вспыхнуло в его голове так мгновенно и сильно, что Каю на секунду стало трудно дышать. Вот она – та самая битва, настоящая битва, не вчерашнее смешное приключение с неуклюжим огром. Он защищает человека от опасной твари, и его руки сжимают оружие, и его голова легка, и нет дрожи в коленях.

Аскол заорал и бросился вперед.

Острое деревянное лезвие мелькнуло у лица Кая – он едва успел увернуться. У него было несколько мгновений, пока сын рыбака, рыча от злости, восстанавливал утраченное равновесие и разворачивался, и Кай не упустил их.

Раз – он присел на колено, с силой ткнув острием меча троллю под ребра. Когда тролль завыл и отшатнулся, два – удар по плечу наотмашь заставил злобную тварь выронить обломок меча и упасть на колени. Дальше было совсем просто. Не давая троллю подняться, Кай бил снова и снова, уже не особенно заботясь о том, куда попадет.

Тролль надрывно закричал, прося пощады.

Кай отскочил назад. Вдруг он подумал о том, что совершенно забыл про остальных мальчишек. Неужели они не сообразили накинуться на него со спины всем скопом? Он оглянулся, но никого вокруг себя не увидел. Только Бин все еще лежал, скорчившись, в траве, да в нескольких шагах от Кая, обхватив руками голову, протяжно выл Аскол, сын рыбака, выдувая носом зеленые пузыри.

Бин поднял голову. Лицо свое, окровавленное, он зажимал обеими руками, и между пальцев еще бежала кровь.

– Разбежались все, – неожиданно серьезно и хрипло проговорил Бин.

Кай минуту молчал, не зная, что говорить. Он еще раз посмотрел на Аскола. Тролль исчез, как его и не было. Остался мальчишка, жалкий прыщавый Аскол, сын толстопузого рыбака Харла. И теперь это был вовсе не враг, а какое-то прыщавое недоразумение, недостойное удара мечом.

Кай вложил меч за веревочный пояс и, ощущая у бедра его надежную тяжесть, подошел к Бину и помог ему подняться.

– Больно? – спросил он.

– Сейчас не очень. – Бин, морщась, отвел руку от лица. – Только как-то горячо... Жжет. Посмотри, что там...

Лицо Бина было густо измазано кровью, глубокая кривая ссадина на левой щеке выглядела жутко: края вспоротой кожи побелели, в глубине виднелась запекшаяся чернота, а из уголка ссадины бежала тонкая струйка крови.

– Да ничего такого... – соврал, сглотнув, Кай.

– Шрам останется, – полуутвердительно проговорил Бин. Видимо, мысль о том, что у него появится настоящий боевой шрам, доставила ему удовольствие.

– Шрам останется – будь здоров, – подтвердил Кай. – Пошли отсюда. Надо подорожник найти или благоцвет. Приложить, чтоб кровь остановилась.

– И умыться, – вздохнул Бин. – Ох, от мамыши мне достанется!

– Да ладно, – пожал плечами Кай. – Ты ж не виноват. Пошли. Перси нас заждался.

Уходя, он еще раз оглянулся на того, кто был виноват. Аскол уже не был. Он лежал ничком в траве, и длинное тело его вздрагивало от сдерживаемых истерических рыданий.

* * *

До Перси Кай добрался в одиночестве. Покинув заросли у Дерьмовой Дыры, приятели умылись у колодца неподалеку от городского рынка в Ледяном Ключе, где вода была такой холодной, что нельзя было сделать два глотка подряд. У Ключа вечно толпились торговцы и прочие горожане с бадьями, ведрами и мехами, но Бин так жалко выглядел, что мальчишек пустили без очереди.

Лист подорожника, приложенный к раненой щеке, быстро унял кровотечение, но рана все равно смотрелась страшновато. Потом Бин заявил об ужасном голоде, разыгравшемся, очевидно, вследствие переживаний, и предложил Каю заглянуть к нему домой, перехватить хотя бы краюху хлеба. «Мамаша все равно спит, – сказал Бин. – Она так рано никогда не просыпается», – добавил он, глянув на солнце, которое уже клонилось к горизонту. Кай, вспомнив, что сегодня так и не успел позавтракать, предложение поддержал.

Но ожидание Бина не оправдалось. На его беду, мамаша не спала. Вообще-то Кай давно уже ее не видел (Бин никогда особо не приглашал в гости) и, разглядев сейчас, поразился: какая же все-таки красивая мамаша у Бина, прямо как графиня, а то и королева! Лицо белое-белое, губы красные-красные, платье такое пышное, что под подолом свинью с десятком поросят спрятать можно. Только руки, хоть и униженные перстнями с громадными тусклыми камнями, крестьянские – темные, с узловатыми пальцами. Когда перед ней предстал раненый сын, она всполошилась и первым делом прокляла разбойника и душегуба Кая, втравившего Бина в ужасную драку, а вторым – пустила в ход тряпки и настойку благоцвета. Голова Бина мгновенно стала похожа на капустный кочан. Дальнейшие этапы лечения Кай наблюдать не стал. Он подхватился прочь, как только мамаша Бина отвлеклась от отпрыска и, очевидно вспомнив о непрошеном госте, обернулась к камину, у которого стояла массивная закопченная кочерга.

А с Перси даже поговорить не пришлось. На стук в окошко выглянула конопатая Тонка, младшая сестренка Перси, и, ковыряя в носу, сообщила:

– А он отрубей обожрался, которые для индюка приготовили. Лежит, охает. Папка его драть хотел, а потом не стал. Сказал, что на Парад Ремесел его самого вместо индюка зарежет и зажарит. Жалко вообще-то... – серьезно добавила Тонка. – Перси хороший, он мне куклу из соломы сделал.

– Может, и не зажарит, – обнадежил девчушку Кай, – может, передумает...

Так и пришлось Каю возвращаться домой одному. Дома он застал дедушку Гура, который, проспав весь день, теперь ужинал (или, точнее сказать, завтракал) перед выходом в ночной караул. Хотя на столе снеди было точно в праздничный день – и жареная курятина, и

пареная картошка, пересыпанная сочными корешками мясоеда, и кукурузная каша с чесночной подливкой, – дедушка ел без аппетита и недовольно бурчал под нос. Мол, чтоб хапуны уволокли этого премудрого господина Сули в огненные реки Темного Мира за то, что придумал этот проклятый караул. Толку с караула как с навозной мухи – людям только надоедать стуком колотушек, и больше ничего. Ведь как господин городской голова порешил: ночной караул покой горожан оберегать должен от воров и буйных пьяниц, а на деле что получается? Настоящих воров ловить – специальный навык нужен, а насчет буйных пьяниц, так некоторые из караульных любому выпивохе-буяну сто очков вперед дадут.

Взять того же проклятушего Гаса. Ну зачем этого никчемника в караул назначили? Явился он не проспавшись, кожаный шлем нацепил набекрень, а выданное копье волочил за собой, как беременная баба – метлу. И это еще полбеды. К полуночи сбежал в трактир и так там нажрался, что какого-то приبلудного кобеля принял за собственную козу и пытался его подоить. Когда у него это по понятным причинам не получилось, Гас обиделся сразу на весь свет и решил выместить злобу на кузнеце Собе, которого с пьяных глаз перепутал с одноруким и колченогим городским нищим Стифом. Кузнец Соб единым могучим ударом положил конец заблуждениям Гаса и едва не положил конец самому Гасу...

Кай, уплетая кукурузную кашу, слушал дедушку Гура, и ему почему-то казалось, что дедушка говорит вовсе не то, что хочет сказать. Дедушка как-то странно посматривал на матушку, которая, непривычно возбужденная, металась от плиты к столу. То и дело принималась чистить метелкой и без того вычищенные комнаты и несколько раз вполголоса запевала одну песню, ту, что вчера вечером пел ей рыжий Корнелий: о славном рыцаре, у которого могущественный колдун похитил возлюбленную, и он (рыцарь то есть) дал с горя обет жениться на первой встречной. А встретила ему уродливая нищенка, которая впоследствии и оказалась той самой возлюбленной, заколдованной, конечно, колдуном, потому что не ответила взаимностью на его порочную страсть. Запевала и тут же обрывала себя. Поев, дедушка взял с собой узелок с едой, направился к выходу, а на пороге остановился.

– Ну, Анна!.. – проговорил он, сведя на переносице седые брови. – Ну смотри у меня!..

Матушка на это непонятное предупреждение только покраснела и опустила глаза. Впрочем, когда дедушка ушел, она снова запела песню – уже в полный голос и несколько не стесняясь.

«И чего дедушка злится? – подумал Кай, с полным животом направляясь во двор. – Хорошая же песня...»

Он взгромоздился на плетень, высматривая в сгущающихся сумерках вертлявую фигуру менестреля и его громадного спутника-огра. Матушка тоже не единожды выходила на крыльцо.

– Кай! – звала она. – Сынок! Темно уже, пора спать ложиться!

Какое там – «ложиться»? Кай только фыркал в ответ, а матушка, как ни странно, не настаивала. Возвращалась в дом, с тем чтобы через четверть часа снова выглянуть и позвать.

«Неужто не придет? – забеспокоился Кай, когда уже совсем стемнело. – Обещал ведь!»

И только он так подумал, как вблизи раздались тяжелые шаги, и знакомый голос проговорил:

– Здесь, что ли? Ни хрена не помню... Эй, дружище Ххар! Хватит задницу чесать. Отси-дел, что ли, за день, бездельник? Ну-ка глянь... Этот дом или какой другой?

– Этот! – закричал Кай, слетая с плетня. – Сюда, господин Корнелий, сюда!

Глава 3

Как того и следовало ожидать, Корнелий был уже крепко выпивши. Очевидно, он все-таки разыскал в городе таверну, хозяин которой не являлся таким скупердеем, как толстоза-

дый Горн, и в отличие от него следовал обычаям, по которым менестрель платит за выпивку исполнением песен и баллад.

Огр, устало рыкнув, опустился на землю и вытянул громадные ножищи. А рыжий Корнелий брякнулся на крыльцо и хлопнул по плечу Кая, немедленно присевшего рядом.

– Ну как дела, сэр Кай Гибельный Клинок? Скольким ограм сегодня удалось пронзить поганные сердца и прочие части тела? Вижу по глазам... – тут менестрель громко икнул, – что для десятка-другого злодеев этот день вряд ли может считаться счастливым. А?

Кай не успел ответить. Корнелий вдруг шумно втянул ноздрями воздух, покрутил рыжей башкой и, наткнувшись взглядом на открытое окно, непонятно для мальчика рассмеялся:

– Ох уж эти кумушки! Всегда одно и то же... – и на мгновение сладко зажмурился.

«Какие еще кумушки? – внутренне удивился Кай. – Что-то матушка не показывается. Слышала же, что господин Корнелий пришел...»

Менестрель пошарил за пазухой и вытащил глиняную фляжку.

– Дедушка ушел? – деловито осведомился он.

– Ага, – кивнул Кай.

– Ну, – поднял Корнелий фляжку, – тогда за дедушку!

Выпив, он снова расслабленно икнул и откинулся на ступеньки.

– Господин Корнелий! – вспомнил Кай вопрос, который так обеспокоил его днем.

– Мм? – не открывая глаз, отозвался менестрель.

– Господин Корнелий, а в наши дни?

– Что «в наши дни», сэр Кай Непобедимый Истребитель Чудовищ?

– Ну рыцари... Те, про которых в балладах поется, они в старину жили. А в наши дни? Неужели нет ни одного, о ком можно сложить балладу?

– Не-а... измельчали нынче дворяне, – бездумно ответил Корнелий, потом открыл глаза, глянул в вытянувшееся лицо мальчика и усмехнулся: – То есть, конечно, есть. Как же им не быть. – Он поднял голову. – Орден Горных рыцарей, – проговорил таким тоном, будто сообщал само собой разумеющееся. – Неужто ты не слышал про Горных рыцарей?

– Н-нет...

– Неужто в вашей глуши и про Пороги уже забыли? – удивился менестрель.

– Пороги?... – повторил мальчишка.

Про Пороги-то Кай слышал. Немного, но слышал. Похоже на сказки, да только это вовсе никакие не сказки. Будто есть такие места, где обычный мир – тот, в котором живут люди, гномы и всякие другие разумные существа, давно уже привыкшие и притершиеся друг к другу, – немного того... трескается. Ничего ведь вечного не бывает. И самый прочный камень дает трещину. А из той трещины, говорят, нет-нет да и пролезет какая-нибудь тварь из другого, неведомого мира. Может, из самого Темного Мира, где обитают демоны, а может, из такого места, которому даже названия нет на человеческом языке. Только говорят, что давно уже твари не показываются. Спокойно на Порогах, трещины мира затягиваются мхом времени...

– Спокойно? – поразился менестрель словам мальчика. – И кто же это говорит, интересно? Знаешь, если до вас не доходят вести с Порогов, это не значит, что там ничего не происходит. Это значит, что Орден рыцарей Порога делает свою работу. И хорошо ее делает! И Великий Договор Порогов до сих пор не забыт.

– А что это за Договор? – спросил Кай.

– Когда-то в незапамятные времена древние короли людей заключили Великий Договор Порогов, – охотно начал менестрель. – По этому Договору каждому правителю каждого государства надлежит лучших из лучших своих рыцарей отсылать в Крепости Порогов, да еще золота выделять для их содержания, на провизию да на оружие. И никакие распри, никакие войны не могут королям помешать исполнять этот святой уговор. Так повелось испокон веков, так есть и поныне. Ну почти так... Да-а, Великий Договор Порогов!.. Давно это было. Так

давно, что имена королей, заключивших Договор, стерлись из человеческой памяти. А может, и не было никаких королей, – Корнелий задумчиво поскреб свою рыжую шевелюру, – может, сам Светоносный открыл людям истину: чтобы выжить в этом мире, нужно держать проклятые Пороги на замке. Сомневаюсь я, что те короли, пусть самые мудрейшие и древнейшие, смогли додуматься до такого. Ну да ладно. – Менестрель криво усмехнулся. – Рано еще тебе об этом думать...

– Ничего не рано! – воскликнул Кай. – А где?.. Где эти Ордена?.. Ну где ихние замки?

– Крепости, – поправил Корнелий. – Крепости Порога. Где ж им быть?.. Где Пороги, там и Крепости... – Он еще отхлебнул из своей фляжки добрый глоток и прокашлялся: – В далеких Скалистых горах, – неожиданно певуче заговорил менестрель, словно начиная очередную балладу, – до которых от вашего городка недели три конного пути, в месте, называемом Перевалом, стоит неприступная Горная Крепость, куда его величество Ганелон посылает самых лучших своих рыцарей, чтобы несли они тяжкую, но почетную службу...

– Ты же говорил, что рыцари всех королевств съезжаются в Орден Порогов? – напомнил Кай.

Корнелий хмыкнул:

– Говорил. Говорил, что рано тебе об этом еще... Не поймешь.

– Почему это не пойму? – обиделся Кай.

– Потому что... Договор договором, а Горный Порог находится в пределах нашего королевства. И Магистр Ордена Горной Крепости клялся в верности его величеству Ганелону. А уж как выгодно распорядиться иноземными воинами и их золотом, его величество знает превосходно... – Тут Корнелий осекся и настороженно огляделся по сторонам, будто испугался, что кто-то его подслушает. Потом шмыгнул носом, соорудил комично-устрашающую гримасу и завел замогильным голосом: – Так вот, в далеких Скалистых горах стоит неприступная Горная Крепость, рыцари которой защищают мир людей от диковинных и жутких тварей, время от времени показывающихся из-за Порога. Говорят, рыцари сражаются там со страшными драконами, самый маленький из которых ростом с городскую колокольню.

– Двухголовыми? – тихо спросил Кай.

– Двухголовыми, – прокашлявшись, подтвердил менестрель обычным своим голосом, – а также трехголовыми, четырехголовыми и даже пятиголовыми. Великая честь – вступить в Горный Орден... – Корнелий продолжал, глядя не на мальчика, а куда-то в темное небо: – Я сам видел на воротах дворца его величества Ганелона драконьи клыки. Даже жутко подумать, что на самом деле на свете существуют такие чудовища! Одни клыки... вот примерно с тебя размером. А есть и такие, что и ростом со взрослого мужчину будут. Так-то вот, сэр Кай Громоподобный и Молниеносный. А рыцари Порога перед вступлением в Орден дают особую клятву, в которой обещают служить не только его величеству и защищать не только его величество, но – все человечество!

Корнелий замолчал. Кай тоже помолчал, переваривая сложное слово.

– А баллады? – спустя минуту шепнул мальчик.

– Что?

– Баллады про Горный Орден вы знаете, господин Корнелий?

– Баллады-то? – переспросил менестрель и задумчиво почесал безволосый подбородок. – Баллады-то знаю. Только исполнять их не хочется.

На это Кай даже и не нашелся что ответить.

– Да не поймешь ты... – пожевав губами, отмахнулся Корнелий. – То, что складывают про подвиги рыцарей Порога, не баллады вовсе, а... придворные песнопения. Слова там все мертвые. Потому что служба на Порогах – не героические приключения, а тяжелая работа. Опасная, почетная... но все же работа. Ладно... – Рыжий менестрель коротко хохотнул. – Счи-

тай, поговорили. А ты, сэр Кай Любознательный, – вдруг спросил он, – что, намылился на королевскую службу подаваться?

– Да! – неожиданно для себя выпалил Кай. – Я – как папенька.

Корнелий фыркнул:

– И сейчас, наверное, думаешь, что Горный Орден – это то, что нужно?

Кай покраснел. Он еще не успел об этом подумать. Но в словах менестреля он услышал явственную насмешку.

– Думаешь, там все так же красиво будет, как в древних балладах поется? Там смерть, сэр Кай Простодушный! Там такие чудовища, от одного вида которых тебя карачун хватит, – продолжал Корнелий.

Кай возмущенно вскинулся, но Корнелий не дал ему разразиться гневной речью о том, что он совершенно не боится, что он-то как раз и готов, и хочет...

– А... ты разве дворянин? – усмехнулся менестрель.

Кай гулко захлопнул рот, не понимая, в чем дело.

– То-то и оно-то... – вздохнул Корнелий. – Пройти службу в Горной Крепости – это великая честь для всех знатных ратников нашего королевства! Простолюдинам там делать нечего. А вот Северная Крепость – другое дело. – Он прервался, чтобы отпить из фляжки. – Еще одна Крепость стоит на берегу Вьюжного моря. Слышал о таком?

Кай помотал головой.

– Потому что далеко, вот и не слышал. Там Северная Крепость стоит, а в ней Орден Крепости Северного Порога располагается. Побережье Вьюжного моря принадлежит Утурку – Королевству Ледяных Островов. Только тамошним жителям самим бы прокормиться, не то что Крепость Порога содержать. Почти круглый год морозная темень, бураны, снег выше головы, а где нет снега – лед и камень. Грабежом морских судов живут люди Утурку. Поэтому самое большее, что может выделить ихний король, – это пару вооруженных дрянными топорами воинов. И кто ж им, разбойникам, рыцарей и золото поставлять будет? Вот его величество Ганелон, как правитель ближайшего к Утурку государства, припасами и рыцарями для Северной Крепости и распоряжается. Говорят, рыцари Гаэлона в Северный Орден не очень-то и стремятся. Твари, с которыми там приходится иметь дело, еще страшнее драконов. Громадные черви с панцирями из древнего черного льда, который не может пробить ни один меч, и только летнее солнце способно растопить. Да... Только лета в тех краях не бывает... туда-то его величество иноземных рыцарей и отправляет. А тем куда деваться? На чужбине особо не повозмущаешься, да и Договор надо соблюдать. А Магистр Северной Крепости нашему государю по гроб жизни обязан – через Гаэлон ему провизия и пополнение идут. Еще я слышал, в гарнизоне Северной Крепости не все рыцари знатного происхождения. Есть и простые ратники, которые доблестью своей стараются заслужить дворянский титул. Так вот что я скажу тебе...

Что хотел менестрель сообщить Каю, так и осталось неизвестным, потому что на крыльце вдруг появилась матушка и, глядя на мальчика из-под руки, проговорила:

– Куда ты запропастился, сынок? Ужин давно на столе, а тебя все нет...

Кай аж рот раскрыл. Какой ужин? Он ведь уже поужинал с дедушкой. То – «ложиться пора», то – «ужин на столе»?.. Непонятное что-то такое с матушкой творится последнее время.

– Господин Корнелий, и вы здесь? – всплеснула руками матушка. – Проходите в дом, мы как раз за стол садимся...

– С превеликим удовольствием, сударыня! – вскочил на ноги менестрель и отвесил учтивый поклон.

Встал и Ххар.

– Сынок, сбегал бы за вином, – обратилась снова матушка к Каю.

– Это дело! – обрадовался Корнелий.

– Ладно, – буркнул Кай, которому вообще-то не хотелось никуда бегать. Хорошо, что трактир в двух шагах.

– Знаешь ведь, где Старк-винодел живет? – продолжала матушка.

– Старк?! – воскликнул Кай. – Ну, ма-ам!..

Где находится увитый виноградной лозой до самой крыши дом Старка-винодела, он, конечно, знал. Приходилось туда ходить – не часто, только по большим праздникам. Это тебе не трактир Горна. Старк жил на другом конце городка. Пока туда, да пока обратно... вернешься – матушка точно спать уложит. Какие тогда баллады?! Да и про Горный и Северный Ордена расспросить еще надо...

– Не хочу я! – заупрямился Кай. – У Горна что, вина нет?

– Темноты испугался? – засмеялся Корнелий. – Эх ты, сэр Кай Боязливый. Я с тобой Ххара отправлю. С ним небось поспокойнее будет.

– Ххара? – разинул рот Кай и с сомнением посмотрел на громадного огра. – А он меня слушаться будет?

– А то, – кивнул Корнелий. – Как меня самого. Только не вздумай ему вина давать. А ты... – повысил голос менестрель и посмотрел на огра, – не вздумай клянчить!

Огр рыкнул что-то и обиженно засопел.

– Вот и хорошо, сынок, – ласково улыбнулась матушка.

– В путь, сэр Кай Молниеносный! – потрясая кулаками, напутствовал рыжий Корнелий. – Да хранит тебя Светоносный в нелегком твоём путешествии, да не затупится меч, да не дрогнет рука... и не прольет ни капли...

* * *

Досада Кая улетучилась скоро. Шагать по темным городским улицам в сопровождении здоровяка-огра оказалось делом веселым. Первый же из встретившихся ему прохожих с громким воплем кинулся на близлежащее дерево и исчез в густой кроне со скоростью, которой позавидовал бы иной кот. Реакция второго была прямо противоположной. Сапожник Брад, после трудов праведных совершавший вечернюю прогулку в обнимку со здоровенной глиняной бутылкой, заведя Ххара, замер, будто окаменев.

– Да вы, господин Брад, не обращайтесь на него внимания, – важно заявил сапожнику Кай. – Он совсем ручной. Без моего приказанья шагу не сделает.

Сапожник ничего не ответил, видимо, не в силах пошевелить онемевшей челюстью, и Кай с огром двинулись дальше.

Проходя мимо большого двухэтажного дома рыбника Харла, мальчик чуть притормозил, борясь с искушением постучать в окошко. Вот было бы здорово, если б выглянул не какой-нибудь слуга, а Харл собственной персоной или – еще лучше – его отпрыск Аскол и увидел бы перед собой клыкастую морду огра. Хотя с Аскола, пожалуй, уже хватит...

Время было уже позднее, и больше никто им по пути не встретился. Впрочем, у самого дома Старка мимо огра и мальчика промчался какой-то шальной незнакомец. Задышавшись на бегу и размахивая руками, он пробежал, кажется, даже не заметив их. Зато Ххар этого странного незнакомца почувствовал заранее. За несколько мгновений до того, как Кай услышал торопливый перестук шагов по мостовой, огр вдруг остановился и, напряжив шею, стал напряженно втягивать ноздрями сырой ночной воздух. Уши его зашевелились, на плечах и спине заходили под толстой серой кожей могучие мышцы. Когда незнакомец скрылся во тьме, огр еще некоторое время не двигался, то ли вслушиваясь во что-то, то ли к чему-то принюхиваясь.

– Ты чего? – спросил его Кай. – Эй, дружище Ххар, пошли скорее, а то до утра провозимся... Дружище Ххар!

Огр низко и приглушенно зарычал. Потом вздрогнул и, опустив башку, посмотрел на мальчика.

– Все нормально, – успокоил его Кай. – Какой-то псих. Пошли.

Ххар повиновался. Но через несколько шагов остановился опять. Где-то далеко завывала собака. Ей тут же отозвалась другая. Кто-то, наверное, улицы за три-четыре от Кая, прокричал что-то тревожное. Крик взлетел в темное небо и рассыпался меж звезд.

Тут уж остановился и Кай.

Что-то неладное происходило в городе – ясно понял он в ту же минуту. Вроде зарева нигде не было видно и запаха гари не чувствовалось, но жуткое ощущение большой опасности, какое бывает, когда наблюдаешь бушующий пожар, разгоралось с каждой минутой. Кай недоуменно посмотрел на огра. Ххар снова зарычал и затоптался на одном месте. Потом вдруг опустил лапищу и снял с пояса боевой топор.

И тотчас гулко загудел городской набат.

Это могло означать только одно – налет.

* * *

Сам по себе налет не нес большой опасности. Обычное дело: кто-то из сиятельных особ, обитающих неподалеку, вдруг решил, что ему неохота выплачивать жалование своим воинам, они ведь воины – вот и пусть добывают золото мечом. Так уж повелось в королевстве Гаэлон, да и во всех других королевствах: дворяне, владения которых соседствуют, общаются между собой отнюдь не посредством дружеских визитов, а наоборот: норовят грызнуть друг друга. Наверное, оттого, что внешних врагов у Гаэлона нет, не с кем королевству тягаться, а оружие не должно ржаветь, и сиятельные брюхи не должны затягиваться жиром. И государь в подобные распри никогда не вмешивается. Потому как не полагается. Не по законам Гаэлона, а по рыцарскому кодексу, который, между прочим, превышает всяких законов.

О подобных пунктах рыцарского кодекса Кай никогда не задумывался. Он четко знал одно: случись налет, где бы мальчик в тот момент ни оказался, он должен немедленно мчаться домой и вместе с матушкой прятаться в погреб. Налет редко когда продолжается больше нескольких часов, и вряд ли налетчики за это время решат покуситься на их домик, совсем не выглядящий так, будто в нем живут состоятельные люди. Другое дело – дом рыбака Харла или кого-нибудь еще из городских богачей.

Знал Кай и еще кое-что: матушка ни за что не пойдет в погреб без него. Она будет искать его по всему городу, пока не найдет. А молодым женщинам на улицах во время налета показываться ни в ком случае не стоит – на этот счет немало поганных историй ходило. Да и детям, особенно девочкам, – тоже. Об этом также часто предупреждали.

* * *

Поэтому, когда ночное небо раскатилось и лопнуло набатным громом и губы Кая прошептали: «Налет», в голове мальчика запрыгало одно слово – «матушка».

Не думая больше ни о чем, он рванул по улице обратно к дому, а следом за ним покати-лась раздувшаяся ватным шаром пугающая тишина. Только выли, шмыгая тут и там, ошалелые собаки, небо стонало городским набатом, да изредка где-нибудь близко вспыхивал чей-то обезумевший вопль, и железным горохом по мостовой то тише, то громче стучали копыта коней налетчиков. Деревянный меч колотил Кая по ногам, но некогда было отцепить и выбросить бесполезное теперь оружие.

Вот вылетели из-за угла и пронесли мимо трое всадников с развевающимися черными плащами за спинами, пронесли, едва не затоптав Кая, – и затоптали бы, как мышонка, если

б он не прижался к стене случайного дома. У одного из всадников в руках был факел. Пламя развевалось, словно флаг, и длинным шлейфом летели искры вслед за лохматыми языками.

Только тогда мальчишка догадался нырнуть в проулок.

Он несся, ломая кусты, оскальзываясь на мокрой от ночной росы траве, то и дело теряя из-под ног ту самую тропинку, на которой так недавно солнечным ярким утром они с Бином устраивали засаду на вредоносного Аскола.

Еще немного осталось, еще совсем чуть-чуть. Сейчас выбежать на улицу, там будет двухэтажный домина Харла-рыбника, а оттуда уже рукой подать... Кабы Корнелий догадался удерживать матушку дома! Все-таки Кай же не один, с ним огр Ххар, нечего ей на улицу выбегать.

Мальчик оглянулся и чуть не упал. Он на мгновение даже остановился. А где же Ххар?! Когда и где он потерял огра? «Неважно, – тут же мотнул головой Кай. – Домой, скорее домой...»

Кровь стучала в ушах, сливаясь с ударами городского набата, поэтому он и не услышал шума впереди.

Дом рыбника, грузно возвышавшийся над прочими зданиями улицы, брали приступом.

Массивная дверь, у которой возились два воина в темных одеждах без доспехов, трещала под тяжелыми ударами топоров. Рядом с этой парой танцевал, нелепо перебирая длинными ногами, долговязый детина, одетый только в короткие холщовые штаны да короткий черный плащ, скомканный вокруг шеи. Дитина удерживал обеими руками большой башенный щит над нападавшими. Шесть длинных арбалетных стрел торчали из щита, а седьмая – из затылка воина, неподвижно лежавшего поодаль. В чердачном окошке маячило чье-то совершенно белое лицо над тупым рылом арбалета. В одном из окон первого этажа дома Харла мерцали красные отблески – наверное, туда бросили факел, из всех других окон летели протяжные перепуганные стоны. Троица всадников, чуть не затоптавшая Кая, гарцевала в стороне. Видимо, всадники колебались – присоединиться к штурму или поискать более легкую добычу.

«Не останавливаться, – сказал сам себе Кай, чей кратчайший путь домой лежал мимо осажденного дома, – и не смотреть на них...»

Сам сказал, и сам не смог удержаться от того, чтобы не глянуть на всадников. И всадники заметили его. Один – крепкий длиннорукий мужик в сияющем панцире, надетом поверх плотной кожаной куртки, – даже свистнул и заухмылялся, уцепившись взглядом за мальчишку. Он что-то крикнул разъяренным желтозубым ртом, но его товарищ, на чьем шлеме устрашающе торчали бычьи рога, злобно на него ощерился и, размахнувшись, звонко шлепнул открытой ладонью по панцирю. Кай, зажмурившись, бросился обратно, не рискуя пересечь улицу у дома рыбника. Он только успел услышать, как жалобно хрустнула, расколовшись, дверь и как радостно заревели нападавшие...

Оказавшись в кустах, он упал – не потому что споткнулся, а просто ноги отказались держать его. Лежа на земле, мокрый от росы, Кай неожиданно для себя всхлипнул. Он попытался встать – это получилось у него не с первого раза. Он поднялся и вдруг услышал приближающиеся шаги, это «кто-то» торопливо пробирался к нему со стороны мостовой. Несколько раз хрустнули ветви, обломанные грубой рукой. Кай поспешно опустил на корточки. Сверкнул огонь сквозь густой и высокий кустарник, заблестели красным и желтым отражения языков пламени на листьях.

Кай затаил дыхание, когда увидел прямо перед собой того самого желтозубого воина в кирасе. Оружия в его руках не было, только подоженная палка. Воин тяжело дышал, хотя через кустарник пробирался совсем недолго. Остановившись, он затоптался, далеко в стороны выставляя руку с импровизированным факелом. Огонь плескал на начищенную кирасу брызги кровавого света и на секунду осветил его лицо, остроскулое и тонконосое. Если бы воин догадался посветить себе под ноги, наверняка заметил бы Кая.

– Ну где ты, птичка?.. – сквозь зубы вдруг проговорил желтозубый и свободной рукой зачем-то закопошился под кирасой.

Чувствуя, что еще один шаг – и воин наткнется на него, Кай, как мог неслышно, опустился на четвереньки и чуть подвинулся назад. Сломанная ветка, попав под его ногу, хрустнула. Воин вздрогнул и взмахнул факелом.

– Вот ты где! – громко и свободно сказал он и резко выдернул руку из-под кирасы.

Свесились и затрепыхались, как две обезглавленные змейки, кожаные шнурки, штаны воина с легким шорохом съехали вниз, обнажив нелепо забелевшие в темноте ноги. Не понимая ничего, Кай замер, съежившись в комок.

И тут же знакомая пещерная вонь накрыла его густым облаком. Желтозубый, подняв удивленные глаза куда-то за спину Кая, вдруг изменился в лице и дико заорал. А потом что-то чудовищной птицей метнулось над головой Кая – и голова воина взорвалась снопом красных капель.

* * *

Кай никогда не думал, что огры обладают способностью незаметно подкрадываться. Он всегда считал этих существ безмозглыми, грубыми и неотесанными дикарями, которые и знать не знают, что такое тактика, и которых искусный воин может искрошить добрый десяток, не особенно напрягаясь.

Когда воин с раскроенной головой мешком повалился навзничь, Ххар быстро вздернул мальчика за шиворот на ноги и легко толкнул в сторону. А сам, даже не вытерев окровавленный топор, напролом через кусты зашагал к мостовой. Прямо навстречу встревоженным воплем товарища грабителям.

– Не туда! – крикнул Кай и тут же осекся, поняв, что Ххар попросту отвлекает на себя врагов. Потому что хозяин приказал ему охранять мальчика и потому что слово хозяина – закон.

Ярко пылало окно дома Харла, и в этом тревожном лоскутном свете на мостовой перед домом рыбника винтом закрутилась яростная схватка. На огра бросились сразу трое. Первый, не ожидавший лицом к лицу столкнуться с громадным чудовищем, опешил только на мгновение, и этого мига огру хватило, чтобы могучим ударом топора наискось развалить ему грудную клетку от основания шеи до живота. Двое других закружились вокруг Ххара, выставив перед собой мечи, стараясь держать безопасную дистанцию. Один из них несколько раз замысловато свистнул, очевидно подавая какой-то сигнал. Огр зарычал и, перехватив топор, снял с пояса тяжелый и грубый нож...

Дальше Кай не стал смотреть. Будто очнувшись, он поднялся и пошел, раскачиваясь на ослабевших ногах. Бежать никак не получалось. Неожиданно перед мальчиком вырос глухой забор. Ударившись об него, Кай упал. Снова встал и побрел вдоль забора, который, как он помнил, должен вывести был его на улицу, чуть дальше дома рыбника. В голове у мальчика мутилось. То, что происходило вокруг, представлялось сплошным, вязким ночным кошмаром, и выбраться из него можно, только проснувшись. Но как это всегда бывает во сне, желаемое пробуждение все не приходило. Мальчик обессиленно брел вдоль забора и остановился, когда забор закончился. Осталось пересечь опасную мостовую, пробежать не больше сотни шагов – и он окажется дома.

Ступив на улицу, Кай не удержался и оглянулся. Мечущихся в неровном огненном свете теней стало больше – должно быть, к дому Харла подтянулось подкрепление. Но, судя по звону стали и воинственным выкрикам, огр еще держался. Набат по-прежнему гудел над городом, и теперь отовсюду неслись вопли перепуганных горожан и пересвист грабителей.

Вдруг что-то оглушительно треснуло внутри жилища рыбака, и крыша двухэтажного дома внезапно вспыхнула, будто облитая горючей жидкостью. На мостовой перед домом Харла стало светло как днем.

Кай увидел гарцующих коней, рвущихся прочь от пожара. Какой-то человек, голый по пояс, размахивая руками, в каждой из которых было зажато по длинному ножу, бегал от коня к коню, собирая их в кучу подальше от огня, не давая разбежаться. Увидел, как пятеро или шестеро грабителей насккивают на огромного огра, словно псы на медведя, как Ххар, отчаянно отбивается топором и ножом, уже не успевая делать выпады. Вот меч одного из ночных налетчиков полоснул огра по груди – Ххар отпрянул, и копьё с зазубренным наконечником глубоко вошло ему в спину. Человек, ударивший его копьем, быстро и сильно налег на древко, обломив копьё так, чтоб наконечник остался в теле. Ххар упал на одно колено, но сумел раскрутить над головой топор, отпугнув сунувшихся к нему было врагов. Через минуту он поднялся, но снова упал на колени, когда еще одно копьё ударило его в бок...

Собрав последние силы, Кай побежал. Огонь освещал ему путь, бросая под ноги изломанную тень. Он не заметил, как из кипящей схватки вынырнул низкорослый воин в тусклой кольчуге и рогатом шлеме – тот самый, что злобно щерился на убитого Ххаром желтозубого, и устремился за ним следом.

* * *

Матушка стояла на пороге. Увидев Кая, она сдавленно вскрикнула и бросилась к сыну. Мальчик прижался ней, не понимая, почему она тут же принялась оттирать его от себя, стремясь запрокинуть его лицо, почему дрожащими пальцами она ощупывает ему голову и отчего под ее пальцами так скользко и горячо.

– Больно? Больно?... – повторяла матушка.

Только заметив кровь на ее ладонях, Кай сообразил, в чем дело.

– Я не ранен! – заговорил он и сам поразился тому, как тонок его голос. – Это... не моя...

– Скорее! – послышалось из дома.

Матушка вздрогнула и потащила Кая в дом, в темную глубину комнат, где маячило совершенно белое лицо рыжего менестреля. Только когда захлопнулась дверь и вспыхнул масляный светильник, Корнелий больно схватил мальчика за руку и хрипло выкрикнул:

– Ххар?!

Ответить Кай не смог. Горло его вдруг стиснули горькие спазмы, а из глаз сами собой брызнули слезы. Корнелий отпустил его руку и замотал головой.

– Чтоб им всем... – скрипуче выговорил он.

Светильник, который он держал в руке, осветил стол с остатками покинутого ужина, инструмент на скамье и откинутую крышку погреба.

– Туда, – прерывисто дыша, сказал менестрель. – Быстрее!

– Давай, сынок... – подтолкнула матушка Кая.

Дверь с треском распахнулась. Маятная гарь уличного пожара, расцвеченная мутными огненными всполохами, ворвалась в комнату. Светильник выпал из рук Корнелия, разлился жидким пламенем по полу.

– С-сучье отродье!... – упершись взглядом в Кая, прошипел воин в рогатом шлеме и шагнул со двора в дом.

Масло на полу разгоралось сильнее. В свете огня матово отливала кольчуга воина, языки пламени, стремительно росшие к потолку, озарили оскаленное лицо воина багровыми отблесками. Кай похолодел – ему вдруг показалось, что это убитый желтозубый вошел в его дом. Нет... они просто похожи: воин в рогатом шлеме и тот, кто сейчас с разрубленной головой

валялся в кустах у дома рыбака Харла. Очень похожи – острые скулы, тонкий нос, напоминающий птичий клюв... Только воин, который стоял сейчас перед мальчиком, много старше.

– Сучье отродье! – хрипло повторил воин и, подняв на уровень груди короткий и тяжелый меч, пошел прямо на Кая.

Корнелий отшатнулся назад таким судорожным движением, что с грохотом опрокинул стол. Матушка, вскрикнув, кинулась наперерез грабителю, а он, не глядя, отмахнулся от нее безоружной рукой. Матушка отлетела к стене.

Кай словно врос в пол. Страшная, невиданная им раньше ярость кривила лицо рогатого. Никто и никогда не смотрел так на мальчика. В узких глазах ночного налетчика клубилась черная муть убийства.

Пронзительно закричала матушка, и этот крик вывел Кая из плена оторопи. Он отпрыгнул назад – как раз в тот момент, когда рогатый, примерившись, размахнулся мечом. Матушка снова бросилась на врага и получила еще один удар. На этот раз гораздо сильнее предыдущего. Удар опрокинул ее на пол. Он закашлялась, замычала, плюя кровью. Путаясь в юбках, она пыталась подняться, но снова валилась, не в силах устоять на ногах.

Кай оглянулся.

Рыжий менестрель, выпучив глаза, как лягушка, распластался на полу рядом с опрокинутым столом. Полувздохи-полустоны слетали с его белых губ. Господин Корнелий был перепуган до смерти.

Не отдавая себе отчета в действиях, привычным движением Кай выхватил из-за пояса деревянный меч. Налетчик не засмеялся. С той же гримасой ярости, застывшей на лице, он отследил траекторию появления оружия и снова шагнул вперед. Кай сделал прямой выпад. Он не думал, что его неуклюжий удар повредит врагу. Скорее всего, он вообще ни о чем не думал. Просто безмысленно подчинился отчаянию боя, охватившего его с того момента, как он обнажил свое оружие. Рогатый легко отразил выпад, перерубив деревянный меч у самого перекрестья. Кай выпустил из рук обломок. Стук деревяшки об пол отрезвил его. Вскрикнув, мальчик подался назад. Хрупкий полый предмет лопнул под его ногами, протяжно и тоскливо запели, лопаясь, струны. Кай упал, ударился затылком и тут же увидел над собой стальную молнию гибельного замаха. И тогда снова закричала матушка, в третий раз бросаясь на воина. Она кошкой вцепилась в его руку – там, где кончался кольчужный рукав, не давая мечу опуститься на уготованную цель.

Рогатый завыл, кружась на одном месте, стараясь стряхнуть с себя намертво прилипшую женщину. В борьбе он потерял меч, со звоном полетевший ему под ноги, но очень скоро вновь овладел положением. Удерживая на правой руке матушку, тянущуюся к его горлу, левой он начал бить ее по голове – не так, как бьют слабую женщину, а как бьют равного по силе мужчину.

Стоны, крики, потрескивание пламени и тяжкие удары обрели в сознании Кая материальные очертания. Как паутиной эти жуткие звуки опутали его, на время погрузив в мутное небытие. Словно сквозь толщу воды видел помертвевший мальчик, как рогатый воин отдирает от себя уже почти потерявшую сознание матушку. Как откуда-то сбоку, дико вереща, отгоняя собственным визгом смертельный страх, падает на дерущихся рыжий менестрель. Как клубок тел, извиваясь, катится по полу, сминая языки пламени, дальше, дальше – и наконец выпадает из поля зрения.

* * *

Омертвение прошло настолько, что у Кая получилось повернуть голову. Через минуту он даже поднялся на ноги. Темнота душевной комнаты хранила безмолвную неподвижность, только кое-где еще тлело дерево пола. Привыкшие к сумраку глаза различили белый силуэт

у стены. «Матушка...» – понял Кай. Словно отвечая на его немой зов, она пошевелилась и застонала. Мальчик доковылял до матери, упал на колени и приник к теплому телу. Дрожащие руки неожиданно крепко стиснули его. И, тотчас ослабнув, опали.

– Живой, живой... – прошептала матушка.

«Все кончилось... – уверял себя Кай, больше всего сейчас боявшийся, что тишина снова нарушится криками боли и насилия, – все уже кончилось...»

Хриплый стон заставил его поднять голову и повернуться.

«Корнелий», – вспомнил Кай.

Даже не пытаясь встать, он пополз на звук. На середине пути под его ладонями лязгнул меч, испачканный чем-то густым, липким и холодным. Потом Кай наткнулся на тело, облаченное в металл кольчуги. В этом теле не было жизни, оно было остывающим тяжелым куском плоти – и это чувствовалось с первого прикосновения. Кай даже не вскрикнул. Он нисколько не испугался. Напротив, испытал чувство, похожее на радость. Враг мертв! Его больше не стоит опасаться. Мальчик услышал еще один стон и сменил направление.

Почти сразу же он увидел белеющее в темноте лицо менестреля. Несколькими секундами позже руки его нащупали податливое тело, облепленное пропитанной кровью одеждой. Корнелий что-то шептал в перерывах между стонами. Так тихо шептал, что мальчик вынужден был наклониться к самому его лицу, чтобы расслышать.

– С ней все в порядке... – проговорил рыжий, и Кай понял, что Корнелий видит его. – Она... ей надо отдохнуть... – Он натужно закашлялся, обдав лицо мальчика горячими мельчайшими брызгами. – Прямо в живот... – откашлявшись, как-то совсем по-детски пожаловался менестрель.

– Больно? – выговорил Кай.

– Нет... уже нет. Холодно. И пить хочется...

Мальчик дернулся, но менестрель неожиданно схватил его за руку ледяными мокрыми пальцами:

– Не надо... Останься...

Минуту он молчал. Потом заговорил снова:

– Я ведь... никогда не дрался... Никогда в жизни... Смешно... С самого детства прославлял чужие подвиги, а сам... ни разу не брал в руки меч... до сегодняшней ночи... А как ты... я... деревянной палкой... против стального клинка...

Корнелий снова закашлялся. Когда он заговорил, шепот его звучал хрипло и низко.

– ...потому что это был мой путь, – менестрель продолжал свою мысль, начало которой не прорвалось наружу из его сознания. – У тебя... другой... Я вижу... Теперь вижу... Большой путь... Великий... – он опять закашлялся и кашлял долго, – воин... – договорил менестрель свое последнее слово.

В темноте Кай не мог различить его взгляда, но чувствовал, что Корнелий смотрит на него, смотрит как-то особо, должно быть, потому, что рыжему менестрелю, как и всем обреченным, за мгновения до смерти открылась истина.

Поняв, что Корнелий больше не скажет ничего, Кай пополз обратно к матери, которая уже шевелилась, шурша одеждой. Но не дополз. На середине комнаты он потерял сознание.

* * *

С громким петушиным пением в городок Мари пришло утро нового дня. Горожане подсчитывали потери. Шесть домов, включая большой каменный дом рыбака Харла, в разной степени пострадали от огня. Более четырех десятков домов оказалось разграблено. Шестнадцать человек, пятеро из которых были стражниками, а трое – ночными караульными, погибло в стычках. Еще несколько десятков горожан были избиты или ранены. Нападавшие забрали с

собой трупы своих товарищей. Кроме одного. Того, что нашли в доме гончара Гура. Труп воина в рогатом шлеме опознали. Он оказался ратником гарнизона герцога Халима, о чем городской голова господин Сули не замедлил сообщить своему властелину графу Конраду.

Спустя две недели после налета Конрад отправился к владениям герцога с большим отрядом воинов...

Впрочем, ничего этого Кай так и не узнал. Наутро стража принесла в их дом исколотое мечами тело дедушки Гура. Через день стражники вернулись и забрали тело. Старого гончара Гура, как и прочих погибших в ту злосчастную ночь, отцы города похоронили за счет казны графа Конрада на городском кладбище.

Пережитое отозвалось Каю. Три дня он пролежал в бреду. Не видел, как хоронили дедушку, не слышал, как приходили к нему друзья – Бин и Перси. А через пять дней после похорон матушка, едва оправившись от ран, продала осиротевший дом, откопала кошель с серебром, спрятанный в огороде, наняла повозку, и они с Каем навсегда покинули городок Мари.

Часть вторая Лысые холмы

Глава 1

В Лесном Чертоге Алмазного Дома, в Поющей Башне Хрустального Дворца, принц Орелый Танцующий-На-Языках-Агатого-Пламени давал бал.

Посреди громадного зала, стены которого подпирали изваяния из красного янтаря, а с потолка, настолько высокого, что его вовсе не было видно в дымке солнечной пыли, свисали серебряные цепи со спящими птицами Тиу, кружился человек в одежде из золотой паутины, переливающейся множеством цветов. Человек был тучен, плешив и немолод. Заходя на очередной поворот, он неловко взмахивал руками; выкидывая замысловатое коленце, надувал щеки и натужно пыхтел, но все же старательно вел диковинный узор древнего эльфийского танца, неимоверными усилиями изученного в течение тысячи периодов бодрствования, поступательно прерываемых тысячью периодами сна. Человек помнил, что его имя – Барлим. Помнил он и то, что когда-то его называли наследным принцем королевства Марборн, но сколько прошло лет (а быть может, веков... или недель?..) с того времени, он и сам сказать бы не смог.

Сложнейшими переливами звенела мелодия в сверкающей бальной зале Поющей Башни – так могут звучать не видимые человеческому глазу струны водяных нитей, когда их касается белый луч полной луны или трепещущие от дуновений южного предутреннего ветерка нежные лепестки пурпурной росянки, расцветающей на одно лишь мгновение в свете последней ночной звезды.

Птицы Тиу время от времени сонно встряхивали хохлатыми головами, и тогда золотые отблески от их сияющих перьев скользили по залу радужным пламенем, выхватывая из серебряного сумрака неподвижные фигуры, возлежавшие вдоль стен на тонконогих скамьях с причудливо изогнутыми спинками. Позы лежащих на скамьях были непринужденно небрежны, но вместе с тем исполнены неуловимого изящества. Лица их скрывали маски из блестящего металла, украшенные драгоценными камнями, и одежда из золотой паутины безмолвно вспыхивала под отблесками сияющих перьев Тиу.

Барлим танцевал в одиночестве, обливаясь потом. Мысли, такие же несуразные и неловкие, как он сам, обгоняя друг друга, подпрыгивали в его голове.

«Смотрят... – думал престарелый принц, налитым кровью глазом поглядывая на возлежавших вдоль стен. – Наверняка восхищаются, но не спешат изумленными восклицаниями прерывать мое искусное выступление!.. Вот же деликатный народ эти эльфы! А чего это я один пляшу? Вроде давно уж остальные танцоры должны присоединиться... Не хотят мешать. Вот же ж деликатный народ! Да так оно и лучше будет – Офликсивия, моя Офликсивия, теперь смотрит лишь на меня одного! Не зря я столько времени потратил на изучение этого идиотского... Ох, сердце прямо к горлу подкатывает, дышать трудно... этого, будь он проклят... или как она бишь там прозывается, эта ихняя пляска?.. Где вот только она, моя нежная Офликсивия? Пес их разберет с этими масками!.. Где она, моя голубушка? Небось глаз от меня оторвать не может, слова не в состоянии вымолвить... Великие боги, как же я люблю ее! И какое же счастье понимать, что и она меня любит!..»

Продолжая машинально вести древний танец, Барлим вдруг упал в пучину воспоминаний (надо сказать, что в последнее время такое с ним случалось не часто). И то верно, до воспоминаний ли было ему здесь, подле своей прекрасной возлюбленной, в тайном эльфийском Чертоге, куда смертным открывается вход лишь раз в столетие и только по воле хозяев. До

того как попасть в Лесной Чертог Алмазного Дома, Барлим прожил ровно пятьдесят три года в королевском дворце Уиндрома, столице славного королевства Марборн.

Отец Барлима, его величество король Марборна Марлион Бессмертный, несмотря на свои семьдесят пять лет, старикан был крепкий и помирать, кажется, вовсе не собирался. Каждое утро он начинал с омолаживающей ванны, травы для которой покупались в далеком горном княжестве Истории, нередко выезжал в густые марборнийские леса охотиться на вепря, да еще имел привычку каждые два года брать себе в жены принцесс из близлежащих княжеств. Отчего-то жены Марлиона, проведя год-полтора в королевском дворце, чахли и умирали. Может быть, причиной тому было дурное здоровье монарших избранниц, а может быть, тоска по родине. Но как считал Барлим, скорее всего – ветреный нрав Марлиона Бессмертного и искусство преданных его величеству королевских магов, коими повелитель Марборна, одержимый идеей вечной жизни, был окружен с юности.

Самого Барлима венценосный папаша никогда не расценивал в качестве наследника на престол, видимо всерьез полагая, что жить будет если не вечно, то, по крайней мере, лет двести. Именно поэтому с детства наследный принц был предоставлен самому себе. Пирь, балы, охота, попойки с придворными приятелями, ночные вылазки в трущобы Уиндрома, славившегося своими публичными домами, куда девочек поставляли со всего света, – вот, пожалуй, полный список всех государственных дел, которыми был обременен Барлим.

Военному искусству, науке дипломатии, магическим навыкам и ораторскому мастерству принц не обучался никогда. Лишь когда Барлиму стукнуло пятьдесят три, Марлион решил-таки вывести отпрыска на политическое поприще, а именно: обязал его предложить руку и сердце дочери короля Гаэлона Литии. Королевство Гаэлон располагалось всего в трех днях конного пути от Марборна – неприступные скалистые горы разделяли два государства, и, чтобы добраться из одного королевства в другое, надо было долго петлять объездными горными тропами. Это обстоятельство и оказалось спасительным для прадеда Марлиона – Хагбена Грозного – сто шестьдесят лет назад, когда грянула большая война между Гаэлоном и Марборном.

В те времена война велась по всем правилам. Послы Хагбена Грозного явились в Дарбион, зачитали вековую формулу ультиматума, в котором, учтиво именуя короля Гаэлона шелудивым псом, милостиво предложили ему сложить с себя королевский сан, признав повелителем Гаэлона Хагбена Грозного.

Король Гаэлона, придерживаясь рыцарского этикета, закатил пир, на котором отклонил предложение, вызвав безмозглого ублюдка Хагбена (так по правилам полагалось величать бросившего вызов) со всей его армией на бой на предгорную Ривенстальскую равнину.

После пира послы, основательно похмелившись, отбыли на родину. И в назначенное время на Ривенстальской равнине грянула битва. Хагбен Грозный был отеснен к скалам, лишился правого глаза и едва не лишился всего войска. Только чудом удалось ему уйти от преследователей тайными горными тропами. Две недели Хагбен в Уиндроме зализывал раны, а затем со скал спустилось войско королевства Гаэлон.

Нечего было Хагбену противопоставить врагу, поэтому гаэлоняне неспешно добрались до Уиндрома, грабя и сжигая попадавшиеся по пути города и селения. Осада Уиндрома продолжалась недолго. Хагбен Грозный, которого уже тогда стали называть Хагбеном Одноглазым, во избежание полного разрушения столицы пустил гаэлонян в город, своевременно обезопасив себя и городских жителей подписанием мирного договора, в котором обязался выплатить контрибуцию в размере трехсот тысяч золотых монет. Сумма даже в те времена не поражала размерами; поэтому Хагбен единственным своим глазом посмотрел сквозь пальцы на то, что гаэлоняне все-таки малость пограбили Уиндром, пожгли несколько десятков домов, зарубили полсотни мужчин, а сотню-другую девушек и женщин лишили чести.

Так закончилась война. Время шло, ширился и креп оправившийся от ран Марборн, но Гаэлон все же оставался более могущественным королевством. И спустя более чем полтора

лет Марлион решил снова попытаться завоевать опасного соседа. Но методами не своего прадеда, а собственными.

У короля Ганелона в далеком Дарбионском дворце родилась дочь Лития. Девочке исполнилось три года, когда правитель Марборна прислал ее отцу с послами драгоценные дары и письменные заверения в дружбе между государствами. Послы приезжали в Дарбион каждые полгода, и такие визиты стали для короля Ганелона доброй традицией. А когда Литии стукнуло шесть, вместе с дарами его величество Ганелон получил огромный портрет наследного принца Марборна Барлима. К портрету прилагались письмо и придворный менестрель, вдохновенно прочитавший это самое письмо под нежный перебор струн девочке, которая в тот момент была более увлечена исследованием полости собственного носа, чем прослушиванием послания.

Его величество Ганелон сказал: «Хм...» – и удалился на совещание с министрами.

Есть основания полагать, что министры королевского двора Гаэлона пришли примерно к такому же соглашению, как и министры королевского двора Марборна. Если объединить могущества двух государств, тогда соединенному королевству не будет равных среди прочих королевств, коими являются: Орабия, Линдерштейн, Крафия и еще шесть королевств помельче. А уж тогда и рукой подать до создания Великой Империи, правителем которой будет... Ну тут мнения министров Гаэлона и министров Марборна, надо думать, несколько разнились.

И его величество Ганелон молвил: «Что ж, пусть будет так».

Через короткое время в Дарбион прибыл с многочисленной свитой сиятельный жених, и состоялась помолвка шестилетней принцессы Литии и пятидесятилетнегo принца Барлима. Оставалось подождать лишь семь лет, пока Лития не ступит в возраст, достаточный для свершения таинства брака.

Но спустя два года, в ночь древнего праздника лунного равноденствия, в Уиндром явились эльфы...

Давно не видели среди людей представителей Высокого Народа. С самой Великой Войны, когда эльфы вдруг покинули свои тайные Чертоги и ни с того ни с сего обрушились мощью своей древней магии на людские города и поселения. Жестока была Великая Война. Эльфов было куда меньше, чем людей, но все же армия каждого отдельного королевства уступала по численности эльфийским войскам, не говоря о том, что боевой мощи эльфов люди почти ничего не могли противопоставить. Взбунтовались некоторые племена гномов, доселе живших с людьми в мире и согласии, и встали на сторону Высокого Народа.

Воины эльфов появились в разных концах света одновременно. Четыре армии, вырезая целые провинции, сжигая города, двинулись с севера и юга, с востока и запада к центру обжитых людьми территорий – к землям, на которых позже возникло славное королевство Гаэлон. Эльфы не вели никаких переговоров, не вступали с правителями королевств и княжеств в соглашения и не брали пленных. Они шли, убивая. Небо чернело от горгулий, на которых восседали эльфийские лучники; вой громадных серебряных волков-скакунов повергал в ужас людей, и целые армии бежали от отрядов эльфийских всадников.

Наконец наступило время, когда людям уже некуда было бежать. Люди сражались отчаянно, но гибли сотнями, окруженные со всех сторон, пока не осталось их меньше тысячи, лучших из лучших, последних – воителей и магов. Они укрылись в последнем замке, опоясав его дополнительными стенами и башнями, укрепив его мощной магией, и нарекли Цитаделью Надежды.

Когда армии эльфов подошли к стенам Цитадели, грянула битва, длившаяся несколько месяцев. Велики были отчаяние и ярость последних защитников человечества, и, как говорят, родилась из этого особая магия, способная противостоять древней магии Высокого Народа. И разбились о стены Цитадели Надежды силы эльфов, дрогнули их отряды и подались в бегство. Тогда покинули воины Цитадель и пошли вослед за эльфами, поднимая по дороге остатки поверженной человеческой расы. Не щадили люди эльфов, как эльфы не щадили их.

Те воины Высокого Народа, что избегли смерти, навсегда скрылись в тайных своих Чертогах. Те же, что не успели, были безжалостно истреблены. И исчез Высокий Народ с глаз людей. Немногочисленные эльфийские города, которые стояли рядом с городами людей до Великой Войны, сровняли с землей, потопили эльфийский флот – чудесные корабли, способные бежать против течения и против ветра, сожгли библиотеки с удивительными поющими книгами, созданные мастерами-эльфами... И воцарилось на земле царство Человека.

Так гласила легенда о Великой Войне и Цитадели Надежды.

Века прошли со времен Великой Войны, и снова стали появляться эльфы среди людей. Но приходили они уже без оружия и, сожалея о произошедшем, приносили людям богатые дары. Человеческий век короток, и не многим длиннее память людей. Были дары Высокого Народа столь щедры, что правители королевств принимали эльфов, не обнажая против них мечей. Тем более что взамен эльфы ничего не требовали и даже оказывали избранным честь: уводили их с собой в свои Чертоги, даруя им вечную жизнь в наслаждениях и забавах...

Барлим, кружащийся сейчас в танце посреди бального зала Поющей Башни Хрустального Дворца, почти не помнил, как во дворце его отца появились эльфы. Память о тех днях стерлась в его сознании, и это не было удивительным. Ведь с той самой первой секунды, когда он увидел красавицу Офликсивию, Барлим уже ничего не замечал вокруг.

О Офликсивия! Золотые локоны падают на хрупкие плечи; личико чистой и благородной голубоватой бледности поражает не только красотой, но и внутренним светом ума. Длинные ресницы льют на щеки нежные тени, а глаза – синие-синие, такие синие, что можно подумать, будто не бывает таких в действительности. А линии лица очерчены так тонко и естественно-идеально, что обычай смертных красавиц мазать рожу помадами и румянами, чтобы подчеркнуть достоинства внешности, представляется чем-то невыразимо глупым и грубым, вроде огрских ритуалов.

О Офликсивия! Барлим был готов убить любого, кто кинет на эльфийку неподобающий взгляд, но, к счастью, Высокий Народ столь учтив и галантен, что ни у кого из смертных (а тем более знатного рода) не возникло и мысли проявить при общении с ними хотя бы нотку неуважения. А то мгновение, когда милая Офликсивия после бесчисленного количества преподнесенных ей стихов и спетых баллад (пришлось раскошелиться на придворных стихоплетов и менестрелей) наконец открыла ему свои объятия и, пав принцу Барлиму на грудь, призналась в ответных чувствах... Как Барлим тогда не сошел с ума от счастья – непонятно.

И сейчас, танцуя в просторной зале, освещенной сияющими золотыми перьями птиц Тиу, он не уставал радоваться своей удаче. Она любит! Красавица Офликсивия, милая Офликсивия – любит его, наследного принца Барлима. Пусть он немолод и некрасив, но она – любит! Иначе зачем ей звать его с собой в Лесной Чертог Алмазного Дома? Он здесь, чтобы они были вместе навсегда... Эльфы даруют ему вечную жизнь и молодость и неисчислимые богатства. Вот-вот, со дня на день, ждал Барлим церемонии бракосочетания, которая, как утверждает его любимая, уже готовится. А потом... Что будет потом, когда они станут мужем и женой!

Вот удивительно: помимо мыслей о несравненно счастливом будущем Барлима частенько (особенно когда он оставался один) посещали и кое-какие другие. Должно быть, папаша Марлион зря не видел в отпрыске даровитого политика. «На что мне сдалась эта соплюшка Лития? – размышлял, подустав от восторгов по поводу возлюбленной, наследный принц. – Подумаешь, родство с династией Ганелонов... Что могут дать мне и моему королевству эти вшивые гаэлоняне? Да еще, не ровен час, ихний король затеет интриги и будет подминать под себя нашу династию, налегая на то, что казна у него чуть поболее нашей. А брак со знатной эльфийкой открывает передо мной широкие перспективы! Ведь люди до сих пор побаиваются Высокого Народа. И богатств у эльфов не счесть, и магия их гораздо сильнее той, что обладают люди. Вот женюсь и вернусь к себе в Марборн! И тогда-то уж вознесется мое коро-

левство над всеми другими, и преклонят колени правители близлежащих королевств – сначала они, а потом и венценосные особы дальних земель...»

Принц Орелий Танцующий-На-Языках-Агатowego-Пламени оторвался от поющей книги, нашептывающей ему древние баллады о былых славных событиях иного мира – мира, откуда пришел в эту землю его народ, – бросил невнимательный взгляд на тучного старика, что, задыхаясь, кривлялся в центре зала, и обратился к своей сестре, Офликсивии:

– Он еще не надоел тебе?

– Он бесподобен, – улыбнулась принцесса. – Глупость, помноженная на тщеславие, и неистовая страсть дают забавное сочетание. К тому же... – она беззвучно рассмеялась, – неужели ты забыл, как он ест? Порой я не могу проглотить и кусочка – так смешно мне бывает сидеть подле него на пирах.

– Не тебе одной, – улыбнулся Орелий. – Но все же... Твой избранник, сестра, чересчур уродлив даже для человека. Его присутствие в моем Дворце оскорбительно для многих из придворных.

– Ты забыл свою протезу? – парировала, пожав плечиками, Офликсивия. – Ту, что ты привел четыреста лет назад? Вот уж действительно была потеха! Какие невероятно чудовищные одеяния сооружали наши мастера под ее руководством. И как смешна она была, уверенная в том, что выглядит в них восхитительно.

Она снова звонко рассмеялась под своей маской. Не удержался от смеха и принц.

– Мне кажется, пора прекращать представление, – сказал Орелий. – Аликсиандрию, что сидит напротив меня, скоро станет плохо от смеха. Да и твой... как бишь его... что-то совсем неважно выглядит. Он красен, как глаз крылатого тельца, и давно хватает ртом воздух, которого ему явно не хватает.

– Еще немного, братец, – попросила Офликсивия, – он справился с дыханием-нерожденной-стрекозы и переходит к кружению-белого-луча-в-ясную-морозную-ночь. Я хочу видеть, как у него получится кружение-белого-луча!

– В танце тридцать четыре коленца, – напомнил принц Орелий. – Он преодолел шесть, и я более чем уверен, что с девятым ему ни за что не справиться. Он просто сломает себе позвоночник и вывихнет ноги.

– Ну я прошу тебя!..

– Хорошо, – согласился Орелий и опустил руку, которую протянул было к крупному алмазу на стене над своей головой. – Но только кружение-белого-луча-в-ясную-морозную-ночь!

Барлим, как того требовал ход танца, высоко подпрыгнул, выбросив вверх руки. Приземлиться на колени ему не удалось – он тяжело рухнул на пузо, больно ушибив ладони. Со второй попытки поднявшись, наследный принц королевства Марборн крутнулся вокруг своей оси. Бальный зал, заполненный золотыми отблесками перьев птиц Тиу, поплыл перед его глазами. В висках тяжело застучала кровь. Сердце, бешено бившееся от недостатка кислорода, треснуло мгновенной острой болью. Барлим издал гортанный стон и упал.

Но снова поднялся и, шатаясь, попытался утвердиться на носке одной ноги, вытянувшись кверху в струну. Нога подломилась, и он опять оказался на полу. Зрение его то меркло, то вспыхивало вновь.

– Уже совсем не смешно, – вздохнула под маской Офликсивия. – Пожалуй, пора заканчивать.

Орелий кивнул и коснулся сияющего алмаза. Музыка тотчас угасла, как гаснет от легкого дуновения пламя свечи.

Барлим барахтался на полу, выложенном восьмиугольными плитами прозрачного мрамора, искусно инкрустированными крупными ярко-зелеными бриллиантами. Музыкальный ритм, придававший ему сил, пропал, и он вдруг со страшной силой ощутил всю усталость,

которой пропиталось его дряблое тело. Мышцы наследного принца свело, в голове заledenело, руки и ноги сделались безжизненными, будто тряпки, а сердце, пару раз сильно трепыхнувшись, остановилось.

– Офликси... – мокрым ртом провыл Барлим и дернулся в судороге.

Когда же конвульсии отпустили его, жизненной энергии хватило лишь на то, чтобы договорить имя возлюбленной.

– ...вия! – хрипло гукнул Барлим и вытянулся на полу.

Глава 2

Извилистая Лиска была вообще холодной речкой, а уж на Валунах вода ее становилась совсем ледяной. Это все из-за ундин. Скользкие безмолвные полурыбы-полулюди жили ниже по течению в подводных пещерах. Говорят, они специально отваливали донные камни, освобождая родники, чтобы люди пореже совались в места их обитания. Настоящие ундины – вовсе не зеленоволосые красавицы из сказок, которые непременно в тебя влюбятся, наградят даром дышать под водой и уведут к своему папаше – речному князю, настоящие ундины – они другие. Они, как знающие люди говорят, похожи на морских змей, только с лапками на передней части туловища и с почти человеческими лицами, но вооруженными мощной пастью, утыканной острыми и прозрачными, как стекло, зубами. Вот эти твари недавно утащили у Кривого Яна лошадь. Да и самого бы Яна уволокли, если бы тот вовремя не прочухался от пьяного сна и не задал деру. А Ян – мужик здоровенный, не то что Кай, которому в его почти одиннадцать лет и десяти никто не даст.

Холодный весенний день быстро пропитывался вечерним сумраком. Кай вытащил удочку, мельком глянул на крючок, на котором болтался осклизлый комок наживки, и снова закинул лесу в воду. Что-то плеснуло и зашуршало дальше по берегу, в зарослях камыша. Кай мгновенно вскочил, схватив лежащую рядом палку с отточенным и обожженным на костре наконечником. Крадучись, он прошел несколько шагов по направлению к предполагаемому источнику шума. Дойдя до камышей, стеной возвышавшихся над ним, он опустился на корточки, стараясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь стебли. Это не могла быть рыба – какая рыба гуляет по камышам? Да и шум был явно произведен существом гораздо крупнее местных рыбешек. И это не мог быть человек – после той истории с Кривым Яном никто из Лысых Холмов в этом месте реки, на Валунах, не осмеливался появляться.

Плеск, сопровождаемый шуршанием, повторился – на этот раз он звучал явственней и громче. Кай крепко стиснул свою палку. Неужели на самом деле ундина? Так близко к берегу – это было бы большой удачей!.. Снова плеск, будто кто-то с силой шлепнул по поверхности воды чем-то плоским. «Наверное, хвостом, – подумал Кай, почти уверенный, что ему удалось наткнуться на настоящую ундину. – И здоровый, должно быть, хвост...» На мгновение в его груди похолодело, но, рассердившись на себя за этот испуг, он прогнал холод. «Это всего лишь ундина. В Северной Крепости рыцари сражаются с чудовищами гораздо страшнее каких-то паршивых ундин! Если ты хочешь быть достойным службы в Ордене рыцарей Порога, страху не место в твоём сердце. Иди смело!.. Тварь не видит тебя, иначе она не стала бы плескаться так открыто...»

Кай медленно продвигался вперед, шаг за шагом погружаясь в заросли камыша. Он старался не шуметь и замирал всякий раз, когда до него долетал какой-нибудь посторонний звук.

Что-то большое и темное мелькнуло впереди. Кай поднял палку, как копье, и, уже не скрываясь, рванулся вперед.

Чудище с пронзительным визгом шарахнулось прочь от него, но не в воду, а к берегу. Сообразив перерезать ему путь, мальчик побежал не следом, а напрямик к твердой земле. Выскочив на берег, Кай, перемазанный по пояс в черной грязи, взмахнул палкой, готовясь

метнуть ее в спасающегося бегством врага. Он даже открыл рот для воинственного вскрика, но на замахе рука его вдруг ослабла.

– Тьфу ты! – вслух ругнулся Кай, увидев удирающего к прибрежным ивам громадного бобра. Последний раз мощный хвост животного мелькнул меж камней и пропал.

Кай вернулся к тому месту, где провел последние несколько часов. Собрал удочку, связал ее с палкой лесой и закинул на плечо. Нет тут, наверное, никаких ундин. Должно быть, врал Кривой Ян. С него станется. Свел, поди, свою клячу в город, обменял на мех крепкого вина да, возвращаясь, придумал сказку про страшных тварей, едва не лишивших его жизни...

Размышляя таким образом, мальчик поднялся на высокий речной берег, откуда открывался вид на широкую долину, залитую сейчас, точно кровью, густым светом заходящего солнца. Багрово отливали песчаные, лишенные растительности вершины пологих холмов, меж которых тут и там поблескивали вечерние огоньки деревенских хижин.

Лысые Холмы – так называлось это место. Лысыми Холмами называли местные и деревушку. С южной стороны жидким огнем под лучами заката сияло Круглое озеро, рядом расстилалось кукурузное поле. А с севера громадной шкурой чудовищного животного темнел лес. За этим лесом, как знал Кай, где-то далеко на севере стоял и городок Мари.

Там по-прежнему живут Бин и Перси. Может быть, они все еще бегают по узким городским улицам с деревянными мечами, разя придуманных врагов, а может быть, играют в какие-то новые игры. Там, в Мари, наверное, все так же бурлит шумливый рынок, толкуются у Ледяного Ключа горожане, а Дерьмовая Дыра до сих пор заставляет людей, оказавшихся поблизости, морщить носы. Все так же поют песни в городских харчевнях и трактирах, мерно расхаживают по мостовой стражники, звеня кольчугами, а господин Гас, вероятно, как и раньше, раз в неделю с воем бегают по улицам, преследуемый собственной женой, вооруженной каминными щипцами и орущей, что «проклятый пьянчуга на этот раз точно доведет ее до смертоубийства». Господин городской голова в жаркие августовские дни принимает на Алой площади Парад Ремесел, раскидывая в толпу медные монеты, и грохочут барабаны под свист труб и крики горожан, и ветерок треплет цветочные гирлянды, украшающие несуслазную статую графини Мари, и ярко сверкает солнце на «алых головах», которыми вымощена площадь. И конечно, каждый летний вечер узкие улочки тонут в дурманном тумане цветущего благоцвета...

Может быть, это не так, но сейчас Кай был убежден, что Мари – лучший город во всем Гаэлоне, жители Мари добрее, трудолюбивее и веселее, чем где бы там ни было.

* * *

Кай на минуту задержался на высоком берегу Лиски. Вот уже год, как они с матушкой живут в Лысых Холмах. Здесь все совсем не так, как городе. Добротных каменных или деревянных домов нет ни одного, только низкие хижины, построенные точно наспех. Ни за что не поверишь, что в таких лачугах люди живут по несколько десятков лет.

Деревенские все крикливые и неопрятные. Никто никаких ремесел здесь не знает, кроме, пожалуй, кузнеца Танка да Хила-скорняка. Масло сбить, огород вскопать, овец постричь, землю киркой поковырять и тому подобная ерунда – разве ж это ремесло? Это любой сможет. Одежду – простецкие рубахи да штаны – в Лысых Холмах шьют старухи, а что посложнее – куртки или обувь – приобретают у бродячих торговцев. Торговцы же снабжают деревенских и кое-какой утварью, хотя, казалось бы, под берегами Лиски полным-полно красной глины – чего стоит слепить и обжечь горшки и миски?..

Зимой здесь вообще не работают, только шляются из хижины в хижину, пьют крепкий кукурузный самогон и точат ляды. А с наступлением теплых дней долбят кирками и мотыгами каменистую землю на кукурузных полях и таскают туда противную солоноватую воду из Круглого озера. Уходят на поля еще затемно, а возвращаются в полдень, когда начинает печь солнце,

и после полудня до самых сумерек уж не показываются за пределами собственных огородов, кое-как прикрытых кривыми плетнями. В каждом дворе квохчет, гогочет, блеет или хрюкает живность, такая же грязная и вонючая, как ее хозяйева.

Деревенские жадны до денег. И хотя у многих припрятаны горшки с медью и серебром, редко кто позволит себе потратить паршивую медную монетку. С торговцами расплачиваются яйцами, маслом, тушками домашней птицы, шкурами, выделанными у Хила, и кукурузной мукой.

Есть, правда, харчевня. «Золотая кобыла» называется. Хороший деревянный двухэтажный дом с крытым двором, конюшней и сараями. Но харчевня располагается в полчасе ходьбы от деревни, на большой проезжей дороге, и деревенские появляются там редко. Что им там делать, если вина и пива в Лысах Холмах не пьют, потому что за него надо платить монетами, а самогон варит каждый второй?

Хозяин харчевни Жирный Карл хоть и местный, но выглядит совсем не как деревенский. Когда тепло, он ходит в белой полотняной рубаше, свободных красных штанах и высоких сапогах, словно какой-нибудь граф, а в холода надевает длинный красный камзол. Широкополую шляпу с красными же петушиными перьями он не снимает с лысой головы круглый год. Жирный Карл, наверное, самый большой богач в Лысах Холмах. Сравняться с ним может разве что господин Марал, деревенский староста, дюжий бородатый мужик.

Господин Марал живет вроде бы в деревне, но как бы и нет, потому что дом его располагается на самом отшибе, под большим холмом. На холме мельница стоит. Кроме мельницы Марал имеет еще собственное кукурузное поле, несколько коров, конюшню и целое стадо коз. И зимой, и летом староста носит косматую куртку из шкуры черного барана, поэтому очень похож на могучего лесного медведя.

Еще одним влиятельным лицом в деревне является мудрейший Наги, жрец богини плодородия Нэлы, очень почитаемой в Лысах Холмах, как, наверное, и во всех деревнях. Говорят, что он – мудрейший, хотя доказательств его мудрости Кай никогда не слышал. Зато видел самого Наги – полуслеплого и почти глухого старикашку, вечно завернутого с головы до ног в темный плащ. Жрец редко покидает свой храм – единственное каменное сооружение в округе, похожее на дурно построенную сторожевую башню. Но монеты, по крайней мере, у него точно водятся.

В первое воскресенье каждого месяца деревенские носят ему подношения: мясо, рыбу и кукурузные лепешки. В первое воскресенье каждого месяца над храмом Нэлы курится черный дым – это богиня вкушает дары смертных. Конечно, мудрейший Наги не все принесенные дары сжигает. Большую часть продуктов забирает Жирный Карл, а взамен отправляет жрецу кошель медных монеток. Так уж принято.

Если Жирного Карла, особенно когда он на вороном жеребце выезжает в деревню по своим делам, легко перепутать с какой-нибудь сиятельной особой, то господина Симона, графского мытаря, тоже проживающего в Лысах Холмах, нипочем не отличишь от обычного нищего. Вот уж кто был бы богатейшим человеком в деревне, если б не страсть к выпивке и природная неряшливость. Одевается Симон как попало, в такое рваньё, которое не каждый деревенский на себя нацепит, чтобы, например, скотный двор почистить. неизменно поддавший, он праздно шляется по деревне или сидит за кружкой пива в «Золотой кобыле».

Отношение к нему двойственное. С одной стороны, его здорово боятся и в глаза и за глаза иначе как «господином» не величают, потому что, какой бы он ни был пьянчуга и бездельник, все-таки он – человек, непосредственно самому его сиятельству графу Конраду служащий. Да еще когда-то при графском дворе жил конюхом и время от времени такими мудреными словами говорит, что его даже Жирный Карл понять не в силах. А с другой стороны, могут и поколотить Симона, когда он напивается так, что наутро вряд ли вспомнит происхождение синяков и ссадин.

А праздников в деревне много, больше, чем в городе. Только какие-то все невеселые и самому Каю малопонятные. То затеют в Лысых Холмах ловить кошек и собак да сжигать их близ кладбища в просмоленных мешках, а сквозь дым гонять домашний скот – считается, что такой дым предотвращает болезни животных. То возьмутся ночью с громким пением особых песен закидывать кукурузные поля фруктами и овощами, что родятся на деревьях и грядках почернелыми и скукоженными и которые весь год для такого случая собирают. Говорят, это чтобы умилостивить Злого Сеятеля – черного духа, портящего урожай. То жгут на холмах вокруг деревни семь костров, отгоняя невидимых глазу смертных Красных Птиц, духов большого пожара... В день праздника и еще день после праздника никто, конечно, не работает – пьют самогон, поют песни да частенько дерутся.

Так живут Лысые Холмы. Так же – больше года – живут и Кай с матушкой. Скучно здесь Каю, куда как хуже, чем в городе. Но он твердо знает, что жить ему тут осталось только три года.

Через три года стукнет ему четырнадцать лет, будет он считаться мужчиной и получит право выбирать любое занятие или ремесло, какое пожелает или на каком родные настоят. Кай уверен, что ни крестьянином, ни мастеровым человеком он не будет. Не прельщает его и торговое дело. Он уже давно решил, что посвятит свою жизнь одним ратным подвигам.

Сколько раз в мечтах мальчика вставала Северная Крепость – неприступная громада из серого камня под серым, всегда сумрачным холодным небом. Занесенная злым снегом, вышпачается она на горной вершине над таинственным Вьюжным морем, над ледниками и снежными западнями. Далеко до нее добираться, сложно и опасно, но все же туда ходят караваны, доставляющие провизию рыцарям Ордена Северного Порога. А как доберется Кай до Крепости, уж никто его оттуда, мужчину, не прогонит. Не достанет меча, так будет поначалу огонь разжигать или оружие чистить или хотя бы комнаты мести – мало ли дел найдется. А уж в том, что представится случай проявить себя, заработать место в строю Ордена, Кай не сомневается. Не может быть иначе, раз он не мыслит себя никем, кроме как рыцарем, защищающим людей от неведомых чудищ из-за страшного Порога.

Только вот матушку жалко оставлять. Чужая она здесь, в Лысых Холмах, это Кай понимает.

Он не очень хорошо помнит первые дни в деревне. Он тогда еще был слишком слаб, чтобы выходить на улицу, поэтому несколько дней провел в хижине дедушки Лара и Бабани, никуда не выходя. Бабаня – это старуха Лара, ее все так в деревне называют. Она круглая, перемотанная тряпьем с ног до головы. Позже Кай узнал, что это тряпье служит ей одеждой и зимой, и летом. И лицо у нее круглое, совсем без морщин, а глазки маленькие, так что не поймешь сразу, злая она или добрая.

Спервоначалу-то Каю показалось, что она добрая. Да и сам Лар, заросший седыми волосами, костистый и худой, похожий на старое сухое дерево, покрытое белым мхом, – тоже ничего. Когда они ехали в деревню, матушка говорила Каю, что Лар и его старуха им родня. Не настоящая (Лар приходится отцом дочери сводной сестры дедушки Гура или что-то вроде того), но ближе никого нет, поэтому вести себя с ними надо как с самыми что ни на есть родными людьми. Да и старики приняли их радушно. Каю Бабаня сразу уступила свое спальное место – узкую и длинную скамью, тянущуюся вдоль всей стены хижины, а сама перебралась на лежанку в углу у двери. В тот первый день угощали только кукурузными лепешками да водой, потому как больше ничего в хижине не было. Матушка хотела пойти в харчевню купить что-нибудь еще из еды, но Бабаня ей не разрешила. Взяла монетки у матушки, сходила сама, вернулась с немалым мешком снеди, да еще привела троих деревенских с собой.

За столом сидели долго. Кай, в голове которого все еще кроваво шумело, несколько раз засыпал и просыпался на узкой скамье, а застолье все продолжалось. Говорила все больше Бабаня, резковато, звонко и быстро, словно сыпала сухой горох в жестяную миску, да шумливо

вскрикивали гости. А Лар почти и не говорил, но когда раскрывал рот – темный провал в чащобе густой пегой растительности, – гости уважительно замолкали.

Помнит еще Кай, как к нему подсаживались гости, подуставшие от застольных разговоров и от этих разговоров такие задумчиво расслабленные. Лучше других он запомнил тощего мужичонку в продранной на локтях рубашке с длинной, почти прозрачной светлой бородашкой. Мужичонка, раскачиваясь взад-вперед на корточках у скамьи, будто его голова была налита свинцом, неприятным тонко-режущим голосом косноязычно втолковывал мальчику о том, какие хорошие люди дедушка Лар и Бабаня, о том, как в Лысых Холмах их уважают и почитают за справных хозяев.

– Понимать надо! – вещал мужичонка, кивая тяжелой головой. – Это ж... не каждый так... Было три мешка кукурузы, так? Так. А Сухорукий Бад коз своих почему продавал? Вот, то-то оно и есть... А Лар-то, он не того... Не промах Лар-то. Сколько он раз к Сухорукому ходил? Ага!.. Понимать надо! Тот прямо ни в какую! За два мешка, говорит, кошку у меня возьми, а козу не того... А Лар-то что? Он-то ведь не это самое... А вот как старуха у Сухорукого занемогла, так тот и заюлил... Сам к Лару прибежал, мол, бери за два. А Лар-то что? Он не таков, Лар-то, не промах! Сам виноват, гад сухорукий, надо было сразу соглашаться. А теперь: где два, там и полтора, а где полтора, там и один... Понимать надо! Ух и вредные они – Сухорукий со своей старухой, вот еще увидишь. Никто у нас их не любит. А твои-то! У нас так в деревне говорят: Лару и Бабане в рот палец не ложи... Никто и не ложит. Понимать надо! Люди с головой! А кур сколько у Бабани?.. Ага! За ними смотреть надо?.. Так. На поле ходить?.. А дом посмотри какой! А?.. Прямо как у Карла харчевня, только поменьше. Во. Понимать надо!..

Не зная, как отвязаться от этого надоеды, Кай, в голове которого шумело и перекачивалось бесконечное «понимать надо», бормотал:

– Да... да... – И, сам пылая непрерывающимся жаром, невыносимо страдал от поглаживаний по спине горячий и твердой ладонью.

Гости менялись. Одни уходили, другие приходили. Но почти каждый считал долгом потолковать с сонным из-за болезни мальчишкой и сообщить ему, какие все-таки хорошие люди старик Лар и Бабаня. А за маленькими окнами стучал меленький дождик, и мир за его пеленой казался серым и насквозь промокшим: разбухшие жирной грязью дороги и хижины, нахолодившиеся, будто замерзшие птицы.

Но застолье кончилось, прекратился дождь. Кай поправился. Правда, не совсем. Та жуткая ночь, которую он пережил в Мари, казалось, надолго выбила его из привычной колеи жизни. Он будто погрузился на холодное дно глубокого колодца, а внешний мир воспринимал сквозь толщу воды. Спал он также на Бабаниной скамье вместе с матушкой, а Бабаня и Лар – в углу на лежанке. Дня через три после приезда они с матушкой стали выходить гулять по деревне. Тогда Кай не задумывался о том, плохо ли здесь, в Лысых Холмах, или нет. Ему было все равно. Как шли они с матушкой по деревне, все, кто им попадался по дороге – и знакомые и вовсе незнакомые, – здоровались, кланялись, а то и заводили разговоры на какие-то темы, которые Кай не понимал, да и не пытался понять.

Как, впрочем, и матушка. На вопросы она отвечала односложно, рассеянно улыбаясь. Она и с Каем почти не разговаривала. Нет, какие-то слова они друг другу говорили, но слова эти были настолько необязательными, что их совсем можно было не говорить. Вот о том, что они вместе пережили, она не говорила точно. Кай нередко слышал, как по ночам она плакала и шепталась с кем-то невидимым, будто жалуюсь.

Деревенские часто приходили в дом Бабани и Лара. Тогда Бабаня по заведенному порядку обращалась к матушке, а та доставала кошель, и Бабаня шла в таверну. Нередко, когда собирались гости, Бабаня раскрывала матушкин сундук и вытаскивала платья и чепцы. Деревенские, простодушные и наивные, как дети, восторгались матушкиной одеждой, рассмат-

ривали ее так и смяли, мяти в руках ткань, норовили примерить. Бабаня важно стояла рядом, кивала, тоненькой скороговоркой комментировала примерку так, будто одежду шила самостоятельно и имела теперь полное право ею гордиться.

Бывало и такое, что кто-то из деревенских уходил не с пустыми руками. Какая-нибудь тетушка, нацепив на себя поверх грубого платья кружевной фартук, трепала огрубевшими руками с навечно въевшейся грязью белоснежные оборки и взглядывала в матушкино лицо так умоляюще, что той не оставалось ничего другого, как попросить ее принять вещь в подарок. Тетушка благодарила почти со слезами. Матушка растерянненько улыбалась. «Ну чисто дети», – невнимательно думал тогда Кай. Только позже он стал замечать, что все это было похоже на какую-то игру.

Друг с другом деревенские общались совсем иначе. А на него и на матушку смотрели с веселым недоумением, с какой-то даже жалостью, как на глупцов, не знающих истинной цены вещам, беспомощных созданий совершенно другого, непохожего на здешний, мира. Бабаня даже за водой в колодец первое время не пускала: «Куда тебе, утопнешь еще...» А матушке не давала в руки и метлы: «Сиди уж, сама я, чего пачкаться будешь...» А уж о том, чтобы матушка на кукурузное поле пошла, не могло быть и речи. Бабаня всплескивала руками и причитала: «И не удумай! Сгоришь! Враз сгоришь!» Заросший седым мхом старик Лар, сидя на своем табурете, постукивал узловатыми коричневыми пальцами по столу и хмурился в кустистые брови, словно попытки матушки взяться за какую-либо работу очень его обижали...

Прошел месяц, прошел и другой. Гости уж не приходили в дом Лара, потому что монетки в кошельке иссякли. Матушкино платье износилось, а в сундуке замены не было. Осталось лишь то, что она по праздникам надевала. Матушка как-то примерила его, но Бабаня стала ворчать (она теперь часто ворчала), что вот, мол, некоторым удовольствие доставляет богатство свое в нос тыкать, и матушка платье сняла, а потом и вовсе отнесла его в таверну и обменяла у Жирного Карла на полмешка кукурузной муки. Старое же все подшивала и подшивала.

Несмотря на то что матушка почти каждый день теперь бралась то за метлу, то за ухват, Бабаня не давала ей работать, да еще и поругиваться начала: «Чего хватаешься, раз не умеешь!...» Матушка отступала. Она теперь чаще плакала по ночам, вроде не громче, чем раньше, но Бабаня просыпалась и хрипло кашляла до тех пор, пока матушка не затихала.

И вот пришел день, когда матушка, как обычно, проснувшись рано, взяла в руки метлу, а Бабаня завела свое: «Сколько раз было говорено!...» – но старик Лар, приподнявшись на лежанке, прочистил горло и громко и медленно проговорил:

– Ну-к что ж... Ежели на месте не сидится, то пускай... – Он замолчал, а Бабаня, понаблюдав, как матушка, склонив голову, старательно выметала из хижины сор, сказала:

– И водицы натаскать надо бы... Ноги у меня ломит. Видать, завтра дождь будет.

Дождя на следующий день не было, но Бабанины ноги ломило еще пару дней, вследствие чего она вынуждена была переместиться на свою скамью, а Каю с матушкой выделили пук соломы в углу хижины – между камином и стеной...

Наступила осень, на редкость мерзкая, дождливая, а за ней в Лысые Холмы пришла зима. Бабаня всю холодную пору прохворала. К тому же из-за болезни, видимо, нрав ее стал чрезвычайно сварливым. По хозяйству хлопотала теперь матушка, и как она ни старалась, не получалось у нее делать все так же ловко и хорошо, как у Бабани – по крайней мере, сама Бабаня так говорила. Лар по-прежнему рот открывал нечасто. И высказывания его по большей части адресовались матушке.

– Не умеешь – не берись! – гулко изрекал старик, кладя конец Бабаниной визгливой скороговорке на тему того, что некоторые, курятник чистя, ручки запачкать боятся, и снова надолго погружался в угрюмое молчание. – Лягушку землю пахать не выучишь, люди говорят, как ни старайся, – замечал Лар оханья Бабани о том, что ее прежде времени угаром уморить хотят – это когда матушка разводила в камине огонь. – Кто с малолетства работать не при-

вык, того и кнутом не приноровишь, все из рук валиться будет, – говорил Лар, когда Бабаня, попробовав приготовленную матушкой похлебку, сморщилась так, что ее глазки полностью исчезли...

Миновала зима, а с наступлением весны матушка пошла работать на кукурузное поле. Странное дело – пока матушка целыми днями сидела сложа руки, деревенские относились к ней как к знатной особе, точно признавали за ней право не заниматься грязной работой. Но стоило ей одеться в грубое платье и заняться той же работой, что и они, деревенские бабы сразу же стали смотреть на матушку, как на существо низшее, только потому что управлялась она не так сноровисто. Мужики, еще полгода назад кланявшиеся ей на улице, теперь непонятно для Кая ржали и присвистывали ей вслед. Бабаня беспрестанно ворчала, а старый Лар хоть молчал по большей части, но от угрюмого его взгляда становилось не по себе. И Кай перебрался ночевать в козлятник. Там даже в сильные холода было тепло, правда, к запаху он привыкал долго...

Кай поначалу старался помогать матушке во всем, но она не позволяла ему.

– Не нужно тебе этого, – говорила она. – Пошел бы ты, сынок, с ребяташками поиграл. Подружился бы с кем-нибудь...

Но друзей среди пацанов Лысых Холмов Кай не нашел. Игры теперь мало интересовали его. Потому что перед глазами все чаще и чаще вставала суровая и прекрасная Северная Крепость – до тех пор, пока не заслонила собой весь окружающий, серый, безрадостный мир. Предсмертные слова Корнелия о грядущем *пути* накрепко врезались в сознание мальчика, и теперь он не мог поверить в то, что первый раз услышал о своем предназначении от рыжего менестреля совсем недавно. Ему казалось, он знал, что ему начертано стать рыцарем Порога давным-давно, еще раньше того времени, когда научился понимать и думать. Ему казалось, он родился с уже написанной кем-то всесильной судьбой.

Видимо, так оно и было.

* * *

Когда Кай спустился с высокого берега, красное солнце уже почти полностью скрылось за темной тучей далекого леса – осталась лишь яркая, будто раскаленная полоска. «Успеть до деревни, пока солнце совсем не село», – привычно загадал мальчик и, перехватив поудобнее удилище и палку, рванул с места.

Впрочем, уже через несколько шагов бег его стал размеренным, а дыхание ровным. В Северной Крепости, уж конечно, пригодится умение бегать быстро, и чтобы дыхание при этом не сбивалось. В Северной Крепости много чего пригодится. Надо быть сильным, ловким и выносливым – кому ж нужен дохлый и неповоротливый ратник?

Кай давно привык бегать тогда, когда можно было пройти пешком, взбираться по крутому склону там, где можно склон обойти. Увидев где-нибудь по дороге увесистый валун, он не мог просто пройти мимо, не попытавшись поднять его и пронести хотя бы несколько шагов. Причем Кая совершенно не волновало, наблюдает ли за ним кто-нибудь или нет. Поэтому уже давно деревенские считали его тронутым: и взрослые, и дети. Кроме, конечно, матушки. И еще одного человека – кузнеца Танка.

Кай добежал до храма Нэлы в тот момент, когда солнце, напоследок вспыхнув красными лучами, совершенно скрылось за лесом. Он остановился, перевел дыхание и улыбнулся. Успел-таки. С этого храма, стоящего на краю, и начиналась деревня. Вот она – в окнах крайних домов тлеют огоньки светильников; сильно пахнет теплым дымом, ворчат собаки и повизгивают свиньи.

Кай побрел по улице к хижине Бабани и Лара. Одно название, что – улица, а на самом деле просто широкая утоптанная тропинка. Летом идешь – по щиколотку тонешь в сухой пыли,

зимой пробираешься по колено в снегу. После сильного дождя и вовсе пройти трудно – завязнешь в грязи. Что стоит деревенским выложить ее камнем, как в городе? Как-то Кай в хорошую минуту, во время ужина, когда Бабаня не очень ворчала, сказал об этом Лару, но тот только покрутил своей косматой башкой. Ответила Бабаня. «Деда наши ходили, отцы ходили, и мы будем ходить, – протараторила она. – А ежели кому не нравится, пусть назад в свой город уматывает. Ишь ты – ноги он испачкать боится!.. Ишь ты – барон какой! Право слово – Барон...» Кай и замолчал. Прозвище, которое дали ему деревенские, произнесенное теперь Бабаней – какой-никакой, а все-таки почти что родной бабкой, – больно задело его.

Деревня была безлюдна. В городе в такое время, наоборот, полно народа, улицы наполнены ремесленниками, которые, переодевшись и смыв копоть и грязь, спешат в трактиры пропустить кружечку-другую после рабочего дня. А здесь – никого. Все сидят по домам. Только иногда вдоль плетня проплывет тень – наверняка к хижине Рабки, одинокой вдовой бабенки, торгующей самогоном, дешевым и кислым из-за примесей отвара «волчьего глаза» – ядовитой пунцово-алой ягоды, которая цветет все лето.

Вот и хижина Рабки, покосившаяся и низкая, пропахшая дурманно-кислым смрадом настолько, что, просто постояв рядом несколько минут, можно опьянеть.

Кай, стараясь дышать ровнее после долгого бега, обогнул вонючую хижину, снова остановился. Потом, поколебавшись немного, направился к деревенскому колодцу. Шероховатый камень, из которого был сложен колодец, белел в темноте неподалеку от кузницы, крытой почерневшим от дыма камышом. Подойдя к колодцу, Кай потрепал холодный крюк, на который вешали ведра. Пить ему не хотелось, да и не из чего было напиться. Кузница была темна – не тлели угли, и совсем не пахло дымом, только в окошке хижины, примыкавшей к кузнице, теплился огонек.

Кай осторожно прокрался к хижине, встал под окошко.

– Наторговал! – услышал он скрипучий женский голос. – Сколько раз говорили дураку: не ходи сам торговать, отдай господину Карлу, он с выгодой продаст, в барыше останешься! Чего ты суешься куда не следует? Ить вот единственный кузнец в округе, гномов поблизости нигде нет, был бы с умом – в золоте купались бы! Нет, своевольничает! Ну не умеешь ты торговать, не берись! Эту пару плугов за серебро сбыть можно было, а ты что принес?.. Медью взял! Дурак и есть...

– Так вишь, как оно... – отвечал низкий и гулкий мужской голос, – я же не это... Карл, он, конечно, того, так я ведь...

– Тьфу, дурак! Орясина! Чтоб тебя хапуны сожрали, тупоголового!..

Кай едва удержался от радостного вскрика. Кузнец Танк вернулся! Два дня назад он уходил на дальние поселения, где, как ему говорили, мужикам плуги позарез нужны, – и вот вернулся! Мальчик бы прямо сейчас свистнул условным свистом, но по голосу жены Танка – горбатой Айны – легко было догадаться, что встречать в серьезный разговор не стоило. Айна для встречи непрошеного гостя могла и за ухват взяться. И тут даже Танк не посмел бы вступить за Кая. Все Лысые Холмы побаивались кузнеца Танка, а он не боялся никого. Кроме собственной благоверной.

Стараясь ступать как можно тише, Кай отошел на несколько шагов, а затем вприпрыжку побежал домой. Завтра утром, чуть встанет солнце, он будет в кузнице. Тут уж Айна ничего не возразит. Чего ж ей возражать, когда Кай с охотой помогает Танку столько, сколько тот скажет, да еще и ничего не просит за работу?..

Окна хижины Бабани и Лара были темны. Но это вовсе не значило, что дома уже спят. Старики считали трату масла на освещение непозволительной роскошью, даже иной раз ужинали в темноте. Бабаня сейчас, наверное, как обычно, возлежит на своей скамье и ворчит, ни к кому специально не обращаясь, сама с собой. Лар пялит глаза в темноту и жует пустым ртом. А матушка, конечно, уже спит. Намаялась за день.

Кай вздохнул. Сколько раз он обещал себе, что будет больше помогать матушке, но все время находились дела важнее. Да и матушка ведь не часто просила. «Побегай, – говорила она, – успеешь еще спину наломать...»

Миновав дверь, он по привычке направился к козлятнику. Проходя мимо окошка хижины, услышал торопливый говорок Бабани. Так и есть – опять разворчалась. Кай досадливо поморщился и прошел бы мимо, но вдруг услышал голос матушки.

И остановился.

– Ну что вы, маменька, пустое болтают... Я же на глазах у вас каждый день, – говорила матушка голосом усталым и глухим. – Если всякого слушать...

– А и послушать иной раз добрых людей стоит, – тараторила Бабаня. – Добрые люди, они все видят. Уж ежели мне не первый и не второй говорит, что подолом машешь перед каждым встречным, так не зря, верно!

– Маменька, да как же это!..

– Ты, Анна, руками тут не маши, а меня послушай. Живем мы, сама видишь как. С хлеба на воду, да и хлеб-то не каждый день видим. Силы у меня уж не те, чтобы тебя, бабу здоровую, бессовестную, с пацаном твоим кормить. Он малый-то малый, а жрет не меньше большого. И работать не заставишь, вечно с Танком полоумным крутится. Попомни мое слово, варнаком, душегубом вырастет!

– Маменька, так ведь...

– Тише ты, – вдруг раздался гулкий голос Лара. – Дай сказать. Дело тебе говорят, так слушай.

У Кая сильно забилося сердце. По тону старика и Бабани он понял, что происходит что-то серьезное. Недоброе что-то начинается. Чего еще старики надумали?

– Баба ты в годах уже, – продолжала Бабаня. – Лет пять еще пройдет, на тебя уж никто и смотреть не будет. Сейчас самое время мужика справного найти, при деньгах, чтоб и с нас хоть немного заботы снять. Хороший-то парень, из семьи доброй, тебя вряд ли возьмет – хоть недолго ты у нас, да натуру свою бесстыжую показала...

– Маменька! – воскликнула снова матушка и, видимо, заплакала – голос ее прервался.

– Раз люди говорят, так оно и есть, – отрезала Бабаня. – Ни с того ни с сего никто языком трепать не станет. Да и я сама видела – мужики гогочут и свистят вслед, знать, повод даешь. Вон кто из наших по улице пройдет, небось не свистнут. Ты вот что, Анна, – тут голос старухи изменился, она заговорила с расстановкой, вкрадчиво. – Я уж покумекала, как быть, теперь за тобой дело. Ты господина Симона, графского мытаря, видала? Монетки у мужика водятся. За ним бы надзор еще хороший, чтоб опаматовался... Слышь, Анна?

Матушка долго молчала. Кай ждал, сдерживая взволнованное дыхание.

– Как баба за мужиком встанет, так никто про нее худого слова говорить не будет, – произнесла еще Бабаня. – Ты ж и нас пойми – тяжело нам, старым, вас кормить. Денег у него уйма. Вместо того чтобы пропивать, дом бы поставили хороший, нам бы помогали. Мы-то, чай, не чужие люди. Ежели б не мы, ты бы со своим кутенком с голоду давно померла бы. Ну что?

Матушка заговорила, и Кай с трудом узнал ее голос.

– Пьяница ж он, – сказала матушка.

– А тебе не принца ждать! – прорезался снова старый Лар. – Бери что есть да за добро не забывай благодарить.

После этих слов матушка опять замолчала. Бабаня трещала еще долго, и все одно и то же. Сердце Кая внезапно уgomонилось и забилося не как раньше, а медленно и натужно, словно заглодело у него в груди. Он опустил голову и побрел в козлятник. Там, прижимаясь к теплым козым тушам, сворачиваясь клубком, чтоб накопить тепла на всю ночь, он еще подумал: «Надо с Танком потолковать завтра. Может, что посоветует... Да что он может посоветовать?»

* * *

Проснувшись с первыми лучами солнца, Кай прокрался в хижину. Бабаня с Ларом еще спали. Пошарив в охапке соломы, мальчик нашел кусок кукурузной лепешки – матушка давно приноровилась оставлять завтрак так, чтобы ему лишний раз не приходилось просить еды у старухи. Сунув лепешку за пазуху, мальчик прихватил деревянное ведро и попытался было выскользнуть во двор, но на скамье закопошилась куча тряпья и послышался сиплый кашель – это проснулась Бабаня.

– Шаромыжничает все, – закричала старуха. – И днем, и ночью покоя нет...

– Я воды наносить хотел, – буркнул Кай, предъявив ведро. Вчерашний разговор мигом вспомнился ему. Бабаня проворчала что-то, переворачиваясь на другой бок.

– А матушка где? – спросил мальчик.

– К ручью ушла твоя матушка, – не сразу откликнулась Бабаня. – Белье полоскать. Оно вон как у нас – добрые люди с вечера все дела поделают, а не с утра пораньше спохватываются.

Не говоря больше ничего, Кай с ведром в руках вышел во двор. Теперь вот придется возвращаться от колодца, едва с Танком поздоровавшись. А старуха еще дело найдет, как только он на глаза покажется. Умывшись во дворе, Кай вылил остатки воды и припустил по пустынной улице, залитой холодным утренним солнцем.

Набрав воды из колодца, Кай подумал немного и решил не ходить домой. Ну ее, эту Бабаню! Недавно только целую бочку натаскал, хватит ей. От недалекой кузницы едко пахло дымом и слышались шумные вздохи – точно дракон готовился чихнуть. Громадный Танк, как обычно голый до пояса, раздувал мехами огонь.

Взяв ведро, Кай побежал на кузницу.

* * *

С Танком он познакомился осенью. Вот у этого самого колодца и, надо сказать, не по своей воле. С того времени, когда они с матушкой перебрались со скамьи на охапку соломы в углу хижины, когда Бабаня переложила на матушку всю работу, никакого желания налаживать с деревенскими близкие отношения у Кая не было. Уж очень непонятно и круто поменялось отношение к ним жителей Лысых Холмов. Местных детей Кай видел, конечно, и раньше, но близко они к нему не подходили. Заметив его, проходящего по улице, чумазые и оборванные пацаны прекращали свои игры и, раскрыв рты, провожали настороженными и удивленными взглядами, точно какого-нибудь диковинного уродца. Постепенно настороженное удивление сменилось веселыми ухмылками, и в один прекрасный день Кай получил это идиотское прозвище.

– Барон! – захлебываясь от восторга, кричали пацаны из-за плетней. – Гля, барон идет! Эй, ваше высочество, вон корова нагадила, не запачкайтесь!

Память о выходах Аскола и его шайки, а особенно о бесславном конце атамана городской ребятни, была еще свежа, поэтому Кай сначала вовсе не обращал внимания на крики в спину. Никакого страха он не испытывал. Лишь недоумение и обиду – и то не столько за себя, сколько за матушку. Северная Крепость вставала перед ним каждое утро, как солнце; но и ночью Крепость не покидала его в снах.

Так получилось, что к одиннадцати годам Кай осознал, что мир людей может быть гадок и жесток, но помимо этого мира есть и еще кое-что. Начертанный судьбой путь, ступить на который может лишь тот, кто достоин. А Кай хотел быть достойным. У него было время – три года. И эти года стоило потратить с пользой, не отвлекаясь на всякие гнусные мелочи.

Да, Кай не боялся. Но он по опыту знал, что лишь словесными оскорблениями деревенская детвора не ограничится. Рано или поздно им придется столкнуться лицом к лицу.

Так и случилось.

Прошлой осенью, когда уже землю покрыли первые заморозки, Кай отправился за водой. Утро было холодным; перекинув веревочную ручку деревянного ведра через плечо, мальчик бегом добрался до колодца. То, что у колодца стоит компания деревенских пацанов, он заметил слишком поздно. Но отступить и не подумал. Просто остановился на секунду от неожиданности, затем пошел вперед.

Мальчишек было четверо. Двое – очень похожие друг на друга, должно быть, братья-близнецы, ровесники Каю, но пониже ростом и пошире в плечах. Кай не знал их имен. Еще один, долговязый и белоглазый, с длинным лошадиным лицом и вечно полуоткрытым слюнявым ртом, был Каю знаком, потому что жил в хижине по соседству – кажется, имя его было Арк. Несколько раз мальчик слышал, как папаша Арка драл своего отпрыска за какие-то шалости, а тот по-девичьи визжал на всю деревню. Четвертого Кай видел только издали. Это был парень много старше его – лет, наверное, четырнадцати, нынешним летом уже работавший в поле вместе со взрослыми. Имя его тоже было Каю известно – Гилль; и приходился он каким-то дальним родственником старому Лару, а значит, почти родственником Каю. Бабаня частенько ставила Гилля в пример, говоря: «Вот уж молодец так молодец! И старших почитает, и работа в его руках спорится. Справный мужик растет, не то что некоторые городские белоручки...» Этот Гилль даже в гости заходил к Бабане и Лару, в те дни, когда у матушки еще звенели в кошельке серебряные монеты. За стол его не сажали, он стоял у двери и исподлобья пялился то на матушку, то на Кая, то на угощение на столе...

Кая, верно, не ждали увидеть у колодца. Пацаны, собираясь куда-то по своим мальчишечьим делам, наполняли водой небольшой мех. Увидев Кая, подходящего к колодцу с ведром, они посторонились, но вовсе уходить, кажется, не собирались. Кай укрепил ведро на крюке и стал спускать веревку вниз, слыша краем уха, как они возбужденно шушукались за его спиной. С тех пор как он оказался в деревне, меч Кай не вырезал – он совсем оставил свои игры. И теперь первый раз пожалел об этом.

Ведро гулко плюхнулось в колодец. Подождав, пока оно утонет, Кай с трудом вытащил его, обжигаясь о промокшую веревку, и поставил на камни колодца, оттирая заledenевшие от холодной воды руки о штаны.

– Эй! – услышал он голос Гилля позади себя. – А здороваться кто будет?

Кай не успел ответить.

– Городской, а невежливый, – поддакнул один из близнецов.

Обернувшись, Кай увидел, что они стоят полукругом, закрывая ему дорогу назад. Арк раззявил рот, запустив туда грязный палец, и смотрел на Кая с тупым интересом. Близнецы, стоявшие плечом к плечу, посмеивались, а Гилль, скрестив руки на груди, постукивал обшнурованной в деревянный башмак ногой по подмерзшей земле.

«Начинается», – подумал Кай. Страх не было. Он был уверен в себе. Он еще помнил ощущение победы, когда враг, минуту назад грозный и сильный, – поверженный, скулит на земле.

Взяв в руки ведро, Кай двинулся на деревенских.

– Может, он глухой? – предположил Гилль. Арк глупо хихикнул шутке.

– Так лечить надо, – сказал один из близнецов, а второй прикрикнул:

– Эй, Барон! С тобой говорят! Что, себя лучше нас считаешь, раз поздороваться не хочешь?

Кай остановился, потому что мальчишки расступаться не собирались.

– Здравствуйте, – сказал он.

– Дошло, – усмехнулся Гилль. – Однако все равно полечить не помешает. Слышь! Для тебя стараемся. Как жить-то дальше будешь тугоухим?

В следующее мгновение парень, не размахиваясь, открытой ладонью ударил Кая по уху. Это произошло так быстро, что мальчик не успел ничего сообразить. В голове больно зазвенело. Он пошатнулся, выронив ведро. Близнецы расхохотались. Арк извлек палец изо рта и тоже загыгыкал.

– Для тебя, говорю, стараюсь, – повторил Гилль. – Теперь лучше слышишь? А раз так, дай монетку! Чего молчишь? Братва, да он еще и немой!

Взметнувшуюся во второй раз руку Кай углядел, но защититься не успел. Гилль ладонью разбил ему губы. Кай не удержался и упал на колени.

– Теперь две монетки должен, – с притворным сожалением вздохнул Гилль.

Оторопь прошла, уступив место злости. Кай вскочил на ноги и кинулся на Гилля. Но тот неожиданно легко увернулся, пнув Кая ногой в бедро. Взбесившись от бессильной злобы, Кай наугад замахал кулаками, и один из его ударов вдруг достиг цели: Арк, схватившись за ушибленный подбородок, с воем отбежал прочь.

– Ну га-ад! – удивленно протянул Гилль. – Ну сам напросился...

Хищно оскалившись, он оглушительно свистнул. Близнецы, почему-то оказавшиеся сзади Кая, отлично поняли сигнал. Двумя одинаковыми рыбками, они кинулись ему в ноги, крепко стиснув колени мальчика. Кай рванулся, стараясь освободиться, но не смог и повалился ничком.

Гилль тут же прыгнул мальчишке на спину и принялся молотить костистыми, твердыми, будто булыжники, кулаками ему по голове. Ревущая боль оглушила Кая. Он едва слышал, как кричали пацаны. Он дергался, брыкался, пытался перевернуться и сбросить с себя парня, но ничего не получалось. Кай был ошеломлен. В первый раз он столкнулся с такими противниками. Как же так? Он не боялся драться, он не сомневался, что сможет защитить себя так, как делал это раньше: переступив страх и нанеся первый решительный удар. Но сейчас вдруг выяснилось, что этого вовсе не достаточно.

Близнецы держали его за руки, Гилль долбил его кулаками. Кай извивался, стараясь достать его, но кулаки месили воздух, ударяясь в землю. Сколько это продолжалось, Кай не помнил. Он пару раз закричал – не от боли, а от ярости, от невозможности сделать хоть что-то. И шквал ударов вдруг стих. Гилль, отдуваясь, чуть откинулся.

– Поори, поори, – тяжело дыша, разрешил он. – Может, кто и услышит... Гнида городская... Что, уже разнюнился?

Кай перевел дух и тут же, отчаянно извернувшись, цапнул Гилля зубами за колено. Немедленно заныли зубы, со скрипом впившись в покрытую грубой холщовой тканью плоть, и Гилль пронзительно закричал, повалившись на бок. Глубоко вдохнув воздух в смятые легкие, Кай задрыгал ногами. Правую ему удалось высвободить сразу. И он наугад влепил пяткой кому-то из близнецов в морду, второй отвалился сам.

Кай поднялся. Он задышался, кровавые пятна плавали перед его глазами. Во рту было солоно, а голова жутко гудела. Он все еще не был напуган. Он был ошарашен. Он чувствовал себя примерно так же, как и в ту страшную ночь в хижине дедушки Гура – лицом к лицу с настоящим кровожадным врагом. О том, что мальчишечья драка может быть такой по-взрослому жестокой, он никогда не думал.

Перед ним появился Гилль с искаженным от ненависти лицом. Кай тут же упал от тяжелого удара в челюсть. Он поднялся опять, но парень умело достал его еще раз. Кай запрокинулся назад, и его моментально снова сбили с ног.

– Ну теперь молись, гнида!.. – услышал он.

Не имея сил встать, он сжался, ожидая очередной серии ударов. Но почему-то его никто не трогал. Капали медленные секунды, но ничего не происходило.

– Вот разбойники! – послышался чей-то незнакомый голос совсем рядом. – Вот уж душегубы! Четверо на одного...

Кай поднял голову. Мальчишек не было видно. А над ним стоял здоровенный мужик. Наголо бритая большая голова его сияла под утренним холодным солнцем. Лицо тоже было брито до синевы. Несмотря на холод, мужик был гол до пояса, а на его широченной груди, покрытой давними шрамами, блестели капли пота. Такого великана Каю еще не приходилось видеть – мужик, наверное, всего на голову был ниже огра Ххара, а по объему мускулов, пожалуй, не уступал ему.

– Давай-ка... – проговорил мужик и, взяв Кая за руку, легко вздернул на ноги. – Ух, как тебя... Рожа прямо как яичница. А я слышу, орет кто-то. Выглянул, а тут вон оно что... Ну разбежались, конечно. Знают меня... Досталось тебе, брат. Ну чего молчишь? Меня Танком кличут. Кузнец я здешний. А ты, я слыхал, Барон?

Кай прокашлялся.

– Не Барон, – выговорил он. – Кай...

Мужик как-то по-детски удивился. Вообще, приглядевшись, Кай заметил, что в лице его было много детского: бесцветные брови, широко распахнутые голубые глаза, пухлые губы и, главное, простовато-наивное выражение, будто этот человек каждую секунду был готов добродушно рассмеяться.

– Ишь ты!.. Не барон. А я-то думал, и впрямь голубых кровей... А оно во как. – Он все-таки рассмеялся. – Нашим-то только дай языком помолоть... Барон, вишь как. А чего с этими головорезами не поделил?

Кай пожал плечами.

– Ага, – серьезно проговорил Танк. – Понял. Чужака они в тебе видят, – глубокомысленно заключил он. – Теперь проходу не дадут. Ты вот что... – неожиданно сменил он тему. – Ты в следующий раз, как полезут, сам первый не кидайся. А то получается, на одного кинулся, других не видишь, а они-то как раз в это время... – Кузнец еще раз оглядел мальчика с головы до ног, сочувственно поцокал языком и, прицепив ведро к крюку, спустил его в колодец. Вытащил ведро и сказал: – Ну-ка, подставь руки. Умoeшься немного, а то глядеть страшно. Мамка небось перепугается...

Кай тогда сразу почувствовал в этом Танке что-то неуловимо родное, что-то притягивающее. Хотя деревенский кузнец вовсе не был похож на менестреля Корнелия, все-таки что-то общее у них было. К тому же Танк казался проще и ближе рыжего менестреля.

Этот верзила разговаривал с мальчиком так, как взрослые никогда не разговаривают с детьми – будто ничуть не считал себя выше Кая. Пока он умывался, Танк, помогая ему, спрашивал про матушку, про папеньку, про то, как живется в городе и почему случилось так, что Кай с матушкой стали жить в Лысых Холмах. Кай отвечал искренне и подробно. Сколько уже времени никто так не разговаривал с ним!

– Забавный ты малый, – заключил Танк, когда Кай привел себя в порядок. – А насчет этих разбойников... Заклюют они тебя. Вишь, смелость в тебе есть, а вот силенок маловато. Да и драться совсем не умеешь.

Последнее высказывание поставило Кая в тупик. Как это – он не умеет драться? Да сколько поединков на деревянных мечях он провел, из скольких выходил победителем! Если бы у него сейчас был с собой меч, он бы показал!..

Выслушав мальчика, Танк расхохотался:

– Показал бы!.. Как носом землю пахоть! Да рази ж ты не видишь: этот Гилль тебя и с завязанными глазами уложит. Потому как сноровка у него имеется... Ну ладно, вали домой. И я пойду. А то зябнуть начал после кузницы-то. Забегай, если что... Вона я где живу.

Обернувшись, Танк указал мускулистой ручищей на крытую камышом кузницу и низкую хижину, притулившуюся рядом с ней. Из маленького окошка вдруг выглянуло некрасивое рябоватое женское лицо, и Кай первый раз услышал пронзительный голос горбатой Айны:

– Чего ты там рассусоливаешь, орясина! А ну быстро к горну! Господин Карл уж два раза присылал, а у тебя все не готово! Четвертый день, как господин Карл решетки заказал, а он языком стоит мелет непонятно с кем!.. А ну живо!..

Огромный Танк втянул голову в плечи и заторопился.

– Пойду я, ага... Вишь, как она... Дело делать надо...

Вернувшись домой, Кай матушку не застал. А на ворчанье Бабани, что, мол, бандитом растет, в драку лезет, перед добрыми людьми позорит, морду полосует да штаны рвет, а штаны не морда, сами не заживут, их чинить надо, отделался невнятными объяснениями своей невиновности, ничуть, впрочем, не подействовавшими. Когда старуха успокоилась, он попытался расспросить ее о кузнеце и в ответ получил следующее:

– Вот уж истинно – варнак к варнаку тянется! Нашел себе приятеля! Да этот Танк-то самый главный душегуб в округе и есть! Нездешний он, перекаати-поле, сам мать-отца своих не знает. Одно название, что кузнец, а на самом деле – разбойник! Он разбойником и был. Сам-то не похвалялся, нечем тут похваляться, понятное дело, добрые люди сказывали. По восточным морям на кораблях плавал, прибрежные города грабил и торговых людей топил. Там и выучился людей калечить!

Кай оторопел. Никак ему не верилось, что добродушный верзила был когда-то морским разбойником. Шрамы у него на груди... Так мало ли где пораниться можно. Врут, поди, деревенские. О том, что болтать и напраслину наговаривать жители Лысых Холмов горазды, мальчик уже по собственному опыту знал. Он и сказал об этом Бабане. Вернее, только начал говорить, старуха так раскричалась, что Каю пришлось прикусить язык.

– Дожила, на старости лет вруньей называют! И кто? Кутенок паршивый, голодранец! Да этот Танк еще лет пять назад шестерых покалечил... Чуть до смерти не убил. Трое через полгода умерли, двое – через год. Один только из тех шестерых посейчас живет – Бад. И у того левая рука с той самой ночи не поднимается. Потому и зовут – Сухоруким. Праздник был! Добрые люди что на праздник делают? Вино пьют, песни поют да шутки шутят. А этот верзила тогда и месяца у нас не прожил, никто его и не знал толком. Не говорил ни с кем – бирюк бирюком. Вот и решили его немного растормошить...

И вышло по рассказу Бабани, что «добрые люди», попив вина и попев песен, возжелали в честь выдавшегося в тот год обильного урожая пришлое раздеть догола, свиным жиром вымазать, обваливать в кукурузной трухе, что после обмолота остается, и выпустить на поле бегать. Так в старину делали, чтобы духов посмешить в награду за урожай. И двинулись почти что всей деревней к наскоро сложенной из камыша хибаре, где тогда Танк жил. С факелами и дубинами пришли. Только пришли своим ходом, а обратно бегмя бежали. Правда, не все. Шестеро у хибары лежать остались. Еще трое сами уползли. О той ночи долго судачили. Говорили, когда к хибаре подошли, Танк уже не спал. Вышел глянуть, что за шум. Тут и кинулись на него со всех сторон. А что случилось потом, наутро никто толком сказать не мог. Здоровые мужики разлетались, будто котят. Через пару минут Танк стоял один над шестью бесчувственными телами. У двоих были переломаны руки и по несколько ребер – и эти двое отделались легче остальных. Четверо видимых повреждений не имели, но, очухавшись, стали жаловаться, что «нутро болит». Так и померли, кто через полгода, а кто через год. Те трое, что уползли своим ходом, – их Танк даже не тронул. Их свои же деревенские посшибали, когда наутек ринулись.

Кай на Бабанин рассказ ничего не сказал. «Врет она все», – подумал он. А на следующее утро, хоть спина и лицо здорово ныли после вчерашнего, первым делом побежал в кузницу. На его счастье, Айны дома не оказалось – ушла к какой-то соседке по своим бабым делам. А

Танк приветствовал мальчика дружески. Он был в кузнице, заканчивал решетки для Жирного Карла. Кай вызвался раздувать горн и за работой осторожно завел разговор о той драке, случившейся пять лет назад. Тут и выяснилось, что ничего Бабаня не врала.

Кузнец отложил молот, тяжело вздохнул и присел на точильный камень. Он даже в лице изменился: бесцветные ресницы задрожали, а пухлые губы заметно побелели.

– Не хотел я... – тихо проговорил Танк. – Зарок давал не убивать никого, а вишь, как оно вышло. Я ж и старался, чтоб осторожно, да их слишком много было. Головой понимаю, как бить надо, а руки не слушаются... Вишь как, помнят руки мои... Я ж этими руками...

Он не договорил, глянул на мальчика виновато, словно тот его обвинял. Потом, будто оправдываясь, продолжил:

– Что душегубом меня называют, так то верно. Душегуб я и есть. Только не по своей воле. Родился-то я на Востоке, далеко отсюда, в Марборне. Таким, как ты, был соплегоном, когда меня парни из Морского Братства умыкнули. Почитай, лет тридцать я с ними по морям скитался. Так что промысел разбойный с молоком материнским впитал, как говорят. Правда, молоком меня не поили, а матушка... Я уж и забыл на лицо, какая была. Я ж малый был, а малый – что слепой: в какую сторону повернут, в такую и пойдет. Я года на три постарше тебя был, а уж в портовых драках моряков уродовал да на abordаж ходил. Знаешь, что это такое? У-у, брат!.. Это когда два корабля бортами сцепляются и на обеих палубах рубка идет – люди, как мясной ком многорукий да многоногий, с одной палубы на другую перекатываются. Охрана торговая – вся сплошь с мечами да топорами, а мы – кто с ножами, кто и вовсе без ничего. В свалке так сподручнее, там мечом не помашешь. Там за один вдох все решается – или ты его, или он тебя. Особая наука есть у Морского Братства, веками отточенная: как живого человека голыми руками вмиг жизни лишить. Не каждому она дается, да и сила тут нужна редкая. А я, вишь как, способный оказался... Насмотрелся я, брат, мастеров этого дела: на десять жизней хватит. По три ребра одним хватом вырывали... Хребет рвали прямо из тела, вишь как... Ну и ладно. Не нужно тебе этого слушать, ага...

– Мне тоже надо, – проговорил Кай, когда кузнец замолчал.

Танк вытаращился на него.

– Не хребет рвать, – заторопился Кай. – Мне, чтобы это... Чтобы голяком по кукурузному полю не бегать, – неожиданно закончил он.

Танк фыркнул и расхохотался. Потом надолго о чем-то задумался.

– Ладно, – сказал он. – Моя старушка все меня пилит, чтоб я камин сложил, как у людей. А у меня что-то руки не доходят, вишь как. За Круглым озером овраг есть, знаешь?.. Там ручей течет. Когда храм Нэлы складывали, камни там брали, в ручье. Натаскаешь мне две сотни булыжников, будем дальше разговоры разговаривать. Только мелкие не бери. С мою голову бери, не меньше... – и, крайне довольный собой, Танк снова расхохотался.

Кай даже не улыбнулся.

– Хорошо, – сказал он. – Можно прямо сегодня начать?..

С тех пор так и пошло. Всякий раз, когда у него выпадала свободная минута, Кай бежал к кузнецу. Работа для него находилась всегда, а если не было работы, Танк обязательно выдумывал какое-нибудь занятие: Кай карабкался на деревья, переплывал ледяную Лиску, таскал камни, бегал, обливаясь потом, вокруг деревни. Камни для камина давно уже были перенесены к хижине, камин давно был сложен, но Танк все не спешил обучать мальчика своему смертельному искусству. «Вишь, оно как, – говорил он, когда мальчик заводил об этом речь, – только силу и сноровку в себе почувешь, как удаль дурная наружу проситься будет. Покажется, что ты лучше других, что никто тебе не ровня, а это нехорошо, брат... Лучше вот что... лучше принеси мне сорочье гнездо...» И Кай шел в лес искать гнезда, а сороки, как известно, птенцов на верхушках самых высоких деревьев высиживают, низко не гнездятся...

О дружбе кузнеца и городского Барона быстро стало известно всей деревне. Взрослые, видя мальчика, перетаскивающего с места на место громадные камни или безо всякого повода несущегося по пыльным тропинкам, останавливались и, качая головой, крутили пальцем у виска. Бабаня то и дело поднимала крик о том, что «на всю деревню опозорил, голодранец городской, добрым людям на смех выставил». Сколько раз она обещалась сходить к «этому дурню здоровенному», потолковать с ним, чтобы он отстал от парнишки, а то «стыда не оберешься», но все не шла. Старик Лар ничего не говорил, только сопел в бородищу. И матушка помалкивала. Она совсем мало стала говорить. А плакать по ночам – больше. Теперь она вовсе не отличалась от деревенских баб: одежда ее истрепалась, а лицо потемнело. И руки сделались грубыми. Кай сам понимал, что ему бы стоило больше помогать ей, несмотря на всю ее неохоту, но к Танку тянуло сильнее, и ничего он не мог с этим поделать.

С Гиллем и его компанией Кай снова столкнулся примерно через неделю после первой драки. Пацаны уже сознательно подстерегли мальчика и, напомнив про «две монетки», излупцевали почище прошлого раза, потому что никто Каю на помощь не пришел. Кай явился в кузницу с распухшим носом и губами, превратившимися в две синие лепешки. Он думал, что уж теперь кузнец покажет ему, как защищать себя, но тот, вызнав от мальчика детали драки, подумал и сказал:

– Значит, быстрый Гилль для тебя слишком? Оно так и есть... Ну-ка, встань-ка вон туда... – и, набрав в пригоршню мелких камней, принялся швырять их в Кая один за другим, требуя, чтобы мальчик камни ловил. Хотел Кай обидеться и уйти, но... остался. На следующий день упражнения с камнями повторились, а потом и на следующий, а потом и на третий. Через две недели мальчик упустил только пару десятков из доброй сотни. А через полтора месяца он не упускал ни одного камешка.

А еще через пару дней Кай встретил Гилля недалеко от дома. Гилль был один, тащил дрова для очага, и драки, возможно, и не случилось бы, но Кай напал первым. Может быть, потому, что Гилль не ожидал нападения, может быть, потому, что он оказался без поддержки своей компании, может быть, еще по какой причине, но этот бой закончился вничью. Пацанов растащила мамаша Гилля – отправила сына домой, а Кая, держа за ухо, приволокла к Бабане.

Старуха, причитая, что «кутек вовсе свихнулся, на людей кидается», сурово отодрала Кая хворостиной, а на следующий день Кай получил еще и от Гилля, который поспешил взять реванш, собрав всю свою кодлу и подкараулив Кая в сумерках у плетня его же дома.

– Камешки будем кидать? – спросил мальчик у Танка наутро, щурясь обоими подбитыми глазами.

– Сколько их было? – подумав, спросил Танк.

– Пятеро, – ответил Кай. – Четверо тех же и еще один... Не знаю, как зовут. Конопатый такой...

– Племянник Бада Сухорукого, – кивнул кузнец. – Но это неважно... Значит, пятеро. Сложно увернуться от пятерых...

– Будешь меня учить?

Кузнец ничего не ответил, поставив у наковальни молот, почесал бритый затылок и, оглянувшись на окно своей хижины, проговорил:

– В лес пойдем. Давно собирался угля нажечь.

В лесу, стащив сваленные древесные стволы в угольную яму, Танк разжег костер, велел Каю стоять на месте, отошел на полсотни шагов. Потом подозвал Кая. Когда мальчик подбежал, стряхивая с опухшего от побоев лица лесную паутину и выбирая из волос листья, кузнец рассмеялся.

– Вернись к яме, – сказал он. – И подойди ко мне еще раз. Постарайся сделать это так, чтоб я не слышал.

– Как это? – оторопел Кай.

– Скользи меж ветвей, – пояснил кузнец. – Как это... как рыба. Ни одной ветки задеть не должен... вишь как...

Кай усмехнулся. Он понял.

– А тебя тоже так учили? – спросил он.

– Ага, – сказал кузнец. – Только вместо веток деревьев Братья с ножами были... И на месте они не стояли. Давай. Сначала медленно, потом быстрее.

Кай бегал по лесу туда-обратно до самого вечера. Ночевать он ушел домой, а Танк остался в лесу. На следующий день все повторилось. Через неделю на вечерней улице его встретили трое: Гилль с близнецами. Каю досталось в драке здорово, но и Гилль вернулся в тот вечер домой с расквашенным носом, а один из близнецов надолго зажмурился на один глаз. За ту зиму Кай сталкивался с компанией деревенских еще четырежды. Два раза его подкарауливали, два раза они встречались случайно. В пятый раз, когда Кай наткнулся на Гилля с компанией у пастбища, куда вел Бабаниных коз, деревенский атаман, оглянувшись на своих прихвостней, сплюнул себе под ноги и молча обошел мальчика. В тот день Кай понял, что отвоевал себе право ходить по деревне, не боясь быть избитым.

Когда Танк узнал об этом, то сказал:

– Теперь можно.

Они опять на целый день ушли в лес. Вопреки ожиданиям мальчика Танк показал Каю лишь ничтожно малую часть из того, что знал. «Большого не жди, – сказал он вечером, – и тому не следовало учить, но раз уж слово дал... А лучше всего – забудь все это. И вспомни лишь тогда, когда жизни твоей угроза есть...»

Это произошло месяц назад, когда на земле еще лежал снег.

* * *

– А, брат, явился! – приветствовал тащившего ведро Кая кузнец. – По воду послали? А я, вишь как... проторговался маленько. Плуги-то у поселян деревянные были, легкие. Еле уговорил их железные купить. И то – монетки давать не хотели, яйца да шкуры сулили. А на что мне их шкуры?.. Не надо было соглашаться совсем, да... – Он махнул рукой и добродушно рассмеялся. – Не торговец я. Надули меня, сволочи. Эти плуги деревянные – тьфу! А они... задурили башку. Я, считай, задаром товар отдал... Как жизнь-то вообще?

– Хорошо, – ответил Кай, но тут же вспомнил про вчерашний разговор, подслушанный у окошка хижины Бабани и Лара. – Ну... нормально... – добавил он.

– Чего так? – Танк уловил изменение интонации. – Опять, что ли?.. – Не договорив, он испуганными глазами ощупал Кая, особо задержавшись на лице и костяшках пальцев.

– Не дрался я, – бормотнул Кай.

– Вишь как! – выдохнул Танк. – А я-то забоялся... Помни, брат, только для спасения жизни можно то, что я тебе показывал, применять. А чего кислый? Старики опять бухтят?..

Кай кивнул, окончательно решив не посвящать в свои проблемы кузнеца. Он-то чем сможет помочь? Вот если бы Бабаня с Ларом не за пьянчужку Симона надумали матушку выдать, а за Танка – вот было бы здорово! Но у Танка уже есть жена...

– Их дело стариковское, – повеселел кузнец. – Ты на них и не смотри вовсе. На-ка, бери молоток. Эх, брат, силы-то в тебе как прибавилось!.. Глядишь, через год и молот поднять сможешь. Так-то я однорукий кузнец, а буду двуруким, двуруким-то сподручней. Я ж вижу, из тебя славный кузнец выйдет. А среди людей кузнецу почет завсегда обеспечен... – говорил это Танк и поглядывал на мальчика искоса. Кай давно уже поведал кузнецу свои мысли о Северной Крепости Порога, Танк выслушал внимательно, вроде бы даже уважительно, но иногда – а последнее время все чаще и чаще – заговаривал о прибыльном и почетном кузнечном ремесле как о деле, которому вполне может посвятить свою жизнь и самый достойный человек.

– Нет их на Валунах, – невпопад сообщил Кай.

– Кого?

– Да ундин. Два вечера подряд стерег.

– Вот они тебе втемяшились... – проворчал Танк. – Ежели не мешают, так нечего и лезть.

– А Яна-то едва не сожрали?

Танк долго молчал, помахивая молотом.

– А пусть и сожрали бы, – буркнул он. – Невелика беда... Сам виноват.

Наверное, до полудня Кай проработал в кузнице. Когда солнце встало в зените, Танк бросил в чан с водой очередную подкову и отложил молот.

– Пошамать неплохо бы теперь, – пробасил он. – Что-то старушка моя запаздывает. С утра ушла яиц наменять, до сих пор нет. Поди, языками на улице зацепилась с кем-нибудь и ляды точит, вишь как... У нас, брат, куры чего-то не несутся. Прямо беда, вишь как... Точно сглазил кто.

Только он договорил, как возле кузницы показалась горбатая Айна. Шла она от колодца, и Кай инстинктивно подался в сторону – кто знает, что у нее за настроение. Эта визгливая бабенка может и за стол посадить, может мимо пройти, не заметив, а может и шваркнуть по затылку: «Пошел вон, пашенок, нечего трудовых людей с дела сбивать!» Тут уж и Танк не поможет. Даже не вступится. А если и вступится, сам по затылку огребет.

Однако Айна, хоть и заметила Кая, кричать не стала. Просеменила к хижине, но у самой двери вдруг замаялась и повернула обратно. Кай удивленно заморгал. Странное лицо было у Айны: не как обычно – словно сжатое в острый злой кулачок, а какое-то непривычно растерянное. И шла она, взглядывая не на мужа, а на него, на Кая. Мальчик оглянулся на Танка – кузнец, тоже заметивший необычность поведения супруги, чесал бритый затылок.

– Яиц-то наменяла, ага? – спросил он.

Айна невнимательно посмотрела на мужа, пожевала губами и перевела взгляд на Кая.

– Ты это... малец... – заговорила она. – Бабаня-то там, это... Домой тебя кличут.

Кай раскрыл рот. Подобной заботы от горбатой жены Танка он никак не ожидал. А Бабаня... Зачем он ей понадобился? Воды же полная бочка во дворе...

– Ага, – кивнул мальчик.

Айна шевельнула челюстью, будто хотела сказать что-то еще, но ничего не стала говорить. Стрельнула глазами на Кая, потом на Танка, медленно развернулась и, сгорбленная, засемила к хижине.

– Пойду я, – вздохнул Кай, поднимая с земли ведро с водой. – Вечером еще зайду, ладно?

– Забегай, – сказал Танк.

* * *

Какие-то странные звуки неслись из хижины Бабани и старого Лара – вроде бы песня, а вроде и нет... Кай не сразу догадался, что это заунывные старушечьи причитания. Еще ничего не понимая, он толкнул ветхую калитку и вошел во двор.

Во дворе стоял Лар, босой и в одной рубахе. Он как-то странно топтался на месте, точно вышел по делу, а по какому – забыл. Увидев мальчика, старик запустил узловатую руку в серую бородину и проговорил нечто непонятное:

– Оно-то так... Гляди-ка что...

А из хижины все лился распевный вой. Кай кинулся в хижину.

То, что он увидел, мозг воспринял не сразу, а постепенно, по частям. У лавки сморщилась темным комом Бабаня. Седые ее космы разметались над лицом, платок с головы она стиснула обеими руками у покривившегося мокрого рта.

– Ой-е-ешеньки... – с новой силой завопила она, уставив маленькие темные глазки на застывшего у порога мальчика. – Ой, и что же это такое-то?..

Возле окна, сгорбившись так, что длинные руки свисали ниже колен, стоял чернобородый мужик, в котором Кай узнал соседа, отца Арка.

А прямо посреди комнаты, в луже какой-то багрово-черной грязи, лежала матушка. Одежда ее была невероятно изорвана и запачкана – не было даже понятно, где кончается платье и начинается покрытое жирной грязью обнаженное тело. И дрожало крупной дрожью матушкино лицо – неузнаваемо распухшее, все в больших и бесформенных синих и черных пятнах, даже глаз видно не было. Матушка, подергиваясь на полу, тяжело, с хрипом стонала.

Закричав так, что в горле его что-то оборвалось, Кай ринулся к матушке, больно ударился коленями об утоптаный земляной пол. Матушка открыла глаза: один белый, в котором горошиной прыгал черный зрачок, второй совершенно красный, страшно выпученный, набухший кровью, – эти глаза не видели Кая. Мальчик еще раз закричал и вдруг почувствовал, как матушкины руки, зашарив по грязному полу, нашли и крепко, до боли, стиснули его пальцы.

– Сыночек... – вместе с хрипом вырвалось из неровно колышущейся груди матушки. – Сыночек...

Кай попытался ответить, но то, что лопнуло в его горле, уже налилось тугим комом и не пропускало слова.

– Коня повел к ручью... – бормотал отец Арка. – Поить, значить... Гляжу, а она лежит: вполовину в воде, вполовину так... Исколочена, аж глянуть страшно. Упала, значить, и расшиблась вся... Думал, померла уж. На коня взгромоздил, ан нет – голос подавать стала. Жива еще, значить...

Матушка позвала Кая еще раз и замолчала, сцепив разбитые губы. Хриплое дыхание вырывалось из нее теперь через ноздри, в которых спеклось что-то черное. Чернобородый сосед еще бормотал, Бабаня голосила. В хижину заходили привлеченные ее причитаниями тетки и мужики – хижина то наполнялась народом, то пустела, то опять наполнялась. Кто-то что-то говорил, кто-то порывался советовать и за кем-то бежать, но ни один человек почему-то не осмеливался подойти и склониться над стонущей женщиной, крепко держащей руки онемевшего от ужаса мальчика.

Матушка так и не отпустила Кая – даже тогда, когда чернобородый и старик Лар перенесли ее на скамью. На скамье она неожиданно перестала стонать, только в ее груди продолжало страшно булькать и сипеть. Кай просидел рядом с лавкой до самой ночи. Бабаня, не прерываясь, бессмысленно голосила, а ему ужасно хотелось тишины. Ему казалось, что, когда станет тихо, матушка перестанет сипеть и булькать и спокойно заснет. А утром проснется здоровой. И заговорит с ним. Но Бабаня куда-то ушла, а матушка все не затихала. Кай положил гудящую голову на край скамьи и провалился в дурной мутный сон-оторопь.

* * *

Просыпался Кай с трудом. Вязкое небытие не отпускало его. Он вроде приподнимался, будто скидывая с себя глухое ватное одеяло, но за одним одеялом оказывалось второе, за вторым третье, а за третьим – четвертое. И вдруг неожиданно взорвавшееся в его голове страшное воспоминание вышвырнуло мальчика в холодное и белое утро.

Кай дернулся на полу и открыл глаза, не сразу сообразив, что руки его свободны. А матушкина рука, черная и сухая, точно обугленная ветвь, свисала с лавки прямо над его лицом. Мальчик поднялся.

Бабаня больше не голосила. Она сидела в углу хижины на охапке соломы вместе с двумя такими же замотанными в тряпье старухами, и из угла доносилось испуганное бормотание и оханье. Старик Лар за столом хлебал из глиняной чашки густое, исходящее паром варево.

Увидев мальчика, он вздрогнул, приостановил ложку у рта, но уже через мгновение принялся хлебать снова, посверкивая на Кая глазами из-под косматых бровей.

Матушка лежала, укрытая до подбородка козлиной шкурой, и дышала тихо-тихо и очень редко. Грязь и кровь с ее лица никто не смыл. Кай посмотрел на Бабаню, немедленно всхлипнувшую: «Ох, горюшко...» – и поднялся на затекшие одеревеневшие ноги.

Плюшку с водой и чашку он донес до скамьи, но вымыть матушку ему не дали. Старухи отобрали у него плюшку, хотели вывести из хижины, но он вырвался и забился под стол – оттуда хорошо было видно скамью. Старухи омыли только лицо, но белее оно не стало. Кожа под грязью и запекшейся кровью оказалась синяя, с глубокими черными ссадинами на щеках, лбу и подбородке. Когда старухи отошли, Кай снова сел у скамьи и взял матушку за черную, едва теплую руку. Матушкины пальцы лишь слегка дрогнули, отвечая на пожатие мальчика.

Снова приходили соседки, тихо говорили с Бабаней, которая встречала протяжным плачем каждого посетителя, сочувственно качали головами. На столе появлялись кукурузные початки, ковриги хлеба, лепешки и прочая нехитрая снедь, которую хозяйственный Лар по уходе дарителей ловко куда-то прятал. Пришла Кагара, знахарка, подожгла какую-то дрянь в жестяной миске, низко склонившись, прошептала что-то над матушкой и отошла. Посмотрев на Бабаню, мотнула кудлатой, неприбранной головой и молча удалилась, и еще несколько часов в хижине пахло резко и неприятно, отчего першило в горле и чесались глаза...

Непонятно было: то ли несчастье наконец уравнило городскую приبلуду с Лысыми Холмами, то ли деревенские приходили выразить сочувствие не матушке, а Бабане – Кай об этом совсем не думал. Он вообще не обращал внимания на то, что происходит в хижине. Только одна мысль неустанно стучала в его голове: когда же все это кончится? Когда страшная синева сойдет с матушкиного лица, когда ее глаза станут ясными и все снова будет так же хорошо, как раньше? Потому что то, что было *до* того, как он увидел матушку лежащей на полу хижины, *теперь* казалось ему невероятно добрым и счастливым временем... Иногда черным огнем вспыхивало нестерпимо жуткое: а что, если она не выздоровеет?.. Но усилием воли мальчик всякий раз гасил эту мысль. Заглянуть за этот порог у него не хватало сил.

Ближе к вечеру зашел Танк. Он неуклюже потоптался у порога, густо прокашлялся и, видимо не зная, куда девать руки, стал колупать стену хижины. Кай не обернулся к нему. Так ничего и не сказав, кузнец тихо вышел.

И снова в хижине сгустилась темнота. Лар с Бабаней, проводив последних посетителей, легли спать. Матушка лежала с закрытыми глазами, тихо-тихо дыша. Когда она вдруг шевельнулась, Кай встрепенулся и поднес к дрогнувшим губам давно приготовленную чашку с водой. Но вода полилась по подбородку. Матушка застонала и открыла глаза.

– Сыночек... – позвала она не тем чужим и пугающим хриплым голосом, а своим прежним. – Сыночек...

– Матушка! – выдохнул Кай.

Матушка смотрела в потолок, и кто ее знает, видела ли она что-нибудь, кроме тьмы.

– Страшно, – сказала матушка, – страшно...

– Не бойся, – проговорил Кай, и слезы из его глаз потекли сами собой, – Кагара приходила наговор тебе делать. Теперь все заживет...

– Страшно, – повторила матушка. – Вижу огонь... И кровь...

Она надолго замолчала, переводя дыхание. Молчал и Кай, пытаясь понять, о чем говорит матушка.

– Длинный... – едва слышно прошелестели ее губы, – путь...

Последнее слово застыло на губах, и матушка перестала дышать. Кай до самого утра просидел у скамьи, держа мать за руку. Когда стало светать, рука похолодела и сделалась твердой. Кай вдруг с невыразимой ясностью понял, что матушки больше нет. Он поднялся и вышел по двор. Там он долго стоял, не зная, куда ему идти теперь, когда он остался совсем один. Расте-

рянный взгляд его остановился на козлятнике, по раннему времени еще закрытом. Мальчик втиснулся между сонно блеющих коз и мгновенно уснул.

Глава 3

Издавна повелось, что маги устраивали свои жилища в высоких башнях. Башня являлась символом средоточия энергии мира. Корни ее черпали энергию из недр земли, а верхние этажи пропадали в течениях энергетических потоков небес.

Икоон, архимаг Сферы Смерти, быстро шагал по подземному коридору подвала Дарбионской королевской башни Сферы Смерти, направляясь в Нижнюю библиотеку, чтобы лично проверить сохранность свитков. Архимаг был крепким пятидесятилетним мужчиной с твердым скуластым лицом, на котором блестели крупные темные глаза. Буйная черная шевелюра безо всякого признака седины выбивалась из-под мехового колпака, а длинный балахон, расписанный охранными рунами, не скрывал ладно скроенной, мускулистой, не успевшей еще обрюзгнуть фигуры.

Икоон не являлся самым знающим и талантливым магом в Сфере Смерти. Он не создал ни одного выдающегося заклинания и не мог отправляться в ментальное путешествие в Темный Мир более чем на пять – десять минут. Он обладал другим талантом: Икоон был способен *видеть* людей – причем без какой-либо магической помощи. Он умел разговаривать с людьми так, что они, вроде бы не соглашаясь с ним и споря, все равно поступали так, как хочется ему, Икоону. У него были обширные связи в Дарбионе, в Ордене Королевских Магов и, как говорили, даже при дворе его величества Ганелона, поэтому маги его Сферы никогда не испытывали недостатка в золоте, и лучшие из них довольно часто навещали королевский дворец, дабы продемонстрировать его величеству свое искусство.

Икоону осталось пройти еще два поворота, когда в лицо ему дохнул ледяной ветер, и факелы, укрепленные по стенам коридора, вмиг погасли. В первый момент архимаг не испугался. С чего ему было бояться? На его запястьях, на груди, на поясе под балахоном и даже в волосах прятались бесчисленные амулеты и обереги, долженствующие спасти жизнь и рассудок хозяина. Кроме того, рядом находился его главный советник – Митра, маг еще молодой, но, как признавали многие из Сферы Смерти, необыкновенно даровитый. К своим тридцати годам Митра достиг такого уровня знания, какого иные не достигали и к восьмидесяти. К тому же, помимо всего прочего, Митра отдавал предпочтение боевой магии: в его памяти надежно хранились десятки заклинаний, с помощью которых живые люди мгновенно превращались в куски холодной мертвой плоти, а демоны в ужасе бежали в свой Темный Мир.

Архимаг и его советник остановились. Икоон услышал, как Митра тихонько загудел Песнь Хаоса – простейшее заклинание, помогающее магам, практикующим магию Смерти, концентрировать в себе энергию. Икоон и сам почувствовал, что неподалеку от них находится нечто, не принадлежащее этому миру, и стиснул Коготь Зорга, висевший на его груди под балахоном.

Впереди возникло белое свечение. И в этом свечении появился юноша в свободном белом одеянии, которого можно было назвать красивым, если бы не чересчур бледное лицо и ярко-красные глаза.

Вот тогда-то Икоон почувствовал страх. В юноше он узнал Хариоя, Высшего демона, которого маги Смерти вызывали крайне редко. Почти никогда не вызывали. Хариой был одним из самых могущественных демонов Темного Мира и потому – одним из самых неуправляемых.

– Интересно, – вкрадчиво молвил Хариой, – я здесь давно и не вижу вокруг себя защитного круга. Смертные решили даровать мне свободу в своем мире?

– Я не вызывал тебя... – просипел Икоон.

– Было бы забавно, – словно не слыша архимага, проговорил демон, – совершить здесь прогулку без провожатых.

Митра, закончив Песнь Хаоса, поднял перед собой руки.

– Смертный собирается прочитать какое-либо из Отталкивающих Слов? – поинтересовался Хариой, приподняв светлые, сросшиеся над переносицей брови. – Это меня не изгонит. Хотя наверняка причинит неудобство.

Митра вздрогнул и хриплым от волнения голосом принялся произносить длинные фразы на Тайном Языке, доступном лишь тем, кто познал высшую магию. Если б Икоон не был так испуган, он бы одобрил это решение. Сильное заклинание Изгнания могло обездвигить демона на какое-то время, за которое маги успели бы бежать, поднять по тревоге всю Сферу. А с такой мощностью они, конечно, сумели бы совладать с Харием.

Белый юноша исчез. Свечение погасло, и вдруг совсем рядом с людьми из тьмы соткалось бледное лицо. Хариой улыбнулся и легонько дунул в ухо Митре. Советник архимага Сферы Смерти повалился на каменный пол с костяным звуком, точно его тело, лишившись жизни, враз окоченело. Впрочем, так оно и было... Хариой возник в белом свечении на том же самом месте, где Икоон увидел его в первый раз.

И архимаг овладел собой.

– Скажи мне. – попросил он демона, – что я могу для тебя сделать? Ты получишь все, что пожелаешь, и уйдешь обратно.

Хариой расхохотался громовым смехом, колыхнувшим своды подземелья.

– Обычно все происходит точно наоборот. Обычно вы, смертные, требуете от меня что-то и, получив, отпускаете меня домой. Забавно, что мы поменялись местами.

Икоон pokrылся холодным потом. Проклятие, что же произошло? Неужели какой-то недоучка, возомнивший себя опытным магом, решил вызвать это чудовище в мир людей? И не закрыл защитный круг? Или вообще забыл его начертить? Это совершенно невообразимо... Скорее всего, энергии жалкого школяра не хватило на то, чтобы его круг сдержал Харию. «Боги! – мысленно взмолился архимаг. – Дайте мне выпутаться из этой напасти!.. И дайте найти этого проклятого недоучку! О, какую страшную казнь я ему выдумаю!»

– Мне нравится ход твоих мыслей, – одобрил демон. – Но тот, кто вызвал меня, далеко не жалкий школяр и недоучка. Мне так кажется... И я не намерен уходить, пока не узнаю, зачем я здесь. Но и после этого я не желаю покидать ваш гостеприимный мир. Я собираюсь здесь развлечься...

Архимаг лихорадочно соображал. Для того чтобы изгнать Харию, существует единственное заклинание, именно ради этого и созданное, – Великая Прощальная Песнь Белого Хариоя. Но оно настолько длинное, трудное для запоминания и редко применяемое, что никто не хранит его в памяти. Никто, кроме, пожалуй... Ладно, все равно этого человека здесь нет. Заклинание сейчас недоступно. Что же делать? Положиться на силу амулетов и бежать? Бежать от демона? Да он не сможет и пары шагов сделать, как рухнет мертвым! Даже смешно...

Хариой, которому прочитать мысли смертного было так же легко, как человеку прочитать страницу книги, с готовностью рассмеялся. Но тут же смолк.

– Ты надоел мне, – голосом вовсе не вкрадчивым, а резким проговорил демон. – Какой смертью ты хочешь умереть?

Архимаг собирался было вскричать о том, что он вовсе не собирается умирать, но тут же в его мозг толкнулась спасительная мысль, которую, должно быть, почувствовал Хариой. Хрустальная склянка на его запястье! Склянка, в которой переливается черным пламенем кровь Барадара – Высшего демона, такого же сильного, как и Хариой! Это должно помочь! Конечно, это не изгонит Харию в Темный Мир, но замедлит его настолько, что Икоон сумеет бежать прочь из подземелья!

Демон стал расти. Удивительно, он казался громадным, но все еще находился в рамках стен, потолка и пола, по которым побежали черные волны. Архимаг сорвал с запястья склянку, чувствуя, как уже наливаются смертельным холодом его конечности. Хариой зашипел. Глаза его под сросшимися белесыми бровями ярко сверкнули. Икоон вскинул руку, чтобы разбить склянку о пол, но не мог разжать пальцы. Из носа и рта его хлынула кровь. Амулеты и обереги один за другим с жалобным звоном лопались, ранив тело. Последним взорвался Коготь Зорга, осколком глубоко поранив Икоону подбородок. Архимаг задыхался. В левом его глазу, вероятно, лопнул капилляр – зрение заволочло красным туманом.

Икоон пал на колени.

Но тут что-то стало происходить с Хариоем. Белое свечение, которое он излучал, мутнело и темнело. Невыразимая мука искадила бледное нечеловеческое лицо. Демон зарычал, и с низкого потолка посыпались мелкие камни. Откуда-то – непонятно откуда – зазвучало гортанное низкое пение, и его звуки, точно были материальными, били в Хариоя, заставляя отступать в иное пространство.

Почти потерявший сознание архимаг рухнул ничком. Кулак его с размаху ударился о пол, осколки склянки вонзились в кожу, и на камни заструилась огненно-черная жидкость.

Хариой взмыл, молниеносно окутавшись белым пламенем. Он крупно затрясся, превращаясь в плоский силуэт, который покрылся, словно паутиной, мельчайшими алыми трещинками. И, вспыхнув последний раз ослепительно-белой вспышкой, исчез.

Архимаг Сферы Смерти Икоон не менее ста раз вдохнул и выдохнул, прежде чем полностью пришел в себя. С ног до головы покрытый липкой кровью, ослабевший и опустошенный, в превращенном в лохмотья балахоне, он приподнялся и дрожащими руками высек из пальцев желтую искру, зажегшую над ним один из факелов. Неровный факельный огонь осветил узкий подземный коридор, неподвижное тело Митры, скорчившееся на полу, и большое обугленное пятно на потолке – как раз над тем местом, где Икоон видел демона. Архимаг всхлипнул.

Что это такое было? Неужели у него получилось изгнать Хариоя? Невероятно! Значит, он недооценил мощь своих амулетов... Да, он самолично изгнал Высшего демона. Но какой ценой! Он едва остался жив! А вот Митра...

Икоон с трудом подтянул под себя ноги и сел. Провел рукой по груди, по волосам, по поясу, осмотрел руки... Ни одного амулета не сохранилось – все уничтожены! А ведь многие из этих артефактов были созданы тысячелетия назад магами, чьи имена давно стерлись из человеческой памяти, и многие из них не подлежат восстановлению. И, кстати говоря, замене какими-либо другими. Архимаг стал теперь почти полностью беззащитен...

При мысли о том, что подобное может повториться, Икоон застонал, охваченный ледяным ужасом. Он-то считал себя не уязвимым ни для людей, ни для демонов. Многочисленные артефакты и боевой маг Митра надежно защищали его. Великие боги, в чем же он ошибся?!

Нет, нет, такое не должно случиться снова! Нужно как можно скорее подумать о том, как обезопасить себя! Выучить наизусть десяток сложнейших заклинаний, способных изгнать могущественных Высших демонов, которых ненароком да вызовет какой-нибудь недоумок? Нет, его нетренированный мозг просто не выдержит такой нагрузки. Да и мало ли опасностей, помимо могущественных демонов и самонадеянных новичков? Носить свитки на все случаи жизни всегда с собой? Опять не то...

Внезапно Икоон вскрикнул. Мысль, пришедшая ему в голову, показалась такой простой и удачной, что он даже поразился – как раньше об этом не подумал!

Гаал! Гаал по прозвищу Книжник! Один из лучших магов Сферы Смерти, но такой тихий и незаметный, что про него и не вспомнишь не то что ненароком, но даже когда он зачем-либо понадобится. Гаал Книжник! Это имя уже всплывало в памяти архимага совсем недавно. Ведь он один знает наизусть Великую Прощальную Песнь Белого Хариоя – и еще несколько таких же сложных и мощных заклинаний. В его лысой башке понапихано столько знаний на

все непредвиденные случаи, сколько не в каждой библиотеке найдешь... К тому же он сметлив и продвинулся в области теоретической магии, пожалуй, дальше прочих магов Сферы Смерти. Гаал Книжник! Вот кого надо было делать своим советником, а не этого Митру, который только и способен, что троллей гонять своими Ветрами Смерти и Черными Клинками! Да, Гаал – теоретик. Ну и пусть. Ведь Икоон-то – самый что ни есть практик! Они прекрасно сойдутся... – Гаал Книжник... – тихонько выговорил Икоон и слабо посмеялся.

* * *

Когда архимаг Сферы Смерти, охая и постанывая, уковылял прочь, Константин позволил себе стать видимым. Если бы кто-нибудь сейчас присутствовал в гулком и сыром подземелье, этот «кто-нибудь» увидел бы высокого сухопарого мужчину с вытянутым костистым лицом, на котором выделялся нос, кривой и горбатый. На вид Константину было лет сорок – сорок пять, но голова его была совершенно седая. Он был одет в длинную кожаную куртку и просторные кожаные штаны, заправленные в низкие сапоги на мягкой подошве, позволяющей передвигаться бесшумно.

Константин покрутил головой, разминая затекшую от напряжения шею, и тряхнул пальцами, еще ноющими от выброса энергии, произошедшего тогда, когда он читал Великое Прощальное Слово Белого Хариоя. Вызвать демона не составило особого труда, но довольно нелегко даже для него было сохранять пелену невидимости такой силы, что даже Высший демон не смог его почуять, и одновременно читать сложнейшее заклинание. Но он справился. Пусть этот выскочка Икоон думает, что сам сумел изгнать Хариоя в Темный Мир. Главное – дело удачно завершилось. Теперь старина Гаал станет правой рукой архимага Сферы Смерти, а значит, получит возможность влиять на решения Икоона. Вернее, сам Константин посредством Гаала будет исподволь направлять деятельность Сферы Смерти.

Чувствуя, как от радостных мыслей убегает усталость, Константин несколькими привычными легкими пассажами повесил портал и ступил в его радужную паутину...

...И в то же мгновение вышел в просторную комнату, светлую из-за трех высоких и широких окон, да еще дополнительно освещенную тремя большими масляными светильниками. Уселся в свое кресло и расслабленно вытянул ноги. Голова чуть шумела, но эта комната, находящаяся на самом верху башни, уставленная вдоль стен стеллажами с книгами и свитками, всегда успокаивала Константина. Без малого десять лет провел он в своей башне, никуда надолго не отлучаясь (разве что спускаясь в лабораторию, расположенную в подвале), и почти все это время находился в комнате, которую привык называть Светлой.

Да, десять лет... Годы кропотливого умственного труда: чтения чужих рукописей и написания своих, годы бесконечных опытов в лаборатории, постоянно затянутой клубами разноцветного магического дыма. А до этого были семь лет странствий по королевствам и княжествам, недолгие остановки в шумных городах и местах, где никогда не ступала нога человека.

А началось все в то давнее время, когда Константину исполнилось четырнадцать лет и он получил право выбирать себе жизненный путь. Сын удачливого торговца, он не пошел по стопам отца, а решил положить свою жизнь на изучение магии. За немалые деньги поступив в Сферу Жизни в качестве ученика, Константин, благодаря исключительному таланту, сопряженному с поистине неистовым трудолюбием, скоро добился внушительных успехов. Ему прочили большое будущее – на стезе придворного мага. Но уже тогда юноша смутно чувствовал какую-то недостаточность в системе получения знаний. Словно было еще много чего, что ему стоило знать, но никто не наталкивал его на это.

Подчинясь больше инстинкту, чем разумным внутренним доводам, он оставил обучение в Сфере Жизни и перешел в Сферу Огня. Такой неожиданный финт очень не понравился новым его учителям, посчитавшим юного мага тщеславным верхоглядом. Нагружая его зада-

ниями, преподаватели Сферы Огня попытались сбить с юноши спесь. Но Константин без особого труда за недели постигал то, для чего остальным нужны были годы. И опять неясное чувство того, что он упускает нечто важное, сподвигло его покинуть Сферу Огня ради Сферы Бури. Но тамошние маги и вовсе отказались принять юношу, которому к тому времени исполнилось семнадцать лет.

Три года Константин промыкался в чужом городе, практически без средств к существованию, но не унизился до какого-либо ремесла или до того, чтобы зарабатывать деньги с помощью магических навыков, которые уже имел. Он поступил в услужение к знахарю, лечившему людей тайными травами. Затем променял знахаря на престарелую и полусумасшедшую ведунью, говорившую с духами мертвых гораздо чаще, чем с живыми людьми. Наконец, поняв, что почерпнул от своих хозяев все, что мог, не собрав в дорогу вещей, которых у него, по правде говоря, тогда не было, Константин отправился странствовать.

Эти три года не прошли зря. Теперь он знал, что ищет. Маги Королевского Ордена разделили необъятное пространство магической науки на четыре области – Сферы. И поэтому любой, даже самый сведущий, маг той или иной Сферы не был способен понять картину сущего во всей полноте. Конечно, для такого разделения были видимые логичные причины. Емкость и сила человеческого мозга имела пределы. Один человек не мог одновременно держать в сознании такую чудовищную массу знаний. Но Константин-то мог! А значит, и мог кто-то еще. Это натолкнуло его на мысль, что подобное разделение вовсе не случайно. И, лишенный возможности систематического обучения по всем четырем областям, Константин начал искать пути познания мира самостоятельно.

Нередко в заброшенных землях ему попадались бежавшие от людей отшельники – так же, как и он, постигающие суть всего сущего своими силами. По большей части это были заросшие бородами плешивые старики, с трудом воспринимающие окружающую их действительность, зато чрезвычайно сильные в метафизических плоскостях. Но иногда встречались и другие. Те, кто слишком хорошо знал и понимал, что происходит вокруг. Но не спешил делиться своими знаниями с другими. Собирая по крупицам сведения о мирах, куда смертный может входить лишь как гость, ища знания о мире, в котором он родился и живет, Константин в один прекрасный день будто прозрел.

Пошел пятый год его странствий, когда он окончательно утвердился в мысли, что пространство магического познания разделили на четыре Сферы вовсе не случайно. И совсем не маги Королевского Ордена сделали это. Разделение произошло много веков назад, и вряд ли за него были ответственны люди...

Сделав свое открытие, Константин понял, что не напрасно те, кто узнал это до него, жили, чуждаясь остальных людей и со случайными прохожими стараясь общаться как можно меньше. Знание это оказалось смертельно опасным.

Еще два года скитался Константин, везде находя подтверждения своему неожиданному открытию. А когда целиком и полностью убедился в том, что никак не может ошибаться, решил начать действовать. Правда, по его мнению, для начала каких бы то ни было действий подготовка его была слабовата. Зато, чтобы получить столько золота, сколько ему надобно, магических навыков хватало с лихвой.

Он посетил множество библиотек, обсерваторий и лавок, торгующих магическими товарами, он входил гостем в Башни Сфер, каковые находились в каждом крупном городе, – золото открывало ему двери везде. Он скупил столько свитков и книг, сколько не было, наверное, ни у одного самого могущественного мага. Он выстроил себе башню в безлюдном месте, но не очень далеко от людских поселений, и в подвале башни устроил лабораторию. Здесь он намеревался довести свое магическое искусство Смерти, Бури, Огня и Жизни до уровня, который назначил себе сам.

Константин полагал, что на это уйдет не более пяти лет. Но застрял в своей башне на все десять, так как, постигая, открывал новые и новые горизонты для дальнейшего постижения. Он не боялся, что кто-нибудь ему помешает. Снаружи его башня выглядела низким полуразвалившимся каменным строением, обладающим к тому же дурной славой. Окрестные жители давно привыкли избегать появляться поблизости – жуткие завывания и жалобные стоны отпугивали их. А Константину оставалось только время от времени обновлять заклинания Иллюзии.

На одиннадцатом году Константин все же сказал себе: «Хватит!» Он не намерен увлекаться теорией магии, безнадежно пытаясь достичь абсолютного совершенства. Ему уже тридцать семь лет – года его в расцвете, он полностью здоров, ум его остр, и ненависть его к тем, кто заслуживает этой ненависти, нисколько не притупилась.

Пришла пора встать у истоков изменения своего мира.

Промедлить еще десять – пятнадцать лет значило бы упустить драгоценное время, превратиться в дряхлого старца, которому остается лишь молчать. Как молчали и молчат немногие, знающие истину.

Во-первых, надлежало выйти к людям. И найти контакт с теми, кто держал в руках нити управления большинством. И отыскать среди них единомышленников. А если таковых не окажется, открыть кое-кому, кто этого достоин, правду.

Последнее и оказалось самым сложным. Константин делал ставку на магов, справедливо полагая, что скованная кодексами знать вряд ли примет его мысли.

Четыре года ушло на то, чтобы приставить к архимагам Сфер Бури и Огня верных людей. Константин намеренно выбирал людей, которые настолько честолюбивы и умны, что никогда не будут действовать на первых ролях, стремясь влиять исподволь. Те, кто стремился стать во главе общества, не вызывали у него доверия. Тем более он сам не собирался становиться во главе какой-нибудь из Сфер, и даже – во главе Ордена Королевских Магов. Хотя давно понял, что по могуществу превосходит самого великого мага Гаэлона.

Сегодня Константин устроил старину Гаала советником архимага Сферы Смерти.

Осталось установить контроль за Сферой Жизни, а оттуда уже рукой подать до Ордена Королевских Магов Гаэлона.

Вот когда он будет контролировать Орден, начнется по-настоящему трудная работа. В обозримом мире существовали шесть королевств, примерно равных по могуществу, и в каждом из этих королевств был свой Орден магов.

Но и поставить во главе королевских магических Орденов своих людей являлось только малой частью того, что Константин наметил себе сделать.

Решающие битвы еще впереди. Хотя и того, что он уже успел, – не так мало. Главное, это то, что люди, с которыми он работал, безоговорочно верили ему. Потому что сами давно чувствовали ту смутную недостаточность, недоговоренность и неправильность всего происходящего вокруг них. За годы опасных странствий Константин научился *видеть* людей гораздо глубже архимага Сферы Смерти Икоона.

Константин почувствовал чье-то присутствие рядом со своей башней. Прикрыв глаза, он мгновенно определил, кто стоит у входа, и, ненадолго рассеяв иллюзию, позволил посетителю войти.

Пока тот взбирался в Светлую комнату по длинной винтовой лестнице, маг извлек из окованного медью сундука, постоянно хранившего в себе холод, большую бутылку с вином, взял с полки два бокала. Немного подумал и, улыбнувшись, один бокал убрал.

Дверь отворилась, и в комнату вошел невысокий человек, одетый небогато, но опрятно. Он был очень худ и болезненно бледен. Длинные и редкие черные волосы, заплетенные в две косицы, свисали человеку на грудь. А под горлом на золотой цепи, довольно странно смотревшейся на простой ткани, сиял медальон в виде пылающего солнца, оплетенного древесными ветвями, – знак принадлежности к Сфере Жизни.

- Здравствуй, Гархаллокс, – приветствовал его Константин, наливая вина в бокал.
- Здравствуй, – глухим голосом ответил посетитель, присаживаясь на низкую скамью в углу.
- Неважно выглядишь, – заметил Константин. – Ты добирался от города пешком?
- Да.
- Сегодня же купишь себе лошадь. Я настаиваю. Ты не находишь это нелогичным – твои люди имеют хорошую одежду, хорошую еду, и серебро звенит у них в карманах, а ты выглядишь как... паломник, сбившийся с дороги на пути к своей святыне.
- Неплохое сравнение, – неожиданно улыбнулся Гархаллокс. – Только вот с дороги я не сбивался...
- Верю, – кивнул Константин.
- И не собьюсь, – договорил Гархаллокс. – Ты знаешь, откуда я родом... – Лицо его исказилось, он со свистом втянул воздух сквозь сжатые зубы. – Подле нашей деревни все еще цел тот курган, что вырос на месте оврага, который они до краев наполнили телами убитых *ими* людей... – продолжил Гархаллокс. – Это было сотни лет назад, но память все еще жива!
- Мне жаль, что на землях людей осталось слишком мало мест, где еще жива эта память, – в тон ему отозвался Константин.
- Они помолчали. Затем Гархаллокс откашлялся и через силу улыбнулся.
- Судя по всему, – он кивнул на бокал с вином, – добрейшего Гаала ждет повышение?
- Я на это надеюсь, – ответил Константин и пригубил вино, – если, конечно, напыщенный дурак Икоон, оправившись от пережитого, не вообразит, что это он самолично изгнал в Темный Мир Хариоя и поэтому теперь вообще не нуждается ни в советниках, ни в защитниках. Выпьешь со мной?
- Не вообразит, – серьезно сказал Гархаллокс. – Ты же знаешь, что я не пью. Хотя... меня тоже можно кое с чем поздравить.
- Да неужели? – усмехнулся Константин. – Золото поистине творит чудеса.
- Спасибо тебе за него, – на мгновение склонил голову собеседник. – Да, я удостоен чести состоять в Дарбионской Сфере Жизни старшим хранителем библиотеки. А старший хранитель библиотеки, как ты помнишь, имеет право всякий раз, как ему понадобится, навещать дворцовую библиотеку его величества Ганелона.
- Константин отпил еще вина и снова наполнил бокал. Он помнил.
- И какие же новости обсуждает двор? – спросил он.
- Гархаллокс выпрямился:
- Король Марборна Марлион Бессмертный занедужил после того, как ушел его сын, наследный принц Барлим.
- Этой новости уже несколько месяцев, – заметил Константин.
- Марлиону становится все хуже. Теперь уже речь идет о том, что... протянет он не более полугода.
- А это уже интересно! Насколько я знаю, кроме Барлима, прямых наследников у Марлиона нет. Старики сумели пережить всех своих родственников.
- Почти всех, – уточнил Гархаллокс. – За исключением своего двоюродного брата Ахакса. Константин удивленно вскинул голову и отставил бокал:
- При дворе всерьез полагают, что Ахакс займет престол? Ему же более восьмидесяти лет! И возможно, ему осталось еще меньше, чем Марлиону.
- Он женат на герцогине Альварийской...
- Я знаю.
- ...дядя которой приходится двоюродным дедом его величеству Ганелону. Родство, конечно, не прямое, но все-таки...

– А этого я не знал, – нахмурился Константин. – Что же получается?.. Дай-ка угадаю: Дарбион приложит все усилия, чтобы утвердить дряхлого маразматического старца на престоле Марборна, а после кончины нового короля, которой, я думаю, ждать совсем недолго, престол займет прямой родственник герцогини Альварийской.

– Ганелон потирает руки, – подтвердил Гархаллокс. – Династия, которой он принадлежит, будет править в Марборне.

– А это, – вздохнул Константин, – начало Империи. – Да.

– Этого не должно случиться, – качнул головой Константин. – Сейчас – слишком рано. Не надо давать им повода. Возможно, министры королевского двора Марборна очень постараются приблизить смерть бедного Ахакса, и, возможно, *им* это удастся...

– Его величество уже выслал большой отряд в замок Ахакса, – проговорил Гархаллокс, – так сказать, с родственным визитом. Надо думать, этот отряд будет сопровождать Ахакса и к месту коронации.

– А если у министров не получится убрать Ахакса, коронация все же состоится. И кто знает, что из этого выйдет. Уверен лишь в одном – *они* точно не оставят это событие без внимания. Быть может, *они* будут действовать как обычно. Но и его величество Ганелон сдавать свои позиции не намерен.

– Он настроен серьезно, – кивнул Гархаллокс. – Он так просто не отступит.

– И значит, велика опасность, что *они* вновь будут проливать кровь. Мы не должны этого допустить. В отряде, ушедшем в Марборн, есть наши люди?

– Гаварн и Лючит – мечники. И Свами – капитан алебардистов.

– Мне незнакомы эти имена.

– Эти люди с нами совсем недавно. Они мои земляки, и я ручаюсь за них.

Константин вздохнул. Хотя они не были друзьями, он верил Гархаллоксу, как самому себе, но и твердо знал: чем больше людей посвящены в тайну, тем больше вероятность того, что тайна будет раскрыта. С другой стороны, для дела, которое он начал, понадобится не один десяток верных соратников.

Но не сейчас.

– Осторожнее, – сказал маг, глядя в глаза Гархаллоксу. – Пока не время открывать людям глаза. Сколько с тобой? Сколько знают то, что знаем мы?

– Двенадцать человек вместе со мной. – Гархаллокс плотно сжал бледные губы. – Но – *знают* куда больше.

– Более ни одного не посвящать в нашу тайну! – твердо проговорил Константин. Он хотел сказать «мою тайну», но вовремя спохватился. Это была уже не только его тайна. И не только его дело.

– Пусть знают! – почти выкрикнул Гархаллокс. – Люди должны знать! Ты сам недавно жалел, что на землях людей осталось слишком мало мест, где люди *помнят* и *знают*. Твои глаза открылись, почему теперь ты хочешь держать остальных слепцами?!

– Потому что слишком рано, – ответил Константин. Он поднялся и сверху вниз посмотрел на маленького и худого Гархаллокса. Тот не отвел глаза. – Если *они* поймут, что мир начал меняться, *они* снова придут к нам, – возвысил голос маг. – Не смей совершать действия без моей воли и моего разрешения! Ты понял меня?

Гархаллокс молчал. Они оба молчали, глядя в глаза друг другу. Гархаллокс первым перевел взгляд в окно.

– Прости, – сказал он. – Я принял твои слова. Константину не требовалось прибегать к магии, чтобы услышать искренность в его речи. Он снова сел. И продолжал уже спокойнее:

– Ты слишком торопишься. Я иду другой дорогой – она длиннее, но и безопаснее. А тот путь, который избрал ты, обрывается пропастью, в которую обрушатся многие жизни. И – что самое важное – ты погубишь все дело. Наше общее дело! Дело, общее для всех людей. Пусть

твои люди из отряда, посланного в Марборн, ничего не предпринимают. Найди тех, кто убивает за деньги, и пошли их. Часто золото служит лучше верного меча. Пусть наемники не видят твоего лица и не знают твоего имени. Ахакс должен умереть до того, как взойдет на престол.

– Я сделаю так, – ответил Гархаллокс.

Константин налил себе еще вина.

– У тебя что-то еще? – спросил он.

Гархаллокс замялся.

– Я все еще пытаюсь, – начал он, – отыскать Цитадель Надежды.

– И как успехи? – поинтересовался Константин.

– Легенда ничего не говорит о том, в каком месте она находится. Ясно лишь, что на территории нашего королевства. Я подумал... не мог бы ты...

– Не мог бы! – отрезал маг. – Я не собираюсь тратить время и силы на то, что этого не стоит. Цитадель – миф! Ее не существует и никогда не существовало. Это просто красивая метафора... человеческой силы.

– Да, но если она все-таки есть? – негромко проговорил Гархаллокс. – Это место может обладать такой магией, которая решит все дело!

– Это миф, – твердо повторил Константин. – И я знаю, кто его выдумал. И даже знаю – зачем. Неужели не понятно, что *они* просто хотят запутать нас? Запутать тех, кто познал истину?

– При всем уважении, – помолчав, сказал Гархаллокс и поднялся, – хочу заметить, что ты нередко закрываешь глаза на то, на что ни в коем случае не следует.

– Ты имеешь право на свое мнение. Главное, чтобы это не мешало общему делу. Возьми золота, сколько нужно, и уходи. Мне необходимо подумать. И еще одно. Прежде чем ты уйдешь... Постарайся проявить себя на новой должности. Но не слишком выделяйся. В советники архимагов выбирают тех, кто знает и умеет больше других. И всегда готов услужить тем, кто стоит выше. Впрочем, я уверен, что ты это знаешь.

– Знаю, – согласился Гархаллокс.

– Хотя постой... – Константин поднялся, пожевал губами. – Такой путь к должности советника архимага потребует много времени, которого у нас нет. Нужен способ достичь цели быстрее. Я уже думал об этом. Вот что... Не хочешь ли ты спасти жизнь его величеству?

– Я готов служить его величеству до последней капли крови, – ответил Гархаллокс, и было непонятно: говорит он искренне или лукавит.

– Вот и отлично! Пусть к тебе в твоей новой должности привыкнут при дворе. А через... скажем, год... тебе представится случай послужить королевству и его повелителю.

* * *

Как хоронили матушку, Кай не помнил, потому что проспал двое суток кряду. На третий день он, не отряхнув ног и одежды, вошел в хижину, поел то, что поставила перед ним Бабаня, и снова вернулся в козлятник.

Проспав до утра четвертого дня, Кай снова вышел во двор. Целый день он бездельно слонялся по двору, заходил в хижину. Им овладела болезненная апатия, подобная той, что мучила первое время, после того как они с матушкой приехали в Лысые Холмы. Кай будто ослеп и оглох; вернее, все, что он слышал и видел, не доходило до его сознания. Бабаня и Лар его не трогали. Они посматривали в его сторону с каким-то суеверным страхом, словно считали, что смерть никуда не ушла из их дома, словно думали, что она до поры до времени затаилась в этом безмолвном маленьком человеке. На пятый день с самого утра Бабаня ушла куда-то и вернулась уже ближе к вечеру – не одна.

Вслед за ней во двор на вороном жеребце въехал Жирный Карл в неизменной своей шляпе с красными петушиными перьями, а за Карлом плелся, втянув голову в плечи, долговязый парень в добротных штанах, белой рубаше и новой, лоснящейся в лучах закатного солнца кожаной безрукавке. Черты лица парня были мелкие и какие-то невыразительные, будто нарисованные тонким угольком, но нижняя губа, толстая и мокрая, капризно оттопыривалась точно так же, как и у Карла.

Кай в это время сидел на земле возле козлятника. Без интереса скользнув взглядом по пришедшим, он опустил голову и не видел, как Жирный Карл, грузно спрыгнув с коня, ощупал его глазами с головы до ног, а парень, поджав губу, вдруг зыркнул на мальчишку быстро и злобно, точно ожег плетью.

Бабаня, Карл и парень вошли в хижину. Через минуту во двор выглянул старик Лар, кашлянул и, раскрыв мохнатый рот, буркнул:

– Слышь-ка... Эй! Поди сюда, – и снова скрылся. Кай вошел в хижину. Жирный Карл сидел на табурете боком к столу, положив на грязную столешницу тяжелый локоть и вытянув ноги на середину хижины. Парень, брезгливо пригнувшись, сидел на скамье, той самой, где матушка проговорила свои последние слова. Бабаня и Лар почтительно стояли у стены, напротив хозяина «Золотой кобылы».

– За худое дело боги взыщут, раз людской суд не покарал, – размеренно говорил старикам Карл в тот момент, когда Кай переступил порог хижины. – А человечья участь – грехи свои искупать, как могут. Вот и... – Заметив Кая, Жирный Карл прервался. – А ну-ка, – поднял он руку, – подойди сюда.

Кай шагнул к Карлу. Тот крепкими, будто железными, пальцами ощупал его плечи и руки. Хмыкнул в рыжие усы и удивленно пошевелил жидкими красноватыми бровями.

– Хорош, – сказал он, жестом отпуская мальчика. – Жить будешь у меня на кухне, там тепло. Жрать дам вдоволь, но и работать надо будет с утра и до вечера, без баловства всякого. Из баловства вырасти уж пора. А если что... – он предъявил здоровенный волосатый кулак, – во! Я этого деру, – Карл мотнул головой в сторону парня на скамье, – и из тебя дурь выбью. От воровства тебя избави боги – за воровство наказываю особо. – Карл пожевал сочными губами и продолжил: – Главное на тебе будет: лошади и конюшня. С лошадьми управляться умеешь? Ну не умеешь, так приноровишься, наука нехитрая. Еще – подать-принести, во дворе снег чистить, пыль мести, ворота закрыть-открыть... Ну дел полно. – Хозяин «Золотой кобылы» перевел взгляд на Бабаню. – Одежонка у него какая-никакая есть?

– Какая одежонка! – всплеснула руками старуха. – Голь перекатная! Что было, давно пропили-проели.

– Ну значит, и нечего рассусоливать, – хлопнул Карл по столу ладонью и поднялся. – Сэм! – окликнул он парня. – Поди с пацаном во двор. Подождите меня там.

– Оно так, – неожиданно прогудел старый Лар. – Может, и человеком станешь. Главное – трудиться, рук не покладая, да старших почитать. Тогда боги милостью одарят.

Наверное, если бы Кая повели не в харчевню «Золотая кобыла», а в самый темный омут Лиски, он бы и тогда не стал сопротивляться. Ему было совершенно все равно: куда идти и что делать. Только на пороге он замялся, точно его что-то остановило. Он оглянулся, чтобы последний раз окинуть взглядом затхлые внутренности темной хижины, где они с матушкой провели больше года, и увидел, как Жирный Карл, достав из-за пазухи большой кожаный кошель, по одной выкладывает на стол большие серебряные монеты, а Бабаня цепкими глазками следит за движениями его руки. Но потом парень, которого звали Сэм, подтолкнул его в спину.

* * *

На большой проезжей дороге, примерно в получасе ходьбы от деревни, высится добротный двухэтажный домина с конюшней, сараями и крытым двором – харчевня «Золотая кобыла». Хозяин «Кобылы» – Жирный Карл, а до него владел харчевней отец Карла, Георг. А до Георга – его отец, дедушка Карла – Дек.

У самого Жирного Карла было три сына. Двое старших, достигнув зрелого возраста, покинули родительский дом, умудрившись открыть в Мари кое-какую торговлишку. А младший, Сэм, хоть и минуло уже полных восемнадцать лет с тех пор, как он покинул чрево своей мамы, все подвизался при «Золотой кобыле», не имея ни малейшего желания учиться какому-либо ремеслу или – по примеру старших братьев и отца – начинать свое торговое дело. Помощи в управлении харчевней от него тоже было маловато. Все, на что был способен Сэм, – это следить за прислугой (особенно за женской ее частью) да угождать знатым и богатым посетителям, которых время от времени заносило на Лысые Холмы. Всего две вещи на этом свете интересовали Сэма: бабенки, сдобные и сухопарые, вдовы и замужние – всякие да монетки медные и серебряные – золотых ему видеть пока не приходилось. Жирный Карл изредка колодил нерадивого отпрыска, пытаясь вбить в его нескладную башку хоть какое-то понятие об ответственности, но особо не усердствовал, потому что имелся у Сэма могущественный защитник, против которого не то что Карл, но и сам деревенский староста господин Марла не осмелился бы выступить. Имя этого защитника было: Марла.

Марла с юности отличалась тяжелым характером, массивным телосложением, зычным голосом и непреодолимой тягой к разрешению конфликтов посредством рукоприкладства. Именно за эти качества Жирный Карл и выбрал ее в жены (понятие «полюбил» в данном случае все-таки было бы неуместным). Марла трудилась посудомойкой в харчевне отца Карла.

Когда старый Георг дал дуба, харчевня досталась его единственному сыну. Юный, но уже очень даже упитанный Карл с первого дня обладания наследством произвел в таверне коренные изменения. А именно: выгнал двух старух-разносчиц, которые, по его мнению, только и занимались тем, что судачили между собой, игнорируя требования клиентов подать очередное блюдо или кувшин с пивом, и рассчитал вышибалу, глухого Ганна. На эти две освободившиеся вакансии он воздвиг Марлу, беременную тогда его первым сыном.

И, надо сказать, Марла доверие Карла оправдала в полной мере. Ревущей медведицей носилась она меж столиками, запрашивая заказ с такой угрозой в хриплом голосе, что посетитель со страху частенько заказывал гораздо больше, чем мог съесть или выпить, да к тому же оставлял неплохие чаевые. Помимо всего прочего, драки, возникавшие в таверне, разрешала тоже Марла – с видимым удовольствием и даже не пользуясь дубинкой, оставшейся ей после глухого Ганна.

Дела «Золотой кобылы» пошли в гору, и Жирный Карл оглянуться не успел, как Марла взяла власть в харчевне в свои руки так деловито и неожиданно, что новоиспеченный супруг даже растерялся. Если бы не третьи роды, в результате которых на свет появился Сэм, вполне возможно, сам Карл плавно переместился бы с места владельца таверны куда-нибудь в посудомойки.

Долговязый увалень Сэм, покидая обширную утробу своей мамы, очевидно, по причине врожденной злобредности, что-то такое испортил напоследок в ее организме, и у Марлы отнялись ноги. Не сразу, первое время она еще ходила, опираясь на здоровенную суковатую палку, а потом и вовсе слегла. Последние годы она не появлялась за пределами своей комнаты на втором этаже харчевни.

Комната была огромной, немногим меньше залы для трапезы. В центре нее стояло огромное кресло, в котором полулежала чудовищно разбухшая за время вынужденной неподвижно-

сти Марла, а вокруг кресла давно образовалась опасная зона диаметром в три шага – именно такой длины была та самая суковатая палка Марлы. Лишь два человека на всем свете могли безнаказанно появляться в опасной зоне: глупая служанка Лыбка, ухаживавшая за хозяйкой, и любимый сынок Сэм.

Пусть Жирный Карл сколько угодно ворчит и злится, Сэма мамаша Марла не отпустила бы от себя ни за что. Сэм заменил ей весь внешний мир. Каждый вечер по часу, а то и больше, он просиживал у распухших мамашиных ног и вещал о том, что происходит в харчевне, в деревне и ближайших окрестностях. Этими-то новостями, неизменно окрашенными в ядовитый сок сэмовских мыслей, и питалась Марла. Без этого она не могла обойтись. И если сынок находил нужным пожаловаться мамаше на кого-нибудь, этот «кто-нибудь» – хоть сам Жирный Карл! – призывался в берлогу Марлы и получал громоподобную нецензурную отповедь. А то и удар палкой, если неосторожно ступал в опасную зону...

Нынче в таверне Карла управлялись три служанки: Сали, Шарли и Лыбка. Шарли, грубая, худосочная и уже немолодая брюнетка с вечно горящими, точно у чахоточной, глазами, казалось, ненавидела весь свет. Двигалась она порывисто, подавая кушанья, стучала миской о стол так, что та аж подпрыгивала. Когда Шарли перестилала постель, простыни в ее руках трещали, словно готовые разорваться. Впрочем, прислуживала она редко, только если в таверне было столько народу, что другие слуги не справлялись. Карл держал ее лишь потому, что стряпать лучше Шарли не умела ни одна женщина в деревне.

Лыбка была пухлой полуидиоткой с неизменной глупой улыбкой на прыщавом лице. Проезжие гости, те, что бывали в харчевне Карла не один раз, прекрасно знали, кого позвать наверх погреть постель для холодной ночи. Лыбка являлась, волоча завернутый в тряпки горячий булыжник из камина, которым в общем-то и полагалось греть постель, а возвращалась только утром с тем же булыжником, всю ночь остывавшим в углу комнаты или под кроватью. Карл против такого положения вещей нисколько не возражал, должно быть, потому, что Лыбкины услуги гостями оплачивались отдельно. Сама Лыбка тоже ничего не имела против дополнительных обязанностей, так как поваляться в постели с каким-нибудь случайным торговцем пару часов для нее было несомненно приятней, чем всю ночь носиться с подносами и кувшинами. К тому же других шансов потешить женское естество у нее почти что и не было. Даже Сэм ею брезговал, пользуясь лишь тогда, когда не удавалось подцепить кого-то еще.

А вот Сали сыну Жирного Карла не давала покоя с первой минуты, как поступила в услужение в «Золотую кобылу». Честно говоря, и сам Карл попытался как-то прижать пышногрудую служанку в уголке, но был застукан Лыбкой, предательски подманен к постели собственной, парализованной в нижней части туловища супруги и жестоко проучен железной сковородкой для жаренья крупной рыбы – ноги у Марлы не двигались, зато руки работали отлично. Несколькими днями позже за горячее желание познакомиться с новой служанкой поближе заплатился и Сэм. Только не от мамы ему досталось. К Сэму зашел поговорить верзила Кранк, молодой еще, большой и сильный мужчина, знаменитый на все окрестные деревни кулачный боец и, по совместительству, муж Сали.

Жирный Карл, принимая Кая, не солгал. Работы действительно хватало. Все время, не занятое уходом за лошадьми и конюшней, выполнением обязанностей привратника и дворника, уходило на то, что хозяин «Золотой кобылы» именовал «подать-принести». Кай таскал воду, носил дрова, которые колол во дворе на здоровенной мшистой плахе глухонемой старикан Джек, прислуживавший в харчевне еще при дедушке Карла. Топил печи, бегал по комнатам с полотенцами и бельем, чистил рыбу, мыл овощи, дегтярил постояльцам сапоги и проветривал платье, ощипывал птицу... Поручения сыпались на мальчишку, как горох из худого мешка. Пожалуй, только старик Джек не сваливал на него свои обязанности, да и то потому, что от рождения не мог говорить. Хотя и в том, что кормить будут от пуза, Карл тоже не солгал. В «Золотой кобыле» ели из одного котла и хозяева, и прислуга, и гости; если, конечно, эти

гости были – проезжие торговцы, кучеры или иная обслуга, странствующие ремесленники или жрецы. Для знатных посетителей готовили особо.

В каждодневных заботах время бежало быстро, как ручей. Лысые Холмы перестали существовать для Кая, и о тренировках пришлось забыть. Мальчик редко появлялся в деревне, а если и появлялся, забежать к кузнецу Танку никак не успевал.

Впрочем, таким положением вещей Кай был даже доволен. Прочная паутина хлопот крепко держала его в суе жизни, не пуская в беспросветную глубину мрачных мыслей о матушке и безвозвратно ушедшем прошлом. И хотя обитатели харчевни относились к мальчику куда лучше деревенских, здесь, в «Золотой кобыле», детство одиннадцатилетнего Кая закончилось.

Но далекая Северная Крепость продолжала являться ему во снах. Мальчик был абсолютно уверен, что рано или поздно достигнет ее суровых и прекрасных стен. Оставалось только ждать. И он ждал.

Прислуга «Золотой кобылы» и сам Жирный Карл быстро привыкли к исполнительному и молчаливому мальчишке. Дальше озвучивания приказаний общение не шло, но и за случайные огрехи в работе Кая не драли. Служанки ограничивались словесной выволочкой, невольно уважая в мальчике безотказного и старательного работника, появление которого значительно облегчило им существование в харчевне, и Жирному Карлу на него никогда не жаловались; да и жаловаться-то было особо не на что. Не было врагов у Кая в «Золотой кобыле», кроме, пожалуй, одного.

Отчего-то Сэм невзлюбил мальчика и всегда искал повод придрататься к его работе. Находил – отвешивал тяжелый подзатыльник. Впрочем, когда не находил – тоже отвешивал.

Первый раз Кай столкнулся с Сэмом на второй день своего пребывания в «Золотой кобыле». Мальчику было приказано вычистить конюшню и вымести двор. Все время, пока он работал, Сэм разгуливал по двору с видом хозяина, ревностно inspectирующего свои владения. Едва Кай, закончив в конюшне, появился с метлой в руках во дворе, Сэм нырнул в конюшню. И сразу вынырнул, сморщив нос. Кай, предчувствуя недоброе, двор вымет тщательно – даже, кряхтя от натуги, повалил плаху для рубки дров и убрал из-под нее многолетнюю труху. Потом, сопровождаемый жгучим взглядом Сэма, вернулся на кухню, где прислуга уже заканчивала завтрак. Но не успел мальчик ополовинить миску кукурузной каши, на кухню с перекошенным от злости лицом влетел Сэм.

– Жрешь?! – заорал он, смахивая на пол миску из-под рук Кая. – Сначала дело сделай, потом жрать садись! Ты чего, брюхо набивать сюда пришел, а? Брюхо набивать, я спрашиваю?!

– Так я же... – изумленно начал Кай, но Сэм не дал ему говорить. На глазах у всех он за ухо выволок мальчика во двор, где швырнул лицом в свежую кучку «конских яблок».

Служанки, выкатившиеся на крыльцо, зашушукались. А торговец, только что въехавший во двор и теперь распрягавший нагруженного тюками с поклажей толстого рыжего мерина, весело заржал.

Так и повелось с тех пор. Если Сэм не шлялся по деревне и окрестностям, навещая вдовушек, которые принимали его, когда ему удавалось раздобыть монетку-другую, или не подсматривал за бабами, полощущими в ручье белье (что тоже было одним из его излюбленных занятий), Каю приходилось держать ухо востро. Но все равно не было ни одного случая, чтобы Сэм не нашел, к чему придрататься. И каждая медяшка, достававшаяся мальчику от расщедрившегося посетителя, по установленному с первого дня порядку шла в карман Сэму. Кроме Кая сын хозяина харчевни грабил только старого Джека да иногда – глупую Лыбку.

Кай никак не мог понять причин странной ненависти Сэма. Был бы Сэм сопливым пацаном, как те, деревенские, он бы видел в таком к себе отношении привычное неприятие чужака. Но Сэм не был пацаном, которому можно дать сдачи, он был взрослым мужчиной – на его

подбородке уже вилась редкая, совсем прозрачная борода. Мужики и бабы из Лысых Холмов никогда не шпыняли Кая, они даже редко замечали его. Но Сэм...

Впрочем, время шло, и к зловердному сыну Жирного Карла Кай тоже привык. Получая очередную взбучку, он вставал, отряхивался и шел дальше – выполнять бесконечные поручения. И вот то, что мальчик никогда не плакал, никогда никому не жаловался, воспринимая приставания парня как нечто хоть и неприятное, но естественное, вроде снега или дождя, кажется, бесило Сэма больше всего. Когда долговязый переросток лютовал больше обычного, Кай просто старался пореже встречаться с ним и постепенно усвоил привычку: выходя из кухни, из конюшни или откуда-то еще, принимаясь за какую-либо работу, сначала оглядеться и уяснить – не попадется ли ему по дороге паскудный сын хозяина. Так некоторые, высовывая руку в окно, определяют, какая на дворе погода.

Миновало лето, отстучала дождями по черепичной крыше «Кобылы» скоротечная осень, пришла зима. Зимой работы стало поменьше – люди-то предпочитают путешествовать в теплое время, когда каждый кустик ночевать пускает, а зимой... А ну как ночь застанет в промерзшем лесу или посреди заснеженного поля? Заснешь в одном мире, а проснешься – в другом.

Основным занятием Кая от осени до весны стала заготовка дров. Отапливать такую громадину, как двухэтажная харчевня, было непросто. Сначала он на худой кобылке Игорке ездил в лес с глухонемым Джеком, а ближе к весне окреп настолько, что его отпускали одного. Каю пошел тринадцатый год.

А когда стаял снег, когда солнце разбудило землю, Кай вдруг ненадолго очнулся. Будто треснула, словно панцирь льда на реке, невидимая раковина, закрывавшая его от внешнего мира.

«Еще один год, – сказал он себе. – Еще один год, и кончится эта дрянная жизнь. Начнется новая. Начнется долгий путь к Северной Крепости...»

С наступлением тепла Жирный Карл все так же отпускал Кая в лес. Уже не только за дровами. Лок – охотник, обычно доставлявший Карлу дичь, – что-то давно не появлялся в «Золотой кобыле». Может, задрал его в зимнем лесу оголодавший зверь, а может, сам Лок подался в другие края в поисках лучшей доли. Кай освоил нехитрую науку ловли птиц при помощи силков и теперь большую часть времени проводил в лесу. Надо ли говорить, что такое положение вещей ему очень нравилось. И не только ему – Карл тоже был доволен. Почти каждый день пропадая в лесу, дичи Кай приносил немало, и она доставалась хозяину «Золотой кобылы» совершенно бесплатно.

А в середине лета неожиданно объявился Лок. Охотник пришел не один.

* * *

Кай рубил дрова во дворе – он все чаще и чаще делал это вместо дряхлого Джека. А Сэм сидел на крыльце, с угрюмой задумчивостью ковыряя брезгливую нижнюю губу. Вдруг Сэм насторожился. А через несколько мгновений и Кай опустил топор, услышав дробный перестук конских копыт.

К «Золотой кобыле» приближался небольшой отряд всадников. Такое количество гостей было необычным для захолустной харчевни и, следовательно, сулило немалый барыш. Сэм шмыгнул к воротам, глянул в щель, охнул и опрометью кинулся в харчевню, откуда уже через минуту показался сам Карл в накинутой на плечи чистой белой рубахе, вытирая волосатые здоровенные ручки передником.

– Чего стоишь?! – зашипел Сэм на Кая. – Отпирай!

Мальчик, бросив топор, кинулся к воротам, куда уже требовательно колотили в несколько кулаков. С трудом отбросил большой засов и поволок в сторону одну из створок ворот. За вторую створку взялся Сэм, которого отправил ему на помощь Жирный Карл.

Когда кони приезжих вступили во двор таверны, Сэм не смог удержаться от негромкого восклицания:

– Великие боги!..

А у Кая так и вообще не нашлось слов.

Первым въехал всадник на рослом скакуне, покрытом длинной попоной. Гордо вскинутая голова всадника увенчивалась остроугольным шлемом, спину покрывал желтый плащ с вышитой оскаленной львиной мордой. Щит с таким же гербом был приторочен к седлу. По обе стороны пояса воина висели в золоченых ножнах короткие мечи, а на груди сверкала походная кираса, плечи которой украшали пучки красно-желтых прядей, должно быть срезанных с гривы самого настоящего льва.

«Вот это рыцарь!.. – пролетела в голове Кая восхищенная мысль. – Наверное, не меньше чем граф. Да какой там граф! Барон! А то и – герцог. А может быть...»

Однако всадник, въехавший следом, оказался еще ослепительней первого. Был он облачен в сияющий боевой доспех, нисколько не запыленный. Плащ с гербом ниспадал с его плеч на конский круп. Длинный меч в узорчатых ножнах был приторочен поперек седла, массивная рукоять с навершием в виде зубастой башки виверны сияла на солнце, а шлем рыцаря являл собой нечто совсем невообразимое: будто отрубленную львиную голову облили толстым слоем самого настоящего золота и сильным колдовством придали невиданную прочность. Грубое бородатое лицо надменно смотрело прямо перед собой меж разверстых зубастых львиных челюстей.

«Если этот, который первый, герцог, значит, второй – не кто иной, как король!» – обалдело подумал Кай.

Следом вошла лошадь, убранная, пожалуй, красивее предыдущей. А на ней – у Кая от восторга аж защипало в глазах – сидел мальчик тех же лет, что и он. И на нем были самые настоящие доспехи, и на поясе висел в ножнах, оплетенных самыми настоящими золотыми нитями, самый настоящий меч, выкованный точно под рост мальчика. Шлема на его голове не было, и белокурые волосы, стриженные над бровями и ушами, сзади лежали длинными косицами. Не глядя по сторонам, мальчик твердо держал в руке поводья; челюсть его чуть подрагивала от напряжения, потому что он старательно выпячивал ее, очевидно, подражая бородатому рыцарю. Так не по-здешнему великолепно выглядел этот паренек, что Кай даже не почувствовал зависти. Разве можно завидовать сиянию полуденного солнца? Оно такое, какое есть, заливают живительным светом ничтожную землю, населенную людьми, которым никогда не суждено до него дотянуться. Даже Сэм разинул рот, глядя на юного всадника.

Во двор въехали еще двое. Были они вооружены и одеты попроще, и кони их к тому же были отягощены мешками с поклажей, а на каждом мешке красовался все тот же львиный герб. Позади последнего всадника криво сидел охотник Лок – обросший седой бородой и непривычно исхудавший.

– Вот, добрые господа, – проскрипел охотник, с трудом сползая с лошадиного крупа. – Как и обещал: лучшая харчевня в здешних местах.

Жирный Карл отшвырнул передник на руки подбежавшей Лыбке и кинулся к первому всаднику. «Дурак, – беззвучно подосадовал Кай. – Неужели не видит, кто здесь главный?»

Но хозяин «Золотой кобылы», как выяснилось, в субординации разбирался прекрасно.

– Чего изволит ваш господин? – голосом сладким, каким никогда прежде не говорил, осведомился он у всадника.

– Выпить, – хрипло ответил всадник. – И пожрать. Мы едем в Крепость, хозяин. Знай, кого принимаешь в своей конуре!

Жирный Карл раскрыл рот.

«В Крепость? – механически отметил Кай. – Неужели?...»

– Приготовить постели? – с надеждой спросил Карл. – С большой дороги не худо бы передохнуть. Роскоши здесь вы не найдете, но все, чем я обладаю, безоговорочно в ваших услугах. Приготовить постели? Путь до Крепости длинный...

Сэм тем временем, уловив почти незаметный знак отца, бросился закрывать ворота, за какое-то преждевременное действие получил щелчок латной перчаткой от воина, въехавшего во двор последним.

Первый всадник оглянулся на второго.

– Успеет до города, – прогудел из-под своего диковинного шлема рыцарь. – Не ночевать же в этом гадюшнике. К тому же... – Он скользнул взглядом по глупо улыбающейся Лыбке. – Чую я, мне здесь будет скучновато. Выпить и пожарить! Мы ненадолго.

– Все понял, – активно закивал Карл, отчего его жирная шея залоснилась шевелящимися складками. – Все будет в лучшем виде! Желаете гномьих лакомств? Мне на днях завезли свежайших...

– Кошек?! – громыхнул первый воин, и вся кавалькада, за исключением мальчика, с готовностью заржала.

Жирный Карл шлепнул себя ладонями по груди и зашелся в безудержном хохоте.

– Добрые господа! – вытирая несуществующие слезы, проговорил он наконец. – Веселые господа! Нет, я имел в виду вовсе не кошек. Каменные грибы, которые даже липового меда слаще. Сам горный народец ценит их на вес золота! В нашей глухомани никто не способен оценить по достоинству этот деликатес, но я всегда держу дюжину про запас на тот случай, если меня вдруг посетят такие важные господа...

– А вино? – спросил первый воин, – Какое пойло у вас считается самым лучшим?

– Лучшее вино! – столь угодливо, сколь и уклончиво ответил Карл. – Для вас – все самое лучшее.

– Час, – определил рыцарь в лвином шлеме. – Не больше.

Он сделал движение, будто собирался спрыгнуть с коня, но, конечно, не спрыгнул. Вместо него спешил первый воин. Умело и почтительно он принял закованную ногу господина в свои ладони, помог ему сойти на землю, умудрившись невесть откуда взявшейся тряпчочкой наскоро протереть случайно запылившиеся участки доспеха. Мальчик в сверкающих доспехах дождался, пока и ему помогут спешиться. Потом все трое, ведомые пятившимся Карлом, направились в таверну.

Пара оставшихся рыцарей спешивалась долго и основательно. Спрыгнув с коней, они первым делом освободили животных от тяжелых тюков, в которых что-то металлически звякало. Потом один из них поискал глазами среди державшихся по почтительному расстоянию слуг, и вперед неуклюже выпрыгнул Сэм.

– Позвольте, господин, – заговорил сын Жирного Карла тоже каким-то новым голосом, которого Кай у него никогда не слышал. – Я накормлю и напою коней. Протру сбрую и...

– Не вздумай расседлывать, – предупредил воин, опуская руку в кошель, притороченный к поясу.

Пока он рылся там, его товарищ быстро и деловито собрал с седел четырех коней притороченное оружие, не забыв щиты и седельные сумки, и, сгибаясь под этим добром, направился ко входу в харчевню. Сунувшихся ему помочь он молча награбил пинком.

– На-ка... – Воин швырнул Сэму монетку. – Если все будет хорошо, получишь еще столько же. Понял?

Сэм поймал монетку, как чайка неосторожно блеснувшую рыбешку, сложил руки на груди и истово посмотрел на своего благодетеля, словно пытаясь сказать, что скорее даст отрезать себе оба уха, чем допустит хотя бы одно незначительное упущение со своей стороны.

Когда все четверо скрылись в дверях харчевни, Сэм шумно выдохнул и раззявил рот до ушей с видом человека, только что удачно завершившего сложнейшее задание. Потом торопливо раскрыл ладонь. Шарли и Сали поспешили к нему.

– Серебро! – донесся до Кая удивленный шепот одной из служанок. – Настоящее королевское серебро!

– Тише ты! – цыкнул на нее Сэм и обернулся к Каю. – А ты что стоишь? Оглох? Сказано: накормить, напоить, бока протереть. Под седлами посмотри, чтоб того... И вообще... смотри у меня! Быстро! Пошел!

Кай и пошел. Он все еще находился под впечатлением сияющей кавалькады. Если б ему сказали пойти и прыгнуть в пропасть, он бы и это выполнил, потому что мысли его были заняты сейчас совершенно другим. Великие боги, да что там пропасть! Он бы с радостью дал отсечь себе правую руку только за то, чтобы получить возможность хотя бы заговорить с юным всадником. А уж каким-то неведомым чудом оказаться на его месте... Об этом Кай даже думать не смел.

Взяв под уздцы первых двух коней, он направился к колодцу, рядом с которым была вкопана в землю длинная поилка. Сэм, прогнав служанок обратно в харчевню, прилип физиономией к окну.

Кай по очереди отвел коней к поилке. В ожидании, пока усталые животные напьются, он остановился посреди двора.

О какой Крепости говорил Жирный Карл? Неужто о Крепости Порога? Эти рыцари едут в Крепость? И парень, одних лет с ним, с Каем, – тоже?.. Он небось сын этого рыцаря. Они небось будут рука об руку сражаться с чудовищами, а потом сидеть рядом за одним столом, где безмолвные слуги наливают душистое вино в золоченые кубки. А может быть...

Неожиданная мысль о том, чтобы прямо вот сейчас попытаться увязаться за рыцарями к Порогу, заставила руки Кая задрожать. Полубезумным взглядом он обвел двор. И увидел Лока.

Лок! Он явился вместе с рыцарями! Уж он-то точно должен знать!

Некоторое время мальчик, чьи руки продолжали сноровисто обихаживать лошадей, глядел на седые волосы охотника, гладко собранные на затылке в маленький пучок, легкую и спутанную, будто пакля, серую бороду, наполовину закрывавшую исхудалое лицо, и пошитый из медвежьей шкуры костюм, который покрывали листики и веточки всех мастей так густо, что можно было подумать, будто Лок полдня провалялся в лесу, а теперь приехал к таверне «Золотая кобыла», не удосужившись отряхнуться. Впрочем, Лок всегда выглядел именно так. Говорят, какая-то лесная ведьма в обмен на неведомую услугу наложила заклятие на одежду Лока: лесной мусор, когда-то прилипший к его куртке и штанам, ни за что не отстанет – только если его спалить вместе с одеждой. Такой наряд позволял охотнику пробираться по лесу, не рискуя быть замеченным ни человеческим, ни звериным глазом. Между ног Лок поставил длинный лук, что-то внимательно разглядывая на его огловье, и, казалось, был так увлечен этим своим занятием, что на мальчика вовсе не обращал внимания. Кай кашлянул. Лок поднял голову.

Встретившись глазами с охотником, Кай поклонился. Лок кивнул. Мальчик криво улыбнулся, не зная, как начать разговор.

– Видал, какие? – проговорил вдруг охотник, пропуская между ловкими пальцами волшебную нить. – Зна-атные господа...

– Так и есть, господин Лок, – ответил Кай.

– Господин следопыт Лок, – важно поправил охотник.

– Господин следопыт Лок, – послушно повторил мальчик, припомнив, что Лок предпочитал называть себя не охотником, а следопытом.

Просто так, почти на равных, с Каем никто в Лысых Холмах или харчевне не разговаривал. Ну исключая, пожалуй, Танка. Кай давно привык к тому, что здесь он – чужак. Правда, и следопыт Лок не мог считаться взаправдашним деревенским. Большую часть времени он про-

водил в лесу, его и самого считали не совсем нормальным, и поговорить с живым человеком, хоть с каким, охотник был рад. Чего ж не покалякать изгою добровольному с изгоем вынужденным?

– А я, парень, приболел, – сообщил Лок, натягивая лук. – Думал, и вовсе не встать мне. Лихоманка, парень... Поначалу-то оно вроде ничего было, только башка гудела да в грудях нехорошо. Кашлял. Хотел к Кагаре идти в деревню, да все что-то... Оно-то вона как было – по вечерам шибко трясса и видения всякие видел. Ну думал, утром-то уж как рассветет, и выйду. А поутру вроде перемогался, только ноги слабые были. А вечером все по новой. Ну и как-то к ночи слег, а утром так и не встал. Ослабел совсем. Только-только сил хватило из землянки выползти, снега в котелок набрать. Хорошо, лося завалил прямо перед тем, как морозы ударили. Да и грибов засушил. Дров-то я всегда загодя рублю на случай морозов. И ведь самая гадость-то – вроде недельку-другую отвалился, трепать перестало, а слабость никуда не уходит. Нет сил никаких – и все тут. Только когда солнце греть начало...

Наверное, Лок еще долго распространялся бы о своей болезни, если б Кай, снова кашлянув, не перебил его учтиво:

– Господин следопыт Лок...

– Ага? – немедленно откликнулся охотник, польщенный верным обращением.

– А рыцари, которых вы в харчевню привели, они куда путь держат?

Лок положил лук к ногам, потянулся и усмехнулся.

– В Горную Крепость едут, поди-ка, – сказал он. – Это тебе не простые рубаки, баронские да графские псы. Я, слышь... – он огляделся и понизил голос, – у Черного ручья их заметил и через весь лес за ними шел. Кто ж его знает, что за люди. А у самой опушки вдруг последнего потерял. Прямо так вот раз – и нет его. Как так, думаю? И только, это самое, думать начал, как мне сзади кто-то стрелой арбалетной в спину ткнул. Я, слышь, чуть не обделался. Оказывается, этот, который сзади ехал, взял в сторону, отстал. Я решил, по нужде человеку понадобилось. Думал подождать его. Жду-жду, а он – на-ка! Арбалетом мне в спину. Это сэр Генри, у которого львиная башка на голове, меня да-авно уже углядел. И послал оруженосца проверить... Он – Горный рыцарь, вот он кто! Рыцарь Порога.

Понял, парень? Видал, у него на рукояти меча – голова виверны? Знаешь, что это за знак? То-то... Это знак Братства Порога. Ежели какой рыцарь к Братству не принадлежит и вдруг удумает себе такую же рукоять сделать – первый же рыцарь Порога обязан вызвать его на поединок. То есть, другими словами: кранты самозванцу, потому как против рыцаря Братства никто не выстоит. В Горную Крепость, значит, едут... А парнишка энтот – евонный сын. Или племяш? В общем, родня... Слыхал, его Эрлом кличут. Да... Знаешь, что это такое – Горная Крепость?

– Знаю, – выдохнул Кай. – И Горную Крепость знаю, и Северную...

– Северную? – удивился Лок. – Ишь ты!.. И я слыхал про Северную Крепость. Только сдается мне, нет такой Крепости. Может, в старину когда была, а сейчас одни сказки остались. Говорят, когда-то было три Крепости.

– Три?! – расширил глаза Кай.

– Ну. Три Порога, значит, и три Крепости. Порогов-то три было, так старые люди говорят. А сейчас только Горная Крепость Порога и осталась.

Кай некоторое время переваривал услышанное. Как это – нет Северной Крепости? Не может такого быть! Да врет он все, этот Лок. Сам ничего не знает. Не бывал нигде, кроме своей лесной чащобы, вот и не знает ничего. Вот господин Корнелий, тот точно знает. Знал...

– А как же... – внезапно охрипнув, спросил мальчик. – Если Порогов три, то и Крепостей должно быть три. Куда же еще одна Крепость подевалась?

Лок неохотно задумался.

– А пес его знает, – ответил он наконец. – Наше-то какое дело? Есть или нет. Чудищ-то, которые из-за Порогов лезут, в наших краях никогда и не видали. Значит, все хорошо. А нам и нечего рассуждать. Старые люди говорили: у того, кто мало знает, сон крепок. Понял, парень? Я тебе вот что скажу: я-то, почитай, уж седьмой десяток живу на этом свете. Про Северную Крепость от деда слышал сказки, когда сам мальцом был. А на Горный Порог рыцари нет-нет да проедут. Сам видал, своими глазами. Как и ты сегодня. В нашей-то жизни, как в ночном лесу: мало ли что услышишь да что причудится. Ежели всему верить, недолго и сбрендить. Верить нужно, парень, только своим глазам. Вот и думай!

Крайне довольный собственной глубокомудрой речью, старый охотник внушительно замолчал и снова взялся за лук, давая понять, что разговор окончен.

Кай поплелся к новой паре лошадей.

«В далеких Скалистых горах, – вдруг зазвучал у него в голове голос рыжего менестреля Корнелия, – в месте, называемом Перевалом, стоит неприступная Горная Крепость, куда его величество посылает самых лучших своих рыцарей, чтобы несли они тяжкую, но почетную службу. Чтобы защищали мир людей от диковинных и жутких тварей, время от времени показывающихся из-за Порога. Великая честь – вступить в Горный Орден...»

Мальчик остановился, сглотнул. И повернул к конюшне.

«Ведь в Горной Крепости тоже надо пол мести, еду готовить да дрова рубить, – думал Кай, снимая со стены скребок, – не аристократы ведь этим занимаются...»

Мысль показалась ему такой простой и неожиданно-прекрасной, что он рассмеялся вслух. Как же раньше это не пришло ему в голову?! Лок, все еще сидевший на бревне, удивленно посмотрел на мальчика.

Через час, а то и больше во двор вышел один из воинов – тот, что ехал последним.

– Готово? – шурясь на солнце, спросил он. И сам увидел, что все в порядке. – Ловко! – похвалил воин.

Как ни готовился Кай произнести эту фразу, у него все равно перехватило дыхание и сбилась речь.

– А можно... – просипел он, опустившись на колени и дотронувшись до кольчужного сапога.

Договаривать не пришлось. Видать, не первый мальчишка на случайном постоялом дворе задавал рыцарям Горного Ордена такой вопрос.

– А чего ж, – широко усмехнулся воин, – парень ты решительный. Нам такие нужны. Только вот... Знаешь ли ты, что такое Порог?

– Да! – почти выкрикнул мальчик, в ушах которого звенело.

– Чтобы сражаться с чудовищами, одной решительности маловато. Настоящая храбрость нужна.

– Да я... – задохнулся Кай. – Да мне...

– Верю, – прервал его воин и нарочито сурово нахмурился. – Но и храбрость – это еще не все. Сила нужна!

– Я сильный! – крикнул Кай.

– Ну-ка... – Воин заозирался, зачем-то подмигнул своему товарищу, вышедшему на крыльцо с тонкой щепочкой в зубах, и остановил взгляд на здоровенной плахе для рубки дров. – Подними эту дурынду и вытащи ее за ворота. Такое будет тебе испытание. Сможешь – возьмем тебя с собой. Не осилишь... не обессудь тогда.

Кай ринулся к плахе. Упал на колени, обхватил ее – длины рук не хватило для полного охвата – и поднатужился. Глаза его налились кровью, в висках запульсировало, но плаха как стояла, так и осталась стоять на месте. Может быть, чуть шевельнулась. Кай, не видя и не слыша ничего вокруг, надрывался до тех пор, пока не сообразил: плаха-то из-за собственной тяжести, должно быть, плотно впечаталась в утопанную землю. Тогда он отпустил плаху, передохнул

несколько мгновений и снова вцепился в нее. Теперь он сначала качнул тяжеленный деревянный пень взад-вперед, а когда почувствовал, что края плахи свободно отрываются от земли, напружинил ноги и рванулся кверху.

Мир тотчас потонул в каком-то странном гуле, больно ударившем мальчика по барабанным перепонкам, в глазах потемнело. Откуда-то издалека долетело исполненное изумления восклицание. Потом вспыхнула страшная боль в плечах и спине, и земля ушла из-под ног Кая.

Наверное, он на какое-то мгновение лишился чувств. Когда же пришел в себя, то понял, что лежит верхом на опрокинутой плахе. Сильно ноют спина и руки, а из носа ползет что-то щекотное и теплой солью застывает на губах.

– Всего-то шажок сделал, – услышал мальчик сквозь звон в ушах и обернулся на голос.

Воин стоял, скрестив руки на груди. По губам его блуждала усмешка, но в глазах поблескивало удивление.

– Нет, парень, не тянешь, – покачал головой воин.

– Я сейчас... – прохрипел Кай. – Только дух переведу... Он сполз с плахи и, шатаясь, встал на ноги.

– Прекратить! – Этот резкий приказ остановил мальчика, когда он снова наклонился над непокорным плен.

Воин оглянулся и мигом вытянул руки по швам. С крыльца медленно спускался рыцарь. Свой шлем, сделанный в виде львиной головы, он держал в левой руке у груди. Мальчик в доспехах стоял рядом с ним, чуть позади, но не заступая за спину рыцаря – будто равный. Рыцарь смотрел прямо на Кая, взгляд его был строгим и, как показалось мальчику, злым. И парнишка тоже смотрел на Кая. Но в его взгляде не было суровости. И надменности, с которой он въехал во двор «Золотой кобылы», тоже не было. А был – живой интерес.

– Прекратить! – повторил сэр Генри. – Опять? Я же запрещал! Что за ярмарочный балаган?! Седлать коней, живо!

Ратники бросились к скакунам. А сэр Генри, ожидая, пока они закончат работу, водрузил шлем на голову и – пугающий, громадный – направился прямо к мальчику. Кай даже невольно попятился.

– Как звать? – отрывисто спросил рыцарь.

На крыльце появился Жирный Карл. Мигом уяснив для себя обстановку, он уставился на Кая и, беззвучно крича, ожесточенно зажеликовал. Кай догадался опуститься на колени.

– К-кай, – только тогда ответил он.

– Сын? – не оборачиваясь, бросил рыцарь Порога через плечо. Как он, не видя, понял, кто стоит у него за спиной? Впрочем, Карл тоже не растерялся и ответил мгновенно:

– Нет, добрый господин. Сирота. На воспитание взятый. Из милосердия...

– Крестьянин? – снова спросил сэр Генри и сам себе ответил: – Вряд ли. Не похож... Что ж, Кай... Неважно, кем ты ступаешь на дорогу. Важно, кем заканчиваешь путь. Понял?

Хоть вопрос адресовался и не ему, Жирный Карл глубокомысленно нахмурился, а Кай, ничего не поняв, проглотил настойчиво рвущуюся из груди фразу о готовности предложить себя в качестве прислуги в Крепости. Рыцарь сделал знак ближайшему воину, тот с готовностью запустил руку в кошель, висящий на поясе, извлек оттуда монетку и, окликнув Кая, бросил монетку мальчику. Сэр Генри с помощью ратника сел на коня и первым во главе кавалькады выехал в ворота, у которых стояли красные от натуги Сэм и старый Джек. Юный всадник уже в воротах оглянулся на Кая, но мальчик этого не заметил.

Кай не сразу поднялся на ноги. Понимание того, что сам славный рыцарь Порога сэр Генри заговорил с ним, постепенно входило в его сознание и наполняло kloкочущим ликованием. Он не заметил, как Сэм, подскочив, выхватил у него крохотную, похожую на рыбью чешуйку, серебряную монетку, которую мальчик так и держал на вытянутой ладони.

* * *

Следующие два дня Кай жил, переполненный щекочущей радостью, которая все не иссякала. Он даже не замечал, как сильно болят мышцы, которые он едва не надорвал, когда пытался поднять колоду. Как ему тяжело нагибаться. Как враскоряку он передвигается по двору и таверне. В груди у него, точно волшебный горшок из старой сказки, кипело нескончаемое счастье.

Служанки Сали и Шарли посмеивались над ним и стариком Джеком, который, очевидно вследствие угасания рассудка, воспринял развернувшуюся во дворе сцену по-своему и теперь каждый раз, встречая Кая, снимал шапку и кланялся в ноги. Лыбка, подзуживаемая Сэмом, глупо гоготала, а вот реакция самого сына хозяина «Золотой кобылы» была довольно странной. Он отчего-то возненавидел мальчика еще больше: дважды поколотил его, придравшись к каким-то явно надуманным оплошностям, а к вечеру второго дня, заметив Кая, копавшегося в конюшне, неожиданно взъярился, влетел в конюшню, закрыл за собой дверь и, прижав мальчика в углу, жестоко надрал ему уши безо всякой на то причины.

– Ах ты... молодой господинчик... – хрипел Сэм, усердствуя, – ах ты... Я т-тебе покажу!..

Впрочем, даже это происшествие не могло испортить Каю настроение. Он только недоумевал, с чего это Сэм вдруг удумал дразнить его «господинчиком». Но на следующий день после экзекуции внезапно понял: сын Жирного Карла в мутном и мелком, словно лужа, своем сознании почему-то связал воедино Кая и сиятельного юного всадника. Будто углядел в них что-то общее... и это его жутко обозлило.

На третий день, чуть свет получив от Жирного Карла наказ отправляться в лес, Кай обвязал вокруг пояса плетенную из конского волоса бечеву, закинул на плечо мешок, в котором бултыхалась тыквенная фляга с водой и кукурузная лепешка, и вышел во двор. Привычно оглядевшись по сторонам, Кай не заметил поблизости Сэма, пересек двор и вышел за ворота.

Несмотря на раннее время, солнце уже припекало ощутимо. Кай быстро свернул с проезжей дороги и прошел лугом до Вялого ручья, в это время года уже давно пересохшего. Дальше начиналась холмистая долина, в центре которой лежала деревня, а к северу от долины темнел лес. Срезая путь, мальчик быстро взбежал на пологий холм и на минутку остановился. Вон она – деревня Лысые Холмы, скопище темных хижин, прижавшихся друг к другу, как жмутся овцы холодным осенним днем. Над хижинами тянутся в светлое небо тонкие полоски дыма. Как-то там Бабаня и Лар? Сейчас уже Кай вспоминал о стариках с легкой грустью, как о неправдашних родных людях. Как-то там кузнец Танк? Вот кого надо обязательно навестить и рассказать ему сногшибательную новость. Интересно, что на это скажет Танк?

Улыбнувшись, Кай скатился с холма, взбежал на другой и, спустившись с него, быстро отыскал тропинку, ведущую к лесу.

«А что? – думал он, шагая по тропинке. – Пожалуй, сегодня и забегу к Танку, только с ловлей покончу поскорее...»

На самой опушке росли лопухи. Огромные в этом году лопухи вымахали – под их широкими, как воинские щиты, листьями можно было спрятать отряд человек в десять. Сейчас из-под лопушиных щитов чадил синеватый едкий дымок дурноглаза – его-то и почуял Кай. И остановился.

Сам Кай дурноглаз никогда не курил, но накурившихся видеть доводилось. Мутноглазые, они без причины хохочут, несут всякую чушь и способны на самые дикие поступки, до которых и пьяный не додумается. Мужики в деревне редко баловались этим дурманом – разве уж самые распрегорькие пьяницы, и то не часто, а только тогда, когда самогона не могли достать. Молодые парни, те иногда курили, в большинстве случаев – чтобы побахвалиться перед сверстниками.

Кай пригнулся и, двигаясь тихо, не задев ни одной веточки, ни одного листа (вспомнилась лесная наука Танка), прокрался в глубь лопуховых зарослей. Когда отчетливо стали слышны голоса, он чуть приподнял голову. Увидев сидящих в кружок людей, Кай вздрогнул, но тотчас неслышно усмехнулся.

Это была знакомая ему компания: Гилль, Арк и близнецы. Спиной к Каю сидел еще кто-то, крупнее пацанов – должно быть, парень из деревни.

«Далеко забрались, – подумал Кай. – Стало быть, опасаются, как бы родители дурного запаха не учуяли...»

В то время, пока жил в «Золотой кобыле», Кай не раз видел деревенских мальчишек. Иногда кто-то из них забегал в харчевню по родительским поручениям: купить что-нибудь, а то и взять в долг монетку-другую или, наоборот, долг отдать. Жирный Карл, человек предприимчивый, помимо того что содержал харчевню, еще и занимался ремеслом ростовщика. Пацаны поддерживали с Сэмом подобострастно-дружеские отношения, это Кай тоже замечал, а Гилль – тот держал себя с сыном Карла чуть ли не ровней.

Этот незнакомый парень, насасывая глиняную трубку, что-то говорил. А пацаны, раскрыв рты, слушали. Какие-то удивительно знакомые нотки сквозили в голосе парня, и когда Кай вдруг понял, где он слышал этот голос, то снова вздрогнул – на этот раз сильнее, чем в предыдущий.

Парень обернулся на шорох. Кай едва успел нырнуть в лопухи, но бросить взгляд на лицо парня все же смог. Точно, это он!..

– Вот так, братва, – сказал Сэм. – Только чу – ни слова никому!

Голос Сэма был едва узнаваем. Он чуть ли не шипел, будто удавка хриплой ненависти накрепко перехватила ему горло. Сын Жирного Карла был заметно опьянен дурноглазом, он раскачивался из стороны в сторону и время от времени встряхивал головой, будто отгоняя муху.

– ...Я этой суке и говорю: давай, мол, по-хорошему, не выеживайся, мол! – вел дальше свой рассказ Сэм. – А она так смотрит на меня, будто я козавка какая-то, и портки мокрые в руках держит. Я ей говорю: серебром заплачу! Никогда городскую не пробовал, тут и серебра не жалко... Вот честно, пацаны, – может, и заплатил бы, коли она по-доброму согласилась. А она вдруг раз – и этими портками мне по морде! И так... прямо как графиня какая: пошел вон, щенки!.. Ну время раннее, никого нет, да и место там глухое, у ручья... Короче, размахнулся я и врезал ей в грудь... Вы еще малые, не знаете – ежели бабу разок прищучить пожестче, то она потом шелковая будет. Вон Лыбка-то. Поначалу брыкалась, а как кровь ей пустил первый раз, так потом слова поперек не говорила. Правда, надоела скоро. Дура она и воняет еще.

Каю вдруг показалось, что мир вокруг него чернеет, как небо за несколько минут до сильной грозы. Голова закружилась. Он попробовал вдохнуть, но воздух не шел в грудь, будто горло и ноздри плотно забились деревянными стружками.

– ...А она как заорет, сука эта! Я ей еще – прямо в харю. Она повалилась. Я на нее прыгнул – и башкой о камень, чтобы не дрыгалась. А она все ногами меня отпихивает и вопит. Пришлось еще... поучить. Как кровь полилась, я малость в ум вошел. Ну сами посудите: шалава городская, дрянь, отребье, голодранка, а ставит из себя. К тому же мог услышать кто, потом хлопот не оберешься. Ну она затихла... Платье я на ней разодрал... Эх и кожа у нее, пацаны! Они ж там, в городе, говорят, особой глиной моются, чтобы кожа не шершавела. Белая кожа! Гладкая, как... как... ну как вот у телочка новорожденного. И вся она мягкая такая – куда там Лыбке. Да и вообще деревенским. Те или толстые, вроде бурдюка с водой на ощупь, или жилистые, как курицы старые, а эта... Ровно цыпленочка щупаешь!.. До вечера бы с нее не слезал, да издали голоса стали раздаваться. Какая-то сволочь рядом проходила. Я и улегся. Я ж не думал, что она такая дохлая окажется. Вон Лыбке раз кувшин о голову раскокал, а ей хоть бы хны. Ржет, дура! А эта вот... Улегся я, говорю. Но, кажется, кто-то видел меня. Папаша, как

слух пошел, сразу меня к себе затащил и первым делом за уши... Куда деваться, сознался я. Ну он – к Маралу-старосте. Тот Наги позвал. Покумекали они, что делать-то, чтоб наружу не вышло: за такие фокусы ведь и плетью засечь могут, ежели, конечно, графские люди узнают. И порешили: кто больше всех рот раскрывал, серебром тот рот заткнули. А старикам ейным тоже сунули сколько надо. И этого щенка... – Сэм грязно выругался, – вонючку подзаборную, мохнорылого ушлепка, к себе в харчевню взяли. Так Наги велел. Чтобы, говорит, Нэла на деревню не прогневалась и черную саранчу на урожай не наслала...

Чернота сгустилась. И полностью поглотила весь мир, и самого Кая в придачу.

Глава 4

До конца своих дней не помнил Кай, что произошло дальше в тот день. А в деревне говорили всякое. Много оказалось очевидцев произошедшего.

Сали припоминала, что солнце еще на вершину небосвода не взобралось, а уж Кай вернулся из леса в «Золотую кобылу». Говорила, что шел он, трясая головой, без мешка, без силков и, уж конечно, без добычи. И руки странно растопыривал перед собой – будто то ли обнять хотел кого-то, то ли схватить. Служанка харчевни, естественно, удивилась: чего это такое происходит? Уж не на ведьму ли пацан наварлся в лесу? Окликнула его, даже метлой шлепнула по затылку, когда он, не поглядев на нее, мимо прошел. Кай не отозвался. Будто и не услышал, и не почувствовал ничего. Она за ним хотела пойти, да тут Шарли ее окликнула – надо было кур щипать. А после курятника закрутилась и уж думать забыла про сироту-приблуду.

А Лыбка рассказала, что зашла на кухню воды испить, а там Кай сидит и здоровенный кухонный нож, которым туши разделявают перед варкой, на точильном камне точит. Ну точит и точит, делов-то. Она мимо него пошла, да, видать, не протиснулась толстой задницей, начала кричать: чего, мол, раскорячился на всю кухню! А Кай, говорит, как зыркнет на нее, а глаза у него, точно у быка, кровью налитые, страшные. Она и выскочила из кухни, от греха подальше. И сколько ее впоследствии ни спрашивали, ничего, кроме повторений об этих страшных бычьих глазах, от бестолковой бабы добиться не могли.

А Шарли, которая в тот день стряпала, как обычно, на кухне Кая не видела. Точильный камень – да, валялся прямо посреди кухни, она еще споткнулась об него, а Кая не было. Видать, наточил нож да и спрятался куда-то. До поры до времени.

А вот Кривой Ян и Бад Сухорукий о том дне много чего могли порассказать. Они как раз с утренней рыбалки в «Золотую кобылу» пришли. С уловом им тогда повезло, да так, что обменяли они свою рыбу на пару медных монет, да еще по кружке пива досталось обоим. Так вот сидели они, потягивая пиво и размышляя на тему: вернуться ли в деревню, где можно приобрести у Рабки кувшин-другой крепкого самогона, но есть опасность нарваться на собственных супругов, или же шикануть и спустить весь заработок на пиво? В трапезной еще торговец, направлявшийся в Мари, жрал цельного гуся, а двое его слуг развлекались игрой в кости. Вот что Кривой Ян рассказывал:

– Мы только по второй кружке взяли, как вваливается в трапезную этот парнишка, сын Карла – Сэм. Малость его пошатывало еще, это я помню. Вваливается, озирается по сторонам и, не здороваясь ни с кем, проходит прямо за стойку, где Лыбка стояла. Лыбку он подзатыльником наградил, а сам нацедил себе кружку пива. Только из-за стойки вышел, как вдруг дверь чулана, где дорожные плащи на ночь запирают, распахивается. И пацан этот выходит. В руках – нож здоровенный! Выходит и напрямик идет к Сэму. Тот рот распахнул, кружку выронил... А этот щенок, ни слова ни говоря, как начал свой нож прямо в рожу Сэма пихать! Тут мы все обалдели. Сэм орет, визжит, на колени упал, крутится собачкой, уползти пытается, рожу локтями прикрывает, а этот... как его?.. Кай... вокруг него вьется и все норовит в рожу ударить. Кровища брызжет!.. Сами видели: не только пол и стойка – стена в кровавых пятнах была, а та

стена шагах в пяти от них. Даже на потолке следы потом обнаружили! Торговец первым опамтовался. Крикнул своим слугам, а те – здоровенные такие лбы, они ж не просто на посылках, они еще охраняли его, на дорогах-то глухих мало ли чего случиться может... Да! Так вот слуги кинулись на мальчишку: один его схватил, второй Сэма оттаскивает в сторону. Сэм уж не визжал, сразу в руках слуги обмяк. А рожа у него... Это уж не человечесья рожа была. Это какая-то красная маска – кожа и мясо свисали ошметьями, не поймешь, где глаза, где нос... Кай сразу нож выпустил и вроде на мгновение... как деревянный стал. Тут уж и мы с Бадом подоспели. Ну начали руки пацану крутить, Бад ему еще врезал разок – правильно, надо ж такое сотворить! Вот тут-то и началось. Как оно там дальше было, я не упомяну. Последнее, что помню: слуга торговца пацана за одну руку держит, Бад за вторую, а я сзади это... шею ему обхватил, чтоб, значит, не вырывался. Тут... как будто потолок на меня рухнул. В себя я пришел, уж когда все кончено было. А нос мой – вот, гляньте! – до сих пор на сторону смотрит...

Бад Сухорукий хоть и в памяти был, но ничего толком сказать не мог. По его словам, в мальчишку будто злой дух вселился. Вроде и пацан, от горшка два вершка, а как крутанулся, так и посыпались взрослые мужики в разные стороны. У самого Бада здоровая рука в суставе так вывернулась, что только Кагара сумела ее из-за спины вывести и в нормальное положение поставить. А слугам торговца – и первому, и второму – еще пуще досталось. У первого два ребра хрустнули и нога подломилась, аж осколок кости наружу вылез. А второй и вовсе встать не смог, так на телеге его из «Золотой кобылы» и увозили. А он еще горючими слезами заливался и все твердил о том, что пацан ему хребет хотел вырвать – мало-мало не вырвал, но повредил основательно – ноги у мужика едва шевелились. А сам торговец не дрался, нет. Он под стол спрятался. А Лыбка во двор вылетела как пробка из бутылки – во дворе-то как раз мужики из Лысых Холмов телегу разгружали. Их Марал послал десяток мешков кукурузной муки Жирному Карлу отвезти.

– Вот точно так же и в ту ночь было, – неизменно добавлял шепотом Бад в конце своего рассказа, – когда мы Танка хотели на поле голым пустить. Еще бы силенок щенку побольше, и живыми мы бы не ушли...

Мужики подоспели, когда все было кончено. Трое валялись посреди опрокинутых столов, корчась и воя. Кривой Ян лежал как мертвый. А в луже крови, рядом со стойкой, закрыв изуродованное лицо окровавленными руками, скрючился бесчувственный Сэм. Такова кровавая лужа была, что, когда парня поднимали, один из мужиков поскользнулся и грохнулся на пол. А Кай стоял посреди трапезы, ссутулившись, поводил невидящими глазами вокруг, точно не помнил, что произошло и как он здесь оказался. Окровавленный нож валялся у его ног. Мальчика повалили, стали вязать веревками – он не сопротивлялся. И не говорил ничего. Тут на крики спустился со второго этажа харчевни сам Жирный Карл, прилегший после сытного обеда вздремнуть. Кая, связанного, отволокли и бросили в погреб, на крышку которого для пущей безопасности водрузили здоровенный камень. А Жирный Карл лично кинулся в Лысые Холмы за Кагарой – даже коня не оседлал, так без седла и скакал.

Уже ночью того же дня видела Лыбка, как спускался Карл в погреб. Пробыл он там около часа и вышел, тяжело дыша и устало потряхивая здоровенными волосатыми кулаками, костяшки которых были сбиты.

* * *

Наутро созвали судебный сход.

Из деревни на телеге, запряженной могучим рыжим мерином, приехал Марал. Сам староста правил, а в телеге на охапке кукурузных листьев сидел старикашка Наги, да валялся, как обычно пьяненький, графский мытарь господин Симон. Мужики, те пятеро, что вязали Кая, уже ожидали во дворе харчевни. Еще несколько человек деревенских топтались у ворот

– весть о произошедшем молниеносно разнеслась по Лысым Холмам. Но Карл распорядился, кроме свидетелей, никого не пускать. Бада Сухорукого и Кривого Яна не было. Они отлеживались в деревне в своих хижинах. Не было и торговца. Жирный Карл, поразмыслив, отправил его ранним утром, наградив немалым кошельком серебра и наказом: чтобы тот никому ничего никогда...

Мужиков оставили во дворе, а старосту, жреца и мытаря Карл первым делом отвел наверх, в ту комнату, где в постели, обложенный подушками, лежал Сэм. Голова парня была плотно обмотана чистыми тряпками, открытым оставался лишь правый глаз – вытаращенный и слезящийся. Тут же находилась и Кагара, она собирала расставленные по углам комнаты медные плошки, в которых еще курился серый пепел. Под потолком комнаты влажно поблескивали, перекатываясь, волны какого-то странно плотного дыма. Дряхлый подслеповатый Наги начал тревожно принюхиваться, а господин Симон сморщил нос и полез за пазуху за глиняной фляжкой.

– Ну? – коротко спросил Карл.

– Не помрет, – прошамкала Кагара.

– Только-то? – горько скрипнул зубами хозяин таверны. – Это я и без тебя знал. Выйди отсюда!

Когда Кагара удалилась со своими плошками, Жирный Карл обернулся к сопровождающим.

– Одно ухо напрочь отрезано, – сказал он, щуря глазки, которые начали наполняться слезами, – глаз вытек. Половина зубов выбита, и губы лохмотьями висят, а щеки... Дыры такие, что видно, как язык ворочается. И неизвестно, затянутся они или нет. Эх-х!.. Марла едва не померла, как узнала... Щ-щенок паршивый!

Сэм что-то промычал сквозь тряпки. Карл кликнул Лыбку, и четверо покинули комнату.

– Обычной мальчишеской дракой это не назовешь, – спокойно молвил Марал. – Ты говорил с... этим?

Хозяин «Золотой кобылы» понимающе кивнул.

– Молчит, псенок! Все руки об него отмолотил. Раз только заорал, будто снова взбесился, а потом опять замолчал.

– Судить надо, – сказал Марал. – Только... – Он опять пытливо взглянул на Жирного Карла. – Вначале свидетелей не зови.

Тот снова кивнул.

– Сам бы догадался, – буркнул он. – Пойдемте со мной. В комнату Марлы.

Господин Симон, опрокинув фляжку над пастью, вытряс последние капли и, икнув, вмешался разговор:

– Прикажи, чтоб это... Чтоб принесли...

– Не время сейчас, господин графский мытарь, – сдержался Карл.

* * *

Кая приволокли волоком, не потрудившись развязать даже ноги. Приволокли и поставили на колени в центре комнаты. Мужики поддерживали его так, чтобы лицо мальчика было видно Марле. Марла сидела в своем кресле, не шевелясь, уперев подбородок почерневшего от страшной новости лица в кривую рукоять своей палки-дубины. Марал и Карл, стулья которых стояли близко друг к другу, о чем-то тихо-тихо шептались, Наги величественно глядел в никуда.

Карл мотнул головой, приказывая мужикам удалиться. Когда они покинули комнату, Кай продержался на коленях всего несколько мгновений. Затем повалился на бок.

– С-сучье отродье!.. – прошипела Марла.

Одежда Кая была изодрана – меж веревочных петель торчали грязные тряпичные клочья. Но лицо, опухшее от побоев, было неожиданно бело. И широко открытые глаза были спокойны. По очереди мальчик оглядел присутствующих – лежа, он мог видеть всех. И все, кроме Марлы и Наги, опустили глаза. Первым к Каю обратился Жирный Карл:

– Скажи, зачем ты напал на моего сына?

– Потому что хотел убить его, – чисто и просто, будто давно дожидался этого вопроса, ответил мальчик.

– Выродок! – рывкнула Марла и грохнула палкой о пол.

– Почему ты хотел убить его? – стараясь оставаться спокойным, задал новый вопрос Карл. Ему вдруг стало не по себе от этого мальчишки. Теперь он совсем не был похож на того пацана, которого Карл вечно шпынял по разным хозяйственным делам. Словно за несколько часов Кай повзрослел на двадцать лет.

– Потому что он убил мою мать, – так же ровно ответил Кай.

– Но если тебе стало известно подобное... – монотонно заговорил Марал.

– Потому что он убил мою мать, и вы все знали об этом, – договорил Кай. – Потому что он не понес никакого наказания...

– Ах ты!.. Да кто тебе про моего мальчика такое?.. – взвилась Марла, но Карл, чувствуя, что мальчишка сказал не все, остановил ее:

– погоди-ка... Ты же понимаешь: то, что ты сейчас сказал, очень серьезное обвинение. С чего ты взял, что кто-то убил твою мать, а не сама она расшиблась о камни по собственной неосторожности?

Кай минуту помедлил. Натужно покривил губы в подобие ухмылки. Потом медленно и отчетливо назвал имена тех четверых, которых видел вчера с Сэмом на опушке леса.

– Сэм... сам рассказал им об этом. Я слышал. Спросите их.

– Спросим, – зловеще севшим голосом пообещала Марла, – спросим, дорогой мой, не сомневайся. Врет он! – вдруг закричала она. – Врет он все! Он завидовал моему мальчику, потому и напал на него!

Но Кай больше ничего не сказал. Глаза его потухли. Всем сразу стало ясно, что от него ничего не добиться.

– Эти четверо... – повернулся Карл к Маралу.

– У ворот стоят, – ответил староста. – С самого утра. Придется их позвать. Как и пятерых мужиков, которые вязали мальчика.

– И Кривого Яна с Бадом Сухоруким, – угрюмо произнес Карл.

– Плюнь на них, – посоветовал староста тоном, по которому можно было понять, что он давно уже все обдумал. – Малец изувечил четверых взрослых здоровых мужиков. Кто этому поверит? Это только запутает дело, которое и без того...

– Говорят, приبلуда с Танком-кузнецом крутился, – сказал Жирный Карл. – Этого душегуба чокнутого надо было из деревни гнать в три шеи еще пять лет назад! Говорил я тогда тебе...

– Зовите свидетелей! – громогласно распорядилась Марла. – Сначала пацанов!

Староста посмотрел на Карла. Тот согласно кивнул и добавил:

– А этого опять надо в погреб спустить. Эй, где вы там? Тащите псеньку обратно!

Когда уволокли Кая и привели испуганно переглядывающихся пацанов, Марла рыкнула:

– Дайте мне с ними наедине поговорить!

Карл нахмурился, но Марал быстро поднялся и, запустив в бороду пятерню, сказал:

– Все правильно. Пусть поболтают по душам. Пойдем, – и, взяв под локоток, вывел успешшего задремать Наги. Господин Симон сбежал еще раньше. Воспользовавшись требованием Марлы, он спустился в трапезную и утвердился возле стойки, откуда больше никуда не желал отлучаться.

* * *

За закрытой дверью перекатывался голос Марлы. То, наливаясь силой, гремел вовсю, то снижался до совсем неслышного шепота. Жирный Карл и староста Лысых Холмов разговаривали без свидетелей – старенького Наги пришлось отвести в одну из комнат харчевни.

– До окрестных деревень слух докатится, это уж как пить дать, – говорил Марал. – Через пару дней все будут судачить о мальчишке и его мамаше.

– Да, – угрюмо подтвердил Карл. – Народ, чтоб его!.. Всем рты не заткнешь. Ведь думал же: дело кончено. Старики, родственники этих городских, серебром получили, мальчишка в харчевню взят.

– Ты все правильно сделал, – положил руку на плечо хозяину «Золотой кобылы» Марал. – Только вот сынку своему надо было в первую очередь язык укоротить.

Жирный Карл сжал и разжал кулаки.

– А если он одержим демонами? – с надеждой вдруг предположил он. – Таких ведь закон велит на костре сжигать?

– К смертной казни может лишь граф приговорить, – напомнил Марал. – Я бы очень не хотел, чтобы до его сиятельства дошел этот случай. Ты, я думаю, тоже. Ты его видел? Непохоже, чтобы парень был одержим. Да и любой, самый слабый маг скажет тебе, что это не так. Вот что надо сделать: за нападение с целью убийства преступник карается полусотней ударов плетью прилюдно.

– Да знаю я! – отмахнулся Карл. – Влепим ему плетей – и что? Думаешь, это его уgomонит? Отлежится и снова за нож возьмется. Опять все сначала? Ежели такая канитель завяжется, точно до графа слухи доползут. Удавить бы его по-тихому!.. Но уже не получится. Разговоры пойдут. Эх, раньше надо было!..

– Дослушай! Выпороть мальчика надо. Только вот пороть-то можно по-разному. Можно и две сотни выписать, а человек на второй день встанет. А можно и с трех ударов шкуру спустить. Понимаешь? Настоящие мастера этого дела есть. Я знаю. За день отыщу. Не из нашей деревни, но это даже и лучше.

Жирный Карл сообразил быстро.

– Я серебра не пожалею, – затараторил он. – Пусть сучонок сорок ударов помучится, как сынок мой мучился, а на пятом десятке сдохнет! Пусть он... А свидетели? – вдруг осекся хозяин таверны. – Эти пацанята?

Староста Лысых Холмов усмехнулся:

– Со свидетелями дело, я думаю, уже решено.

Не успел он закончить, как приоткрылась дверь, и из комнаты просунулась лохматая голова.

– Господин Карл, – прерывающимся голосом позвал Гилль, на щеках которого цвели пунцовые пятна, – господин Марал... Тетушка Марла просит вас к себе...

* * *

Как и рассчитывали Жирный Карл и Марал, дело решили очень быстро.

Через несколько минут комната Марлы была забита народом так плотно, что, когда вносили связанного Кая, мужикам, столпившимся у порога, пришлось потесниться. Из комнаты вынесли всю мебель, кроме, конечно, кресла Марлы. У стен стояли пятеро мужиков, связавших Кая в тот злополучный день, и четверо деревенских пацанов. Сам Жирный Карл, староста Лысых Холмов Марал и жрец Наги разместились у кресла. Причем Марал, учтиво поддерживающий Наги под руку, вполголоса напоминал старикану, который по причине старческого

маразма успел все забыть, суть дела. Притащили даже и прислонили к стене наклюкавшегося до полной невменяемости господина графского мытаря Симона. Кроме них умудрились втиснуться три служанки: Шарли, Сали и Лыбка.

Кая держали двое. Он обвис в их руках, полуприкрыв глаза, точно ввапший в забытье.

– Как говорит преступник, – прокашлявшись, начал Карл, – он напал на моего сына, потому что тот, дескать, виновен в гибели его матери, которая, как все знают, расшиблась в прошлом году, упав в ручей. Якобы он слышал, как Сэм признавался в этом чудовищном злодеянии мальчишкам из деревни Лысые Холмы. Я попрошу свидетелей ответить: все было так, как говорит преступник? Гилль?..

– Нет, – замотал головой Гилль. – Я вчера Сэма-то и не видел. Я вот с этими... с Арком, Нилом и Лэном на Лиску ходил рыбу ловить.

– Арк?..

– Я это... – по-дурацки отвесил лошадиную челюсть Арк, – ну как ее... рыбу ловил. Тоже...

– Нил?..

– Не видал Сэма, – глядя себе под ноги, буркнул один из близнецов. – Ни Сэма, ни Ба... То есть Кая не видел.

– Лэн?..

– И я не видел, – ответил второй близнец.

– Следовательно, преступник лжет! – повысил голос Жирный Карл. – Все это слышали?

– Все... все... – вразнобой загомонили мужики.

– Ага! – подтвердила и Лыбка, лупая пустыми глазами.

– В присутствии овечьего благодатью Нэлы мудрейшего Наги, уважаемого Марала, старосты Лысых Холмов и мытаря его сиятельства графа Конрада господина Симона утверждаю, что преступник напал на моего сына безо всякой причины. Все это слышали?

Мужики многоголосо подтвердили слова Жирного Карла. Господин графский мытарь Симон, услышав свое имя, открыл один глаз и удивленно икнул. Затем слово взял Марал.

– Как староста деревни, – заговорил он, – властью, данной мне его сиятельством графом Конрадом, за беспричинное нападение с целью смертоубийства и нанесение тяжелейших увечий невинному юноше приговариваю отрока Кая, урожденного города Мари, к публичной порке... – Марал сделал паузу и закончил: – Полсотни плетей! Наказание назначаю на воскресенье на площади у храма милосердной Нэлы!

Примерно минуту стояла тишина, которую нарушил благоговейный голос одного из мужиков:

– Вот так сказанул! Ай да Марал! Я и не понял ничего...

Потом сдержанно зашумели. Кай молчал. Только полузакрытые веки его чуть подрагивали. Жирный Карл наклонился к нему:

– Благодарю за столь милостливое решение!

Мальчик открыл глаза. Моментально снова воцарилась полнейшая тишина.

– Это же неправда... – бесцветно выговорил Кай.

– Заткнись, щенок! – взвизгнула Марла. – Как ты смеешь?! – Она застучала палкой. – Вон отсюда! Все вон! Вон, я сказала!!!

Толкаясь, деревенские поспешно ретировались. Жирный Карл сам вытащил Кая из комнаты и передал его мужикам, чтобы те вернули мальчика в погреб.

Несколько минут спустя хозяин таверны и староста деревни сидели в трапезной. Перед каждым стояла кружка с крепким вином.

– Мальца не корми, – негромко, хотя в зале, кроме них, никого не было, советовал Карлу староста, – чтобы у него сил не было что-нибудь вякать при людях. Но поить не забывай, а то загнется прежде времени. Два дня у нас есть. За два дня я нужного человечка отыщу. Не

тревожся, все пройдет гладко. Пацанам серебром заплати. Да не им, конечно, монеты давай, а родителям.

Карл потер лоб и перегнулся через стол к старосте.

– Кузнеца отошли, – шепнул он. – Найди причину какую-нибудь и отправь его... куда-нибудь... На всякий случай. Вдруг да выкинет что?..

– Да, – согласился Марал. – Я и сам об этом думал. Ну? – Он поднял кружку. – За удачное завершение этого дела!

Кай в полной темноте холодного погребца забылся тяжелым болезненным сном. Собственная участь уже не волновала его. Страшное потрясение, голод, холод и побои почти совершенно погасили в нем огонь жизни, времени которой осталось – два дня.

* * *

Король Гаэлона его величество Ганелон был не старым еще мужчиной, с широкой окладистой бородой, которая очень шла его круглому добродушному лицу. Его величество мог позволить себе такое качество, как добродушие. Королевство Гаэл он уже вторую сотню лет не знало войн, и государств, равных ему по могуществу, поблизости не было, а значит, не было врагов.

В этот день его величество был занят поздним завтраком: в окружении министров он восседал в Западной трапезной. Сам Ганелон и прочие сиятельные особы были увлечены не столько едой и питьем, сколько освоением новинки – стол, за которым они сидели, громадный, четырехугольный, с резными золочеными ножками (если ножками можно было назвать массивные подпоры, выполненные из цельных бревен), имел в центре возвышение с круглой поверхностью, от края до края которой рослый человек сделал бы пять шагов. На этом возвышении кружились в танце три полуобнаженные танцовщицы. О таком развлечении двор Ганелона еще не слыхивал. Идею вместе с танцовщицами в дар королю привез купец из далекой восточной страны, купивший себе право доставлять в Дарбионский королевский дворец пряности и ткани – такие тонкие, что кипу, умещавшуюся в тюке, который едва могли поднять двое взрослых мужчин, без усилий можно было пропустить сквозь узкое золотое кольцо.

Придворные музыканты, взмокшие от малоуспешных попыток попасть в такт чужеземному танцу, старательно выпиливали кто во что горазд, но их никто не слушал. Ганелон меланхолично оглаживал бороду, а министры хранили на лицах непроницаемое выражение, потому что пока не могли понять: как его величество оценит это диковинное срамное действо.

– Ишь ведь ты! – крикнул наконец Ганелон в своем глубоком кресле и, усмехнувшись в бороду, прищелкнул пальцами.

Министры зашевелились на мраморных скамьях. Первый министр Гавэн, сухощавый и полностью лысый, первым негромко посмеялся и, будто уже не в силах сдерживать восторга, прихлопнул в ладоши.

Западная трапезная была заперта – не ровен час, занесет сюда ее величество королеву Ариадну или кого из ее фрейлин, а то и малолетнюю принцессу Литию. Поэтому мажордому пришлось довольно долго молотить кулаками в резную дубовую древесину массивной двустворчатой двери, прежде чем его услышали. Он спешил сообщить его величеству о том, что архимаг Сферы Жизни старик Раншаль просит аудиенции короля.

Ганелон поморщился. Вообще-то такого рода приемы полагалось проводить в тронном зале или в зале для совещаний, но... кто еще может нарушить дворцовый королевский этикет, кроме самого короля? Поэтому его величество жестом прогнал танцовщиц и музыкантов и кивнул мажордому:

– Зови!

Министры выпрямились на скамьях, умело придав физиономиям деловое выражение.

Вошел Раншаль, высокий и сухой, как старая сосна. Длинный белый балахон с глубоким капюшоном не скрывал костлявого тела. Несмотря на возраст, двигался Раншаль порывисто. Прошелестев через всю трапезную, он склонился перед королем. А выпрямившись, скрипучим голосом сообщил:

– Секретное дело.

Ганелон едва сдержался, чтобы не скривиться: вечно эти маги строят из себя!.. Не выгонять же министров, с которыми он собирался продолжить волнующее развлечение, а потом и обсудить. Его величество сделал архимагу знак, долженствующий означать: приблизься и говори шепотом, раз уж дело такое секретное.

Раншаль не выказал недовольства. Это, видимо, указывало на то, что дело и впрямь серьезное. Он почтительно наклонился к уху короля и зашуршал старческими сухими губами. Шуршал он довольно долго, а когда выпрямился, Ганелон погладил бороду и осведомился:

– И что же, можно верить этому писарю?

– Не писарю, позвольте сказать, ваше величество, – заметил Раншаль, – а старшему хранителю библиотеки.

– Как его имя? – наморщился король.

– Гархаллокс, ваше величество.

– Никогда не слышал. Это такой жирный, с масляными пятнами на мантии и вечно потеет? Нет?.. Ну да ладно. Так он говорит, что я непременно погибну на завтрашней охоте?..

Король запнулся, и по его широкому лицу пробежал целый спектр чувств: неудовольствие оттого, что проговорился, досада на себя за то, что он – повелитель могущественного королевства – вынужден осекаться в тот момент, когда ему возжелалось заговорить, раздражение против архимага, ибо тот стал причиной всех этих неудобств.

Министры начали переглядываться между собой.

– Никакого секрета я тут не вижу, – объявил Ганелон. – Какой-то придворный книжник из Сферы Жизни вычитал в каких-то свитках, что завтрашняя охота для меня может быть опасной. Каково?

Кое-кто из министров позволил себе хмыкнуть. Остальные успели соотнестись с выражением лица главного министра Гавэна, отобразившего крайнюю степень тревоги за драгоценную жизнь короля, и последовали его примеру.

– Простите, ваше величество, – проскрипел Раншаль. – Я не говорил о том, что охота *может быть* опасной. Я узнал, что охота непременно будет опасной, и счел своим долгом предупредить ваше величество. Главный хранитель библиотеки Гархаллокс – муж довольно сведущий и силен в предсказаниях. Еще ни одно из его пророчеств не оказалось ложным.

– Я намеревался завтрашним днем выехать в Колочие Заросли, где утром для меня обложат черного вепря, – выпрямившись, сообщил король. – И ничто этого решения не отменит.

Архимаг Раншаль всплеснул руками. А министры понимающе завздыхали. Легкая досада на главу Сферы Жизни, прервавшего развлечение, вылилась во вполне понятное королевское упрямство. Должно быть, каждый монарх, трезво осознавая, что он смертен, как и все прочие люди, в глубине души предполагал, что боги хранят его жизнь с особым тщанием.

– Я прошу ваше величество прислушаться... – снова завел свое Раншаль.

– А я прошу мне не перечить! – возвысил голос Ганелон и взмахнул рукой, что значило: аудиенция окончена.

– Ваше величество! – поднялся со своего места Гавэн. – Позвольте мне сказать.

Ганелон, поколебавшись, кивнул. Мнение первого министра он ценил – как иначе первый министр стал бы первым министром?

– Ваше величество, – в преувеличенно искреннем смущении одергивая рукава шикарного камзола, заговорил Гавэн, – бывает так, что боги открывают линии судьбы самым ничтожным из нас... – Он коротко оглянулся на архимага и поправился: – Как и самым достойным.

Боги выше всякого рода предпочтений. А ваша жизнь столь важна для королевства... и для всего мира людей, что даже малейшая опасность грозит для всех неминуемыми бедами! Не убоюсь сказать: ни в коем случае нельзя выезжать вам завтра из дворца. Можете казнить меня, если таково ваше желание, но я лучше лишусь головы, чем мир лишится самого наимудрейшего и наимилостивейшего монарха. От лица всего человечества я нижайше прошу вас...

Ганелон в недоумении дернул себя за бороду, и Гавэн смолк. Министры затаили дыхание... И король вдруг расхохотался.

– Ты смотри мне! – погрозил он потупившемуся первому министру пальцем. – Если завтра на охоте, куда я, так уж и быть, не поеду, ничего не случится... Как бы и вправду твоя многомудрая голова не отделилась от тела!

– Ради безопасности вашего величества и процветания королевства я готов на все! – горячо заявил Гавэн.

* * *

...Вечером того же дня Гархаллокс в коляске, запряженной тройкой сытых коней, прибыл к башне Константина. Состоявшийся немедленно разговор оказался короток.

– Мне кажется, – молвил Гархаллокс, – что тебе не стоит беспокоиться о происшествии, которое непременно должно случиться на королевской охоте. За тебя об этом побеспокоятся другие... чтобы не лишиться многомудрой головы.

– Почему? – заинтересовался Константин. – Я подготовил довольно забавную вещь: вместе с королем и его людьми на черного вепря вздумает поохотиться залетная горгулья. И в самый последний момент она решит сменить жертву...

Старший хранитель библиотеки Сферы Жизни подробно пересказал то, о чем говорили в Западной трапезной королевского Дарбионского дворца.

– Этот Гавэн... – задумчиво проговорил Константин. – Он мне интересен. Ты говоришь, что он тщеславен, хитер, смел и умен настолько, что золоту предпочитает реальную власть?

– Так и есть.

– Посмотрим, что он предпримет завтра, – решил Константин. – Но горгулья все-таки навестит Колючие Заросли. Пусть этот первый министр постарается оправдать королевское доверие, но и тебе надо заслужить его уважение. Так ты скорее станешь советником архимага Сферы Жизни.

– Я уже думал об этом. Но... два покушения в одно время – это слишком. Как бы одно из них и вправду не удалось.

– Успокойся. Облик горгульи приму я сам. Кстати... хорошие лошади. И неплохая коляска!

Улыбнувшись немного смущенно, Гархаллокс поблагодарил мага.

– Хотя скромному книжному червю, как мне кажется, не полагается столь явно выделяться, – добавил Константин.

– Мои доходы позволяют иметь коляску, – возразил Гархаллокс. – И... ведя жизнь аскета при дворе, я выделяюсь еще больше.

– Пожалуй, ты прав, – подумав, проговорил Константин. – Присмотрись к этому Гавэну. Но осторожно! Потому что после сегодняшнего дня, я уверен, он будет присматриваться к тебе сам. Постарайся понравиться ему – то бишь стань полезным. И еще... я знаю, что ты все же продолжаешь поиски Цитадели Надежды.

– Но не в ущерб общему делу.

– Могут пойти слухи. Легенда о Цитадели Надежды еще весьма популярна в Гаэлоне. Впрочем, я тебе доверяю... О чем еще говорят при дворе?

– На севере Скалистых гор пало подряд несколько мелких княжеств...

– Снова Ухрам?

– Да. Этот молодой князек последователен и амбициозен много больше, чем мы предполагали. Он не остановится, пока не завоюет все Скалистые горы.

– А что намерен предпринимать его сиятельный сосед – Ганелон?

– Ничего, – пожал плечами Гархаллокс. – Что могут значить дразги грязных варваров для просвещенного повелителя могущественного государства?

– В Скалистых горах не менее десятка княжеств. Объединившись под началом одного правителя, они будут представлять серьезную опасность для приграничных королевств К тому же... *они* могут обратить внимание на эту ситуацию.

Гархаллокс поднялся со стула и поклонился.

– Я займусь этим, – сказал он.

* * *

Слух о готовящемся зрелище разнесся по окрестностям быстро. Развлечений в этом краю было все-таки маловато, поэтому люди, желающие посмотреть на порку, начали стекаться с близлежащих деревень и поселений уже к вечеру первого дня.

Первыми в Лысых Холмах, как водится, появились торговцы и потешники со своими балаганами и тряпичными куклами, пляшущими на нитях. Кто победнее до бережливее, заночевали близ деревни. Кто побогаче – сняли комнаты в «Золотой кобыле». Для них Жирный Карл – к большому неудовольствию Марлы – устроил показательный выход в трапезную пострадавшего Сэма. Парня выводили под руки Сали и Лыбка. Сэм тряс замотанной тряпками головой и жалобно стонал.

Этот ход себя оправдал вполне. Наутро воскресенья на втором этаже харчевни не оказалось ни одной свободной комнаты, а трапезная была забита под завязку, не успело взойти солнце. Жирный Карл втайне сожалел о том, что следы крови со стен, пола и потолка тщательно замыли, и даже ездил к Маралу с предложением отложить наказание хотя на один день. Но староста не согласился. «Барыши барышами, – сказал он, – а дело затягивать не годится. Слышал, что народ промеж себя говорит?»

Карл слышал. Пришлым преступник представлялся огромного роста злодеем со зверской физиономией, обладающим чудовищной силой. Он сам уже немного побаивался, как бы не вышло конфуза, когда на помост, который теперь на скорую руку соорудили перед храмом Нэлы, выведут избитого и замороженного двенадцатилетнего мальчишку. Но жажда наживы пересиливала этот страх. «В конце концов, – успокоил Карла Марал, – и после наказания народ на денек-другой задержится...»

К полудню площадь перед храмом (попросту – относительно ровная небольшая каменная площадка) была заполнена громогласно гомонящей толпой. Половина из пришедших полюбоваться на порку были уже пьяны. Люди толкались у торговых палаток, установленных поодаль, где продавалось или выменивалось на продукты и звериные шкуры вино по такой цене, что в другой день никто бы и не подумал ее платить. Толкались и возле балаганов, которые уже понемногу, один за другим, начинали сворачиваться – ибо наступало время главного представления.

На помосте, возвышающемся над землей на высоту человеческого роста, крепенький мужичок не из местных, облаченный лишь в короткие штаны и кожаный фартук, замачивал в деревянной бадье с рассолом с полдюжины плеток, извлекая их поочередно из большого мешка. Плетки, с короткими рукоятками и довольно длинными узкими ремешками, вовсе не выглядели устрашающими, но, когда мужичок, проверяя, резко взмахнул одной из них в воздухе, как-то по-особому захлестнув рукой, ремешок свистнул так остро-пронзительно, что ближай-

шие к помосту мужики невольно поежились. Мужичок, заметив это, мотнул круглой, коротко остриженной головой и засмеялся.

В «Золотой кобыле» готовили две телеги. На одной решили везти связанного Кая, на другой Сэма в сопровождении двух доброхотов, которым Карл пообещал бесплатную выпивку. В суматохе отправки процессии мало кто обратил внимание на четырех всадников, въехавших во двор харчевни. Да и сами всадники, укрытые длинными и просторными дорожными плащами, вроде бы не особенно интересовались происходящим.

Эти четверо, не торопясь, спешили с крепконогих низкорослых коней, тяжело нагруженных большими тюками. Двое – мужчины среднего возраста – занялись конями, остальные – высокий сухопарый старик с аккуратной подстриженной седой бородой и длинноволосый юноша, чье лицо, должно быть, еще никогда не касалась бритва, – перекинувшись парой слов, разошлись в разные стороны. Юноша отправился в харчевню, очевидно, распорядиться насчет обеда и постоя, а седобородый, совсем по-стариковски крикнув, присел рядом с пьяненьким мужиком из Лысых Холмов по имени Гог, с кружкой пива в руках отдохнувшим на бревне в сторонке от шумных сборов.

Неизвестно, о чем заговорил с Гогом старик, но уже спустя минуту Гог, дружески обняв старика за плечи, что-то горячо шептал тому на ухо, а еще через пару минут принялся совать незнакомцу свою кружку.

В то же самое время юноша в трапезной харчевни, расплачиваясь с Лыбкой за постой, задержался у стойки немного дольше, чем требовалось, чтобы просто отдать деньги и обменяться необходимыми фразами.

Вернувшись во двор, юноша нашел старика. О чем-то коротко посоветовавшись, они взлетели на коней, с которых их товарищи успели снять тюки, выехали за ворота и поскакали по направлению к Лысым Холмам.

Очень скоро они оказались у храма Нэлы. Толпа, сгрудившаяся на площади, возбужденно гудела, потому что до начала порки времени оставалось совсем немного. Тем не менее чужаки не кинулись в толпу отвоевывать у деревенских зевак места, с которых лучше видно помост, как, наверное, следовало бы ожидать. Старик направился к палатке, где торговали вином, приобрел целый кувшин, беспечно пристукнув по прилавку кошельком, набитым серебряными монетами, чем моментально заслужил доверие и уважение располагавшейся неподалеку подпитой компании.

Юноша же, которого отправившийся промочить горло старик оставил присматривать за лошадьми, приказом старшего товарища пренебрег. Да и кто бы на его месте поступил иначе, если проходящая мимо девушка послала в его сторону игривый взгляд, качнув при этом не по летам налитыми бедрами?

Устремившись вслед за деревенской кокеткой, парень тут же нарвался на ее мамашу, покупавшую в одной из палаток сахарный пряник. Мамаша, отвесив расшалившейся дочери леца, обрушила на несостоявшегося ухажера гневную отповедь. И верно: кому ж понравится, когда к твоей кровинушке льнет какой-то нездешний прохвост? Но юноша, хоть и смутился сначала, не отступил. Отвесив толстозадой бабище учтивый поклон, он изъявил готовность расплатиться за пряник и, облокотившись о прилавок, завел длинную речь, по окончании которой бабища гыгыкала и стреляла глазками не хуже своей малолетней вертихвостки.

Впрочем, с крестьянкой юноша проговорил недолго. Откланявшись и украдкой послав воздушный поцелуй ее дочери, которая, разобидевшись, крутилась неподалеку, он поспешно возвратился к коням, где его уже поджидал старик с кружкой вина в руках.

Должно быть, крепкое вино ударило в голову седобородому, потому что ругаться на юношу за отлучку он не стал, а, напротив, выслушав, потрепал по плечу.

Потом над толпой пролетел зычный голос, призывающий к тишине, и все до одного зеваки обернулись к помосту, где стоял, упревая руки в бока, здоровенный чернобородый

мужик, одетый в косматую куртку из шкуры черного барана и поэтому очень похожий на лесного медведя.

– Здешний деревенский староста, – шепнул юноша старику, – Маралом зовут.

Старик кивнул.

– И вот что интересно, – сказал он, погладив бороду. – Почти все знают истину, но предпочитают тот вариант, который для них более удобен. Люди... – тихо добавил он и сказал еще кое-что, предназначенное, скорее, не юноше, а самому себе: – Впрочем, как и всегда...

– Можно мне пойти, Герб? – спросил юноша. Старик покачал головой.

– Я сам это сделаю, – проговорил он.

* * *

Кай лежал на телеге, зажмурившись. После долгого времени, проведенного в темном подвале, он никак не мог привыкнуть к яркому свету. Перед тем как погрузить на телегу во дворе «Золотой кобылы», его развязали, но руки и ноги мальчика еще не вполне обрели нормальную подвижность. Он даже не мог перевернуться на живот, чтобы спрятать лицо в соломе.

Вряд ли Кай понимал, что с ним делают и что ему сейчас предстоит. Марал рассчитал правильно – от длительного недоедания и вынужденной неподвижности со стянутыми конечностями сознание мальчика было затуманено.

Но сквозь этот туман просачивался шум толпы. Запахи табака, вина и поджариваемого на углях мяса вызвали тошноту. Вот кто-то совсем рядом начал говорить, и толпа смолкла – голос несся откуда-то сверху, словно говоривший стоял на возвышении. Речь была недолгой, и, когда она окончилась, толпа взревела.

Чьи-то сильные руки подняли Кая с телеги и куда-то поволокли. Вокруг мальчика шумело, но сил, чтобы поднять голову, не было. Все, что он видел, – это пробегающая внизу земля с клочками истоптанной травы. Потом трава сменилась деревянными ступенями, потом – свежеструганными досками. В нос ударил одуряющий запах недавно срубленной сырой древесины.

Кая положили на большую колоду лицом вниз и, протянув вперед руки, крепко стянули запястья веревками. Вроде бы орудовал один человек. Это он высоким от возбуждения голосом все приговаривал:

– Та-ак, вот та-ак, еще немножко... – От этого человека резко пахло потом и еще незнакомо и неприятно, чем-то соленым.

Щекой Кай упирался в нагретую солнцем шершавую поверхность колоды. Перед его глазами мутно качались лохматые головы. Потом доски закрипели – на помост вошел кто-то еще. Через несколько мгновений Кай услышал густой голос деревенского старосты Марала:

– Властью, данной мне его сиятельством графом Конрадом, за беспричинное нападение с целью смертоубийства и нанесение тяжелейших увечий невинному юноше приговариваю отрока Кая, урожденного города Мари, к публичной порке в пятьдесят плетей! Приговор приводится в исполнение немедленно!

Эта длинная и малопонятная фраза бессмысленным гулом отдалась в голове Кая. Он даже не сделал усилия, чтобы уяснить для себя ее значение. Над мальчиком что-то свистнуло. Солнце все еще резало глаза, поэтому Кай опустил веки.

Мужичок в кожаном фартуке, красуясь перед толпой, широко расставил ноги и еще раз взмахнул над головой плетью. Узкий кожаный ремень, смоченный в рассоле, пронзительно свистнул в горячем воздухе. На первые ряды зевак полетели соленые капли. Кто-то восхищенно цокнул языком, кто-то крикнул хриплым пьяным басом, перекрывающим шум толпы:

– Давай, ожги!

Нездешний мужичок зачем-то облизнулся, оскалился, занес плеть над привязанным к колоде мальчиком... И вдруг замер, будто заметив что-то. Кожаный ремешок бессильно опустился ему на плечо.

Толпа на мгновение затихла, не понимая, в чем дело. А к помосту, раздвигая оторопевших крестьян, пробрался старик с аккуратно подстриженной белой бородой, в длинном дорожном плаще. Неспешно поднявшись по ступенькам, он спокойно отодвинул в сторону изумленного до крайности экзекутора и принялся развязывать веревки на руках Кая. Много времени у него это не заняло – подцепив пальцем узел, он легко распустил его, будто узел был едва стянут.

К этому моменту очнулся мужичок с плетью. Пока старик занимался веревкой, он глядел на него во все глаза, пытаясь определить, что же за человек перед ним и по какому праву он вмешивается в процедуру публичного наказания. Запыленный дорожный плащ и выглядывающие из-под него грязные стоптанные сапоги ясно говорили о том, что их владелец небогат и путешествует довольно давно, – стало быть, родина его, скорее всего, находится далеко от этих мест. Но манера держаться и абсолютно спокойное непроницаемое лицо старика, с которым он вошел на помост, поставили экзекутора (да и наверняка всех остальных на площади) в тупик. Седобородый совершал из ряда вон выходящий и, конечно, противозаконный поступок неторопливо и безволнительно, будто делал нечто совершенно естественное.

Толпа молчала. Но кое-кто уже начинал шушукаться. Недалеко от помоста, стоя на телеге, в которой находился перевязанный тряпками Сэм, староста Марал и Жирный Карл недоуменно переглядывались.

– Эй! – окликнул старика экзекутор. – Ты чего это? Эй?

Старик не обернулся. Он снял мальчика с колоды, попробовал поставить на ноги, а когда ноги Кая подломились, осторожно поднял его и положил на плечо.

– Эй! – раздался в перешептывающейся тишине голос Марала, и множество голов повернулись к нему. – Ты кто такой? Назови свое имя, чтобы его сиятельство граф Конрад узнал, кто осмелился противиться его власти!

Старик, не удостоив старосту взглядом, держа безвольно обвисшее тело мальчика на плече, шагнул к ступенькам, ведущим вниз с помоста. Передние ряды зевак вдруг шарахнулись назад, и в толпе послышались негодующие крики тех, кому в создавшейся давке оттоптали ноги.

Тогда мужичок, обменявшись взглядом с Маралом, вдруг взмахнул своей плетью и молча ринулся на старика. Седобородый успел сделать еще один шаг, когда экзекутор настиг его. Многие в толпе так и не поняли, что же произошло в то мгновение. Старик, не поворачиваясь к нападавшему, неуловимым движением ушел чуть в сторону, одновременно резко взмахнув свободным локтем.

Экзекутор словно поскользнулся на невидимой арбузной корке. Ошеломленно вякнув, он грохнулся на спину, задрал ноги, проехал на спине несколько шагов и кувырком покатился вниз по ступенькам.

– Разбойник! – задохнулся от крика староста Лысых Холмов. – Да что ж вы смотрите, добрые люди! Вяжите его!

Старик остановился и, прищурившись, первый раз мельком глянул в сторону Марала.

– Бей его! – крикнул еще Марал, размахивая руками. – Бей! Именем его сиятельства графа Конрада!

– Пять серебряных монет тому, кто... – рыкнул Жирный Карл, но, не закончив, соскочил с телеги, одним движением выдернул оглоблю и рванулся к помосту, на ходу распахивая зевак пинками. Вторую оглоблю схватил еще кто-то из мужиков. И сразу несколько человек, торопясь, будто боясь, что драка успеет закончиться без их участия, побежали к ближайшему плетню за кольями.

Длинноволосый юноша, стоявший у коней, проводил их взглядом, вздохнул, погладил по холке своего скакуна и снова обернулся к помосту.

Старик спокойно ждал нападавших – и под его взглядом ободрившиеся было деревенские буяны несколько стушевались. Кто знает, как повернулось бы дело дальше, если бы не Жирный Карл. Рыча, хозяин «Золотой кобылы» первым вскочил на ступеньки, а уж за ним повалили мужики.

Седобородый, на чьем плече все еще лежал Кай, взмахнул свободной левой рукой. Будто черная вода плеснула с его пальцев. Но капли не слетели вниз, а, замедлившись, вытянулись дымными нитями и за доли мгновения переплелись между собой, превратившись в темное полупрозрачное подобие извивающейся плети или сотканную из черного дыма змею.

Вздох ужаса пронесся над толпой.

Подчиняясь движениям руки старика, «плеть» неимоверно удлинилась, метнулась над головами завопивших от страха крестьян и, сжавшись, точно и резко сшибла в толпу успешного подняться на помост Карла. Те, кто шел за ним, закопошились, запутавшись друг в друге, и «плеть» пошвыряла их, одного за другим, в самую гущу людской кучи.

Один, попытавшийся спрятаться под помостом, был извлечен дымной «змеей» за ногу и, словно дохлая жаба, откинут на край площади, где и остался лежать, едва постанывая не столько от боли, сколько от страха. Нога его, в тех местах, которых коснулась жуткая колдовская «плеть», густо дымилась, но дым был не черным, а красным. Осознав, что таким образом кровоточит подранная, будто жесткой теркой, кожа, пострадавший оглушительно заорал.

– Колдун! – завопил кто-то. – Люди добрые, спасайтесь, колдун!

Марал, разинув рот, растопырил руки. То ли он попытался прыгнуть с телеги, то ли сделать что-то еще, но ноги его подкосились, и он грузно шлепнулся задницей в ворох соломы. Староста наверняка раздавил бы несчастного Сэма, если бы тот заблаговременно – когда еще только выросла из руки старика страшная черная «змея» – не сполз под телегу.

– Колдун! – кричали в толпе.

Услышав эти крики, старик нахмурился. Он снова взмахнул рукой, «плеть», оторвавшись от его пальцев, взлетела высоко в небо и там истаяла. Вслед за этим седобородый закинул полу своего плаща на плечо, обнажив блеснувший на поясе меч. Длинную рукоять меча венчала массивная голова виверны. И так – в распахнутом плаще, неся на плече бесчувственного мальчика, – старик медленно, давая возможность крестьянам убраться со своего пути, спустился с помоста.

– Болотник! – вдруг заорал кто-то, и этот крик был подхвачен многими голосами: – Болотник! Это болотник!..

И тогда те, кто еще не разбежался с площади, кинулись в разные стороны. Мыча и встряхивая головой, полз к телеге Жирный Карл. Правая сторона его лица исходила тянущимися вверх красными тающими нитями. Пошатываясь и держась за спину, спешно ковылял в сторону, противоположную деревне, потерявший свою плетку нездешний мужичок. Староста Лысых Холмов Марал так и остался сидеть на телеге.

– Болотник... – хриплым шепотом повторял он. – Это же болотник!.. Надо же... болотник...

Старик отнес мальчика к лошадям. Юноша бережно принял обмякшее тело и, подождав, пока старик усядется на своего скакуна, передал ему мальчика. Спустя несколько мгновений два всадника направились обратно – в харчевню «Золотая кобыла».

Глава 5

Каю снился странный сон. Будто бы и не было вовсе ничего ужасного, что приключилось с ним в последние дни. Будто бы он снова оказался в харчевне «Золотая кобыла», но не на дворе,

не в конюшне или на кухне, а в трапезной. Он сидел на скамье за одним из столов, и какой-то человек, по виду старый, с седой бородой, но сильный и обладающий ясным голосом, в котором не слышалось ни нотки старческого козлиного дребезжания, поддерживал его. И пуста была трапезная. Кроме самого Кая, старика и еще какого-то молодого мужчины с длинными темными волосами, ниспадавшими ниже плеч, никого в трапезной не было.

Вот подошла Лыбка. Не обычная, растрепанная и крикливая Лыбка, а какая-то новая – очень тихая, глядевшая в пол.

– Бульона с grenками, – приказал ей длинноволосый и добавил, обращаясь к старику: – Не меньше двух дней у него и крошки во рту не было.

– Три, – уверенно сказал старик.

– Так у нас... господин... – едва слышно выговорила Лыбка, – бульона-то отродясь... не бывало.

– Так сварь! – коротко ответил старик.

Лыбка опрометью кинулась прочь из трапезной, но седобородый остановил ее:

– Погоди. Принеси сначала воды и красного вина.

Потом Кай пил окрашенную вином воду и чувствовал, как это питье возвращает ему силы, а вместе с тем и способность мыслить. Какие-то сомнения закопошились в его голове. Сон все это или явь?

Темный и холодный подвал... Потом свет масляного светильника... И оскаленная харя Жирного Карла, с шипением выплевывающая слова, из которых получалось, что он, Кай, едва не убил Сэма... А потом – всплывший в памяти страшный разговор, подслушанный на опушке леса... И снова приступ бешеной ярости, выплеснувшийся в дикий крик... Побои... Здоровенные кулачищи, вылетающие из расцвеченного кровавым светом полумрака... И мечется на фитиле огонек, бессильно пытаюсь разогнать тьму...

Так все это было на самом деле? Или?..

Суд и лживые слова всех этих гадов... Их мерзкие рожи, на которых читались только ненависть, презрение и гадливость и лишь на некоторых – равнодушие... Потом – яркий день и шум толпы... Наказание уже свершилось? Но кто тогда эти люди – старик и юноша? И куда подевался Жирный Карл и этот недорезанный урод Сэм?.. Как же он их всех ненавидит!..

Кай пытается спросить у старика, что все это значит, и куда пропали Карл с Сэмом, и что случилось со служанкой? Но язык не может выговаривать слова, даже голова с трудом поворачивается и все норовит упасть на грудь.

Непривычно тихая Лыбка приносит большую тарелку с горячим бульоном, и сознание Кая снова меркнет. Непослушной рукой он берет ложку, проглатывает раз, другой – и ложка вываливается из его рук. Затем опять появляется у его рта – это уже старик кормит его. Но бульон выливается на грудь. Нет сил, чтобы глотать, нет сил даже на то, чтобы почувствовать боль от ожога.

И все проваливается в темную муть.

* * *

Кай проснулся в теплой и мягкой постели, но комнату, где стояла кровать, узнал не сразу. Он переводил взгляд с маленького окна, на котором трепетала от утреннего ветерка занавеска, на грубо сколоченный табурет в углу, с табурета на закрытую дверь – и обратно. Комната казалась ему очень знакомой, и в то же самое время он не мог понять, где он все это видел.

Приподняв голову, он заметил стоящий в углу глиняный горшок. Увидев этот горшок, которому полагалось вообще-то находиться под кроватью, Кай вдруг все понял. Он все еще в харчевне «Золотая кобыла»! Сколько же раз ему приходилось по утрам выносить такие вот

горшки – и из этой, и из других комнат харчевни! Только почему он валяется здесь, словно толстопузый богач торговец? Что происходит?!

В голове мальчика, уже значительно прояснившейся, пробежали последние события. Только с того момента, как его привязали к колоде, и до того, как он оказался в трапезной харчевни, зияло большое непроглядно-черное пятно. Нет уж, Жирный Карл ни за что на свете не пустил бы его в эту комнату. Он скорее сдох бы, чем сделал это... Но ведь Кай здесь. Не значит ли это, что...

Тут дверь отворилась, и в комнату вошел незнакомый лысый мужчина в потертой кожаной одежде. В руках он держал глубокую миску, из которой шел пар. Ногой придвинув себе табурет, мужчина уселся и, поставив миску себе на колени, извлек из-за пазухи большую деревянную ложку.

И улыбнулся Каю.

Странная была эта улыбка и даже, пожалуй, страшноватая. Да и от самого мужчины веяло чем-то необычным, чем-то совсем нездешним. Голова незнакомца, как теперь понял Кай, облысела вовсе не от времени (мужчина был далеко не старик). Она была покрыта синевато-белыми бесформенными пятнами, по краям этих проплешин робко проглядывали почти бесцветные коротенькие волосинки. Кроме того, на левой стороне подбородка темнел округлый шрам – очень необычный, обрамленный круговыми резкими морщинами. Словно в лицо этому человеку вонзили крючковатый клинок и принялись вращать, накручивая на лезвие живую кожу. Оттого левый уголок рта незнакомца всегда был оттянут книзу, и, когда незнакомец улыбался, губы его принимали форму зигзага.

– Кто ты? – спросил Кай.

– Меня зовут Рах, – ответил мужчина глухим сыроватым голосом и опустил ложку в миску.

– А где... – Кай наморщился, вспоминая. – Где... старик с белой бородой... такой, короткой, подстриженной?..

– Его имя Герб, – сказал Рах. – Он внизу. Заканчивает завтрак.

– Герб... – повторил мальчик. – И молодой мужчина с длинными волосами...

– Трури, – кивнул Рах.

– Трури...

У Каю было столько вопросов, но, как только он пытался сформулировать их, в голове возникала сумятица, мешавшая все мысли. Он хотел знать, кто эти люди, почему они возятся с ним, куда подевался Жирный Карл, и вообще почему в харчевне так странно тихо, и что случилось там, на площади?

– Жирный Карл... – выговорил Кай. – Вы... убили его?

Лысый Рах слегка удивился:

– Нет...

– А где он?

– В последний раз я его видел на кухне, – сказал Рах. – Он готовил тебе этот бульон.

Каю показалось, что он ослышался. Того, о чем говорил этот человек, просто не могло быть! Видимо, на лице мальчика отразилось недоумение такой силы, что Рах сказал:

– Довольно вопросов. Ты еще слишком слаб. Поешь и поспи. Нам скоро надо уезжать.

Уезжать?! Эти люди уедут, и что тогда станет с ним, с Каем? Да Жирный Карл из него самого бульон сварит!

– Вы уедете? – простонал мальчик.

– Конечно. Мы не можем оставаться здесь надолго. Нас зовет долг.

Эти слова были произнесены тоном простым и естественным, и Кай не нашелся, какой еще задать вопрос. Долг? О каком долге говорил Рах? Кто вообще мог дать денег таким странным людям? Но... Они уедут!

– Пожалуйста! – попросил Кай, чувствуя, что слезы помимо его воли вот-вот потекут из глаз. – Пожалуйста...

– Ты хочешь поехать с нами? – догадался Рах.

– Да!

– В таком случае мы возьмем тебя с собой, – сказал Рах.

Кай не стал спрашивать куда. Это его попросту не интересовало. Лишь бы подальше отсюда! И поскорее... Опасаясь говорить дальше (а вдруг этот удивительный человек передумает?), Кай поспешно принялся глотать бульон. Когда он захлебнулся и закашлялся, Рах спокойно произнес:

– Не торопись.

Дальше мальчик хлебал бульон пополам со слезами. Он все-таки расплакался.

Хорошо еще, что Рах этого так и не заметил. По крайней мере, уходя, он потрепал Кая по плечу и сказал:

– Храбрый парень...

Кай уже засыпал, когда дверь в комнату снова открылась, и вошел тот седобородый старик – Герб. Ни слова не говоря, он откинул одеяло, внимательно осмотрел мальчика, поднял пальцами его подбородок, заглянул в глаза. Потом кивнул, словно не Каю, а своим собственным мыслям, достал из принесенного мешка крохотную фляжку из какого-то диковинного пузыря, похожего на высушенный рыбий, только гладкого, на вид очень прочного и абсолютно прозрачного, капнул несколько капель из этой фляжки Каю на язык. Так же, как и Рах, потрепал мальчика по плечу, но ничего не сказал. И вышел, неслышно прикрыв за собой дверь.

* * *

Жирный Карл домыл посуду и осторожно присел на скамью. Ему показалось, что в пустой и холодной кухне мусорно, он машинально взялся было за метлу, но тут же со злостью отшвырнул ее.

Проклятье!

Чтоб хапуны разорвали этих нелюдей, болотников! И как только повелитель великого королевства Гаэлона его величество Ганелон не разгонит их? Мыслимо ли это: так надругаться над властью деревенского старосты, а значит, и властью его сиятельства графа Конрада, а значит, и над королевской властью?! Что приспичит им, то и творят, паскуды! И, главное, не найдешь на них никакой управы!

Послать гонца к графу?... К тому времени болотников уже и след простынет. Да и будет ли граф с ними связываться? Ратников против них высылать явно не станет, потому как точно не захочет тех ратников потерять. Все, что он может, – это призвать подлецов к порядку, но эти гады в первые же минуты своего пребывания в Лысых Холмах умудрились вынюхать всю правду о чокнутом псенке и его вшивой мамаше и, конечно, не преминут наябедничать.

Откуда они вообще появились здесь?

Не один десяток лет о них ни слуху ни духу не было. Даже торговцы, известные трепачи и ввали, ни одной, самой маленькой, истории не привозили... И что теперь делать?

Марал от испуга задал драпака, а куда – про то никому не сказал. Деревенские из Лысых Холмов еще неделю носу из своих халуп не высунут и вблизи «Золотой кобылы» не объявятся. Господин графский мытарь Симон впервые за свою сознательную жизнь второй день подряд трезвый ходит. А эти сучки, Сали и Шарли, сбежали в деревню, и никакой руганью, никакими уговорами, угрозами и посулами их убедить остаться не удалось. Даже глухонемой Джек сидит в конюшне и выходить отказывается. На всю харчевню только он сам, Карл, и остался. Ну еще Лыбка, дура набитая, из-за тупости своей слабо понимающая что к чему. Беднягу Сэма, лежащего в одной из комнат, полумертвого от страха и ран, и Марлу, тоже, кстати говоря, про-

тив обыкновения притихшую, можно в расчет не брать. Так вот и получается, что приходится четырех гадов-болотников и этого проклятущего щенка обслуживать одному...

Карл пнул ногой метлу и вслух злобно выругался. Потом, спохватившись, зажал себе рот рукой. Чего доброго, услышат... Услышали же, сволочи, когда он вчерашней ночью, втихую собрав денежки в кошель, выводил израненного Сэма во двор. И как тихо шли – ни половицей не скрипнули, не дышали почти! А во дворе, возле конюшни с уже оседланным и приготовленным для бегства вороным жеребцом, ждал их этот старик... Который – как самолично видел Карл – еще минуту назад сидел над кружкой пива в пустой трапезной, одиноко над чем-то размышляя или даже, может быть, подремывая. Дождался и доступно объяснил, что самым лучшим решением для Карла будет остаться в харчевне и добросовестно выполнять свои обязанности.

Вообще, странно, что болотники его до сих пор не казнили. Ведь душегубы они отчаянные. Вона как они его уходили...

Подождав немного и убедившись, что ответной реакции со стороны всевидящих и всеслышающих болотников можно не опасаться, Карл подошел к лохани с водой и поглядел на темное, колышущееся отражение.

Правая щека его вздулась красным пузырем. Похоже было на то, будто Жирного Карла кто-то схватил за ухо и с силой повозил физиономией по шершавой каменной стене. Одно слово – душегубы!

И самое поганое: ведь знают, что щенок сына его покалечил, а заставляют самого Карла за щенком ухаживать! Того и гляди Сэма с кровати сдернут, велят ему горшок псеньки выносить. Нелюди! Вот как издеваются! Правду говорят, нет в них сердца человеческого, в болотниках...

* * *

На следующее утро Кай выбрался из своей комнаты. Позавтракав бульоном, который принесла ему в трапезную Лыбка, он вышел во двор, где Жирный Карл, пыхтя и обливаясь потом, колот дрова. Мальчик попятился было, готовясь убежать, но на крыльце за его спиной откуда-то появился один из этих странных людей – Крис, средних лет коренастый мужчина с широченными плечами. С первого взгляда неповоротливый и неловкий, этот Крис, как уже успел заметить Кай, двигался настолько тихо, что его не то что не было слышно – пламя свечи не колыхалось, когда он проходил мимо.

Наткнувшись спиной на Криса, мальчик обернулся и встретился с ним взглядом. Что-то такое было в серых глазах мужчины, что-то, что заставило Кая выпрямиться и пройти через весь двор, даже не посмотрев на Карла, – что-то, чему мальчик не сразу подобрал слово. Спокойная сила – вот, пожалуй, что читалось во взгляде Криса. Это в общем-то незначительное открытие поразило мальчика. К вечеру, поразмышляв над этим и понаблюдав за удивительной четверкой, он понял: эта сила – главное, что есть в них во всех. Сила и уверенность. Понимание собственной силы не оставляло места для страха и ненависти. А еще они были абсолютно и безоговорочно уверены в том, что делают, и потому – спокойны и невозмутимы.

Но он-то, Кай, был вовсе не таким! Если искалеченный Сэм теперь не возбуждал в нем никаких чувств (включая и жалость), то Жирного Карла Кай боялся и ненавидел всей душой. Даже больше ненавидел, чем боялся.

Пожалуй, он улучил бы момент и напал на бывшего своего господина с ножом, если б у него было побольше времени, чтобы окончательно окрепнуть. Пусть не одолел бы, но... будь что будет!..

Однако на следующий день, когда Герб убедился, что мальчик может есть твердую пищу и довольно сносно сидит на лошади, они, уже впятером – Герб, Трури, Рах, Крис и Кай, – покинули Лысье Холмы.

Кай, ехавший впереди процессии, в одном седле с Гербом (перед стариком, потому что сзади не было места из-за огромного тюка, с которым Герб сюда и приехал), неожиданно подумал, что вот уже несколько дней его мысли не возвращались к Северной Крепости.

Часть третья

Начало пути

Глава 1

Дорога бежала вперед, ныряла в светлые зеленые перелески, поднималась на холмы, покрытые выжженным солнцем песком, точно плешивые головы, щедро усыпанные перхотью, опускалась в низины, где под копытами коней чавкала жирная грязь. Дорога то расширялась в две колеи от колес телеги, то сужалась до едва заметной в траве тропинки. Герб с Каем ехали впереди, за ними на расстоянии в половину лошадиного крупы, не переставая насвистывать, трусил Трури, замыкали процессию Рах и Крис. Похоже, они были старыми друзьями, потому что кони их шли бок о бок, позволяя всадникам изредка обмениваться короткими, негромкими фразами. Монотонно поскрипывали большие тюки, укрепленные позади седел на каждой лошади.

В пути вообще разговаривали очень мало. Кай еще в первый день путешествия подумал: эти четверо так давно знают друг друга и, должно быть, так много перенесли вместе, что все темы для разговоров уже исчерпаны. Чем больше он наблюдал за этими людьми, тем больше убеждался: кажется, они знают что-то такое, большое и глубокое, на фоне чего обычные разговоры представляются попросту излишними.

А что он знал об этих людях?

Главное – это то, что они спасли его, выходили и увезли из проклятой харчевни. Они спокойно и уверенно восстановили справедливость, правда, не совсем такую, какую хотелось бы Каю. Если Герб и его спутники убедились в том, что Сэм, Жирный Карл и староста Марал со всеми его прихвостнями – настоящие преступники, почему они даже не попытались наказать их? Точно им не было до них никакого дела. Уезжая, Герб даже расплатился по счету с Жирным Карлом. Тем не менее эти люди чрезвычайно нравились Каю – таких, как они, он никогда не встречал. Поэтому (больше инстинктивно, чем осмысленно) мальчик очень хотел понравиться странной четверке. Как и они, он молчал, не приставая с расспросами и не произнося слов, в которых не было острой необходимости. Впрочем, у его молчаливости была еще одна причина – он все же не совсем оправился после последних кошмарных событий.

Вдобавок Кай слышал, как там, в «Золотой кобыле», Герба, Трури, Раха и Криса называли болотниками. Что означало это слово, он не знал, но понял, *как* обитатели харчевни произносят это слово – с суеверным ужасом.

Что ж, болотники так болотники...

К вечеру первого дня путешествия Кай все-таки решился задать Гербу вопрос: «А куда мы едем?»

– Домой, – улыбнувшись, ответил старик. – На Туманные Болота.

– Вы там живете? – спросил мальчик, подумав: «Вот оно что! Вот почему – болотники!»

– Да.

– А где это? Далеко?

– Да...

Первую ночь они провели в какой-то случайной таверне, рангом много ниже «Золотой кобылы» – попросту большой, огороженной высоким забором хижине, где лошадей привязывали к деревьям, а путники все вместе ели, пили и спали в единственной комнате.

Второй раз переночевали на постоялом дворе, стоящем на краю большой деревни, – тот оказался много шикарнее харчевни в Лысых Холмах. Трапезная занимала весь первый этаж

огромного каменного дома: если сесть в одном конце зала, противоположную стену было уже непросто увидеть в табачном дыму и чаду факелов и светильников.

Путники попали в таверну в разгар какого-то местного праздника. В центре зала, освобожденном от столов, под залихватистый свист и визг многочисленных дудок, плясали мужчины и женщины, а в углу, на огромной жаровне, вращаясь на железном вертеле размером со ствол небольшого дерева, целиком зажаривался молодой бычок.

Парень, которому доверили крутить ручку вертела, успел уже порядком напраздноваться: выполняя порученную работу, он во всю глотку горланил песни и даже умудрялся приплясывать – с большим, кстати говоря, риском для собственной жизни, ибо, оступившись, рухнул бы в огонь и разделил участь злосчастного бычка. И вряд ли кто смог бы ему помочь. Относительно трезвыми в таверне оставались лишь служанки, сбивавшиеся с ног, разнося по столам кружки и кувшины.

Неподалеку от жаровни пригласилась компания гномов. Маленький народец оказался вовсе не чужд человеческому празднику. Один из гномов, возвращаясь со двора, вследствие выпитого перепутал стол, уселся за соседний и изумленно захлопал глазами, обнаружив вместо своих низкорослых собратьев верзил-крестьян. Крестьяне, впрочем, тоже удивились.

– Арьян... – выговорил заплетающимся языком один из них, пристально глядя на гнома. – Ты это... больше не пей... А то тебя от пива чего-то того... съежало... И борода до пупа оттянулась...

Какой-то мужик с реденькой рыжей бороденкой – вполне может быть, тот самый Арьян, – блуждая меж столов, сумел вычислить место дислокации своих собутыльников только примерно, поэтому бухнулся на свободный табурет, оказавшийся у соседнего стола, за которым сидели гномы. Тут пришел его черед изумляться причудливым переменам действительности.

– Ребятишки... – прокряхтел он, окинув мутным взглядом подземных мастеров. – Ну-ка марш домой к мамкам! Думаете, паклю на мордашки намотали, так за взрослых сойдете? Марш, кому сказал, детям тут не место!..

Болотники в общем веселье не участвовали. Они заняли дальний стол, съели по тарелке кукурузной каши и по порции вареной говядины. Впрочем, когда к Крису, шатаясь, подковылял какой-то хмельной мужичонка и с потешной свирепостью потребовал немедленно угостить его выпивкой, Крис молча кивнул и извлек из поясной сумки мелкую медную монетку.

Каю это не понравилось. Как он успел заметить, денег у его спутников было немного. И пусть крохотная медная монетка не могла нанести ощутимого ущерба кошельку путешественников, пьяные хари крестьян все еще были ненавистны мальчику. Он бы предпочел, чтобы Крис развернул гримасничающего попрошайку ударом по дурной косматой голове. Пускай тот поднял бы крик, на который сбегались его приятели! Болотники бы им показали! И он сам, Кай, непременно ввязался бы драку. Ух, он бы им показал!.. Ну почему Крис так поступил? А паскудный мужичонка, прихватив со стола монетку, горделиво удалился, подмигивая кому-то за соседними столиками – вот, мол, дурачки-чужестранцы предпочли откупиться, чтобы не связываться. И даже не поблагодарил.

Кай промолчал, отвернувшись в сторону, чтобы никто из болотников не заметил выражения его лица. Правда, почему-то все четверо в тот же момент дружно расхохотались, и Герб хлопнул Кая по плечу, отчего досада мальчика несколько уменьшилась.

Спать легли на крытом дворе, возле лошадей и сваленных кучей тюков.

* * *

А на следующий день случилось нечто, чему Кай объяснения подобрать так и не смог и о чем долго вспоминал с горьким стыдом.

Утром мальчик проснулся в дурном расположении духа, причину которого он сам для себя едва ли мог точно определить. Плотно позавтракав в таверне предусмотрительно оставленной еще с вечера кашей, болотники погрузили тюки на лошадей и еще затемно покинули двор, заваленный бесчувственными телами, словно после яростной битвы.

Дорога, по которой они ехали теперь, изменилась – ее почти не было видно в траве. И по пути уже очень редко попадались селяне, и по сторонам дороги уже не встречались низкие одинокие домишки.

Болотники с самого утра и до обеденного привала не проронили ни слова – ни один. Только Трури, по своему обыкновению, негромко насвистывал, покачиваясь в седле. Часа два спустя после полудня они остановились у ручья, близ которого росла дикая слива. Напоив коней и поев кислых жестких фруктов, четверо мужчин и мальчик продолжили путь.

Дурное настроение Кая усилилось. Странное поведение его спутников на деревенском постоялом дворе сбило мальчика с толку, и поэтому их молчаливость стала теперь настораживать Кая. А первым заговорить Кай не пытался из какого-то дурацкого упрямства. Он стал припоминать и другие странности этих людей, которых и раньше не мог объяснить... И, должно быть, вследствие не затянувшейся еще психической раны Кая начали мучить сомнения. Он все больше не понимал, что ждет его впереди.

Кто они такие, эти болотники? И так ли они благородны и честны, как показалось ему сначала? Может быть, они просто хотят выглядеть такими? А на самом деле...

Ночь застала путников в диком поле, густо поросшем полынью. Кое-где из низинок торчали белеющие в темноте березки – вот и все, что можно было разглядеть при свете крупных звезд, желтыми пчелами облепивших сине-черный небосвод.

Всадники спешили, освободили от груза тюков лошадей. Они по-прежнему не разговаривали, но в каждом их движении, в органичной чередности этих движений ясно прочитывался определенный смысл. Будто четверо заранее договорились о том, что каждый из них будет делать.

Герб похлопал по крупу своего жеребца, зашел спереди и, оттянув ему мохнатое ухо, проговорил несколько непонятных слов. Жеребец тряхнул мордой, зафыркал и медленно ушел куда-то во тьму. Крис в это время укладывал тюки так, чтобы они образовали правильный четырехугольник. Рах, вооружившись тяжелым ножом, отошел к низинке, откуда тотчас послышались резкие удары клинка о древесину – наверняка он готовил дрова для костра. Трури извлек из поясной сумки какую-то веревку, в которой Кай с некоторым удивлением угадал сплетенный из конского волоса силок. Кого он собрался здесь ловить, в этой пустой степи? Мышей? Ночью?.. Тихонько посвистывая, юноша удалился, а Герб ножом ловко и быстро снял слой дерна в центре «квадрата» и принялся копать ямку.

Кай присел у одного из тюков. Ноги его и спина гудели от усталости. Очень хотелось есть и пить. Он попытался припомнить: захватили ли с собой болотники какие-нибудь припасы и воду из таверны – и не смог.

Где-то недалеко тонко заржал жеребец Герба. Зафырчали и забеспокоились кони болотников. Старик прервал свою работу, поднял голову и, посмотрев на Кая, мягко приказал:

– Принеси воды.

Кай поднялся. С минуту он молчал, соображая, но Герб продолжал копать и больше, казалось, не обращал на мальчика внимания. Снова долетело из темноты лошадиное ржание. Кай, мысленно чертыхнувшись, поплелся на этот звук. Герб резко и громко выкрикнул какое-то непонятное слово, и кони двинулись вслед за мальчиком.

Кай настолько устал, что не сразу это заметил. Он даже не подумал, во что он будет набирать воду и где он вообще эту воду возьмет. Впрочем, довольно скоро он наткнулся на жеребца Герба – животное стояло над маленьким озерцом, подпитываемым, видимо, подземным ключом, и хлюпало мордой в воде. Коня Трури, Раха и Криса немедленно последовали его при-

меру. Кстати, к седлу жеребца Герба – как теперь заметил Кай – был приторочен небольшой котелок. Кай снял его и, ожидая, пока кони напьются, грязь и ил улягутся, чтобы можно было попить самому и набрать воду, уселся рядом.

Что-то очень не по себе было мальчику.

Он думал о том, что раньше болотники вели себя много приветливее – когда ухаживали за ним в «Золотой кобыле». А теперь, в этой дикой местности... они и слова ему не скажут. На самом деле – кто же они такие? И почему все-таки они так легко согласились взять его с собой? И как так получилось, что он, Кай, уже умудренный горьким опытом жизни – не верить никому, – вдруг проникся к ним почти безграничным доверием. Колдовство? Эти четверо – искусные и хитрые колдуны! Недаром же их все так боятся. И кони у них... сами воду ищут. Может, эти болотники увозят мальчиков в глухие места, чтобы... Чтобы – что?

Кай поежился. Какие-то совсем уж несуразные мысли полезли в голову.

Припасов не взяли... Трури с силком ушел куда-то во тьму и пропал... Ну некого ловить в пустом поле, зачем ему силки?..

Кай вздрогнул и заозирался, будто ожидал, что вот-вот и правда из темноты бесшумно шагнет коварный болотник с силком в руках. Не ему ли, Каю, уготована участь попасть на костер, который сейчас разводит Герб?

Нет, чушь какая!..

А вдруг не чушь?

Кони между тем напились. Кай подождал немного и напился сам из котелка. В лагере развели костер. А мальчик стоял с котелком в руках и щелкал зубами от ночного холода и страха. Возвращаться к костру он боялся. Но и бежать ему было некуда. Он знал, что далеко не уйдет.

Все же он отбежал на несколько шагов, опустил в одуряюще пахнущую полынь и... сам не заметил, как заснул...

Проснулся неожиданно – оттого, что кто-то потряс его за плечо. Кай открыл глаза и обнаружил себя лежащим на земле у костра, завернутым в плащ. Он рывком поднял голову и наткнулся взглядом на Трури, который, сидя на корточках, скреб ножом шкурку, похожую на лисью. Трури подмигнул мальчику. Остальные болотники сидели вокруг костра, на котором кипел котелок. Из котелка пахло вкусно – правда, не мясом, а травяным отваром.

«Неужели все съели? – изумился мальчик. – До единого кусочка?»

Трури, на которого снова упал взгляд Кая, опять подмигнул. Это окончательно вывело из себя мальчика. Они молчат, не разговаривают с ним, морят его голодом, да еще и смеются над ним! Он вскочил, сбросив с себя плащ. Теперь все болотники смотрели на него.

– Ты хочешь о чем-то спросить? – подал голос Герб.

– Да! – выкрикнул мальчик.

– Спрашивай.

Кай открыл рот, но осекся. Что спрашивать? Зачем они взяли его с собой? Что им от него надо? Четверо взрослых людей серьезно смотрели на него, двенадцатилетнего пацана. И Кай спросил первое, что пришло в голову:

– Это... была лиса?

– Нет, – ответил Трури, – степная собака.

– Как ты... достал ее?

– Их здесь множество, – охотно ответил юноша. – Посмотри внимательнее... – Он пошарил ладонью вокруг себя, нашел и протянул мальчику несколько темных катышков. – Это их помет. Степные собаки – ночные животные, они охотятся при свете звезд. Основная их еда – мыши и тушканчики. – Трури вдруг улыбнулся и, как-то по-особому сложив губы, издал тонкий писк. – Так пищат мыши, когда чувствуют опасность.

– Ты ее подманил! – догадался Кай. – Но...

Он посмотрел на шкурку, потом перевел взгляд на догорающий костер.

– Пора есть, – сказал Герб и, сняв котелок, быстро разбросал тлеющие угли. Ножом раскопав прогретую землю под кострищем, старик один за другим стал доставать куски печеного мяса, завернутого в листья. Каждый из сидящих вокруг костра получил свою долю. Куски были совсем небольшими, оттого и пропеклись быстро и хорошо. Жадно разжевывая горячее и все-таки довольно жесткое мясо, Кай, помимо удовлетворяемого голода, ощущал еще и стыд. Доев мясо, путники снова разожгли костер и выпили травяной отвар, по очереди глотая из котелка. Вкус отвара Каю был уже знаком – именно этим зельем старик Герб поднял его на ноги в харчевне «Золотая кобыла». Воспоминание об этом заставило мальчика покраснеть. Передавая котелок по кругу, он робко взглянул в лицо старику. Ответный взгляд Герба был серьезен, суров, но никак не укоризнен.

– Люди часто говорят слова, которые вообще можно было не говорить, – сказал Герб. – Дар речи дан человеку, чтобы познавать окружающий мир и делиться опытом. Негоже мужчине и воину попусту болтать языком. Если ты хочешь что-то узнать – спрашивай. Ни один из нас не откажет тебе в честном ответе. Ты понял меня, Кай?

– Да, – сказал мальчик.

Этим вечером Кай полностью и безоговорочно доверился своим новым друзьям, потому что он ощутил, что они и есть – *друзья*. То есть люди, от которых ему не придется ждать чего-то плохого, люди, которые всегда защитят и поддержат его.

Поужинав, путники расположились на ночлег. Тепло вновь разожженного костра отражалось от тюков, расположенных на равном расстоянии от костра, поэтому привалившиеся к ним болотники проспали до утра, не чувствуя холода.

* * *

Четвертый день пути оказался длинным и тяжелым. Обеденный привал случился в лесу, где Трури приманил и поймал в силки пару зайцев. На этот раз Кай вызвался его сопровождать и выяснил, что юноша обладает удивительной способностью подражать голосам не только всех живых существ, но изображать шум ветра, вой бури, плеск речных волн и треск пламени. Еще больше изумился мальчик, когда Трури сказал, что этот дар не достался ему с рождения, а был развит путем долгих тренировок. Когда юноша по просьбе Кая свистнул так оглушительно, что спугнул стаю птиц, расположившихся на дереве неподалеку, мальчик восхищенно проговорил:

– Уши резануло... как ножом.

– Бывает, что звук режет сильнее самого острого меча, – сказал на это юноша.

– И убивает?

– И убивает, – подтвердил Трури. – Всякое явление действует на живое существо, действие может быть слабым, почти неощутимым, а может – сильным, очень сильным. Огонь греет, но может и обжечь. Ветер не всегда освежает – ураган способен разрушить самую крепкую стену. Понимаешь?

Вместо ответа Кай наморщился. Потом его осенило.

– Это... как магия? – спросил он.

– Это и есть магия. Когда познаешь суть явления, то смотришь на это явление по-другому и получаешь способность управлять им. Это и есть магия, – повторил Трури. – Но и магии нужно долго и упорно учиться, если хочешь чего-то достичь. Я был немного постарше тебя, когда начал понимать природу звука...

Кай слушал юношу, словно зачарованный. Наверное, именно в этот день он впервые понял, что мир начал поворачиваться к нему иной, доселе неведомой стороной.

– А как постичь суть? – спросил он Трури.

– Нужно учиться слышать то, что не слышат другие. Видеть то, чего другие не замечают. Ведь даже два полена в очаге сгорают неодинаково, и с закрытыми глазами по треску пламени можно многое рассказать об этих поленьях: от какого они дерева, когда были срублены, как долго они горят, толщиной они в палец или в ладонь... Человек может услышать многое, если не закрывает уши. Человек способен увидеть многое, но только тогда, когда у него открыты глаза. Чего проще было заметить вчера помет степной собаки под ногами, а?

– Да, – сказал Кай.

Они вернулись в лагерь, где их уже ждал жаркий костер. Кай уселся возле пламени так близко, что жар щипал ему лицо, закрыл глаза, пытаясь уловить смысл в огневом треске. Эксперимент этот принес кое-какие плоды, но, надо сказать, довольно неожиданные – одна зло-вредная искорка ужалила Кая в нос, напомнив ему о том, что опыт дается не только трудом, но и болью. Трури немедленно расхохотался, но мальчик не обратил на это никакого внимания – просто уселся подальше от огня и снова закрыл глаза. Тренировки с Танком приучили его делать свое дело, не глядя на то, как реагируют на это окружающие.

Кай начал учиться.

После обеда путники продолжили путь через лес. Теперь мальчик пересел к Трури.

– Я хочу научиться слушать, – заявил он юноше, и тот серьезно кивнул:

– Я научу тебя, если таково твое желание.

Задавая вопросы и получая подробные ответы, мальчик поражался тому, как из общего фона лесного шепота точно вычлениаются отдельные звуки и как эти сегменты, обретая объяснение, снова складываются в гармоничную картину. Непонятный поначалу стрекот мог сказать о том, что на лужайке шагах в десяти от того места, где проезжал маленький караван, резвится пара зайцев, а это значит, что поблизости нет ни волков, ни лисиц, ни прочих лесных хищников. Вот прошуршало что-то, невидимое и легкое, от одного дерева к другому – это белка ищет себе пропитание, прыгая по верхним ветвям. Значит, в этой части леса орешника точно не встретишь. Вот долетел откуда-то легкий стук – это упал в мох у подножия дерева плод. То есть, если на минутку свернуть с пути, можно набрать диких груш...

– А другие? – спросил Кай. – Они тоже могут слышать то, что слышишь ты?

– Они могут и много другое, – ответил Трури.

После этого Кай ненадолго притих. Он понял, почему болотники, путешествуя по безлюдным местам, не брали с собой никаких припасов, даже воды. Весь мир был открыт перед ними, словно их собственный дом. Ведь идя из одной комнаты в другую, незачем брать с собой еду.

Из леса путники вышли только к вечеру. Залитая заходящим красным солнцем долина открылась им словно на ладони. Багровый солнечный шар опускался за невиданный синий горизонт – не сразу Кай понял, что это такое. Вода!.. Водоем такого размера мальчик видел впервые. Море? Похоже, что море... А на берегу темнели высоченные стены и башни какого-то удивительно громадного города. Длинные флаги трепетали на острых шпилях... Город был словно невероятная гора, под его стенами тесно лепились друг к другу маленькие домишки, а еще ближе – лоскутами лежали на земле возделанные поля.

Кай снова ткнулся глазами в каменную громаду на берегу моря и ахнул:

– Дарбион!..

Глава 2

– Это Гарлакс, – обернувшись, объяснил Герб. – Дарбион много южнее, в неделе конного пути отсюда. Это большой город, самый большой в Гаэлоне и, уж конечно, гораздо больше Гарлакса.

– И красивее? – спросил Кай.

– У разных людей разные понятия о красоте, – помедлив, проговорил Герб. – По мне – так лес, через который мы проехали, стоит всех городов королевства, вместе взятых.

Кай недоуменно помотал головой. Какой же тогда должен был Дарбион, если даже эта громадина поражает воображение? А какие высокие стены! Этому Гарлаксу никакие налеты не страшны. По сравнению с Гарлаксом город Мари – никакой не город, а так... просто большая деревня.

– Значит, уже через неделю мы будем в Дарбионе? – спросил Кай.

– Через неделю мы будем в двух неделях конного пути от Дарбиона, – усмехнулся Трури. Кай почесал затылок.

– Я просто подумал... – начал он, но осекся, захваченный новой мыслью: – Мы сегодня будем ночевать в Гарлаксе?

– Ага, – ответил Трури. – Сегодня можешь выспаться как следует; двинемся дальше только ближе к полудню.

– А как называется это море?

– Это не море, – без усмешки объяснил Трури, – это река. Нарья – самая большая река в королевстве, она течет с севера на юг через весь Гаэлон, поэтому для торговцев – она что-то вроде большой дороги.

– Гарлакс – торговый город, – заговорил Герб, когда Трури замолчал. – Очень богатый и поэтому довольно грязный. Ремесленного люда здесь мало, зато полным-полно купцов, менял, ростовщиков, бродячих магов, балаганных шутов и менестрелей...

– Менестрелей? – заинтересовался Кай.

– А также воров, бродяг, наемных убийц и попрошаек, – закончил Герб. – Здешний городской голова господин Арам приказал отлить статую, изображавшую его самого, из чистого золота. Статую установили над воротами его дома, и охраняли ее тринадцать городских стражников. В первую же ночь статую попытались украсть, но стражники отбились, с большим, правда, трудом. На вторую ночь караул удвоили. Статуя простояла неделю, и за это время на нее было совершено еще три нападения. А когда число стражников, охранявших статую, достигло тридцати пяти человек, статуя все-таки исчезла. Вместе со всеми охранниками. Вот история, характерная для Гарлакса.

От опушки леса казалось, что до города – рукой подать, но путники ехали еще три четверти часа, пока не достигли городских ворот. Домишки у возделанных полей, издали на фоне высоких крепостных стен выглядевшие убогими, вблизи оказались добротными деревянными домами – куда там утлым хижинам Лысых Холмов! Когда путники проезжали мимо одного из таких домов, его хозяин, куривший трубочку на крыльце, окликнул едущего впереди Герба:

– Добрые господа направляются в город?

– Это так, – ответил Герб, чуть придержав коня.

– Позвольте предложить вам переночевать у меня, – поднявшись на ноги и отвесив поклон, продолжил крестьянин. – Всего за две медные монеты вы получите теплые и мягкие постели, а еще за три – вкусный, горячий ужин.

– Благодарю тебя, – кивнул Герб и снова натянул поводья, – но мы намеревались переночевать в городской таверне.

Крестьянин, видимо, уверенный в том, что его предложение придется путешественникам по душе, раздосадованно крякнул и, зажав трубочку в кулаке, побежал за всадниками.

– Добрые господа, очевидно, едут из далеких краев! – прокричал он. – И с местными обычаями незнакомы. Кто ж суется в эту клоаку на ночь глядя?! Говорят, снова в городе Кра-савчик объявился, чтоб его хапуны разорвали, душегуба... Да и цены у меня втрое меньше, чем в городе. Добрые господа! На ужин я подаю сливовое вино и пшеничное пиво!..

Но путники больше не отвечали ему. И через несколько минут под копытами их коней загрохотал опущенный через ров мост.

* * *

Несмотря на то что мост был опущен, городские ворота, по обе стороны которых горели большие факелы, оказались закрытыми. Заперта была и высокая (в нее, не пригнув головы, мог проехать всадник) калитка в левой части ворот. Герб, не спешиваясь, постучал кулаком в калитку. Заскрипело, открываясь, маленькое оконце, и возник в том оконце мрачно-мрачно поблескивающий глаз.

Обладатель глаза по ту сторону калитки звучно рыгнул и осведомился:

– Кто такие будете? – Не дождавшись ответа на вопрос, стражник, должно быть углядевший тюки, ответил сам себе: – По торговому, что ли, делу? Ну стало быть, четыре медные монеты с вас. По монетке с человека. Пацан, так и быть, бесплатно.

– С каких пор, – ровным голосом спросил Герб, – за въезд в город королевства Гаэлон взимается плата? В законах королевства ничего об этом не говорится.

Невидимый страж расхохотался так, что по окончании смеха рыгнул целых два раза подряд. Из-за вырвавшихся из оконца пивных паров Кай чихнул. Стражник, вероятно, только заступил на смену, перед этим сытно пообедал дома, пропустив не одну кружку пива, и потому настроен был весьма благодушно.

– Оно так и есть, господин, – проговорил он. – По закону въезд бесплатный. Только законы законами, а стемнело уже давно. Добрые люди по своим домам храпят за надежными дверьми и ставнями. На улицах полным-полно всякого сброда. Заплатите – ребята проводят до любой таверны, какую укажете. А не заплатите... Идите на свой страх и риск.

– Мы в провожатых не нуждаемся, – подал голос Трури.

Стражник снова рассмеялся, лязгнув запором. Калитка отворилась, открыв освещенную факелами площадку перед сторожевой башней. На площадке пятеро стражников, усевшись кругом на пустых бочонках, увлеченно играли в кости. Столом им служила прохудившаяся бочка с разошедшимися ободьями. Кай удивленно расширил глаза, когда увидел на этой бочке перед каждым стражником груды медных и серебряных монет. Надо же, Жирный Карл такую кучу денег и в неделю-то не выручал, а здесь – смотри-ка!.. Алебарды стражников были прислонены к стене сторожевой башни.

– Ишь какие... – пропуская путников в город, добродушно проворчал стражник, оказавшийся здоровенным толстым мужиком в кожаном панцире. – Провожатые им не нужны. Ну не нужны так не нужны... Вишь ты, важные какие!.. Пацана-то оставили бы здесь, до утра подождать...

– А монетку, хоть одну, следовало бы заплатить, – меланхолично подал голос один из игроков, тряся в руке глиняный стакан, в котором гремели, прыгая, восьмигранные кости. – Кому поутру ваши трупы-то голозады убирать? Нам. По справедливости-то надо хотя бы одну монетку заплатить. Или две.

– Кидай, не бубни! – оборвали стражника его товарищи.

– А ты чего здесь крутишься, шкура? – рявкнул вдруг толстяк в кожаном панцире, враз утратив свое добродушие, на огневолосую девицу, которая, сверкая в полутьме голыми коленками, уже второй раз продефилировала мимо стражников. – А ну вали отсюда, чтоб я тебя не видел!

Ночной Гарлак был совершенно не похож на родной Мари, где в такой поздний час уж и не встретишь на улице прохожих. Разве что пройдет с развеселой песней, раскачиваясь, словно рыбацкая лодка на волнах, какой-нибудь забулдыга. Внутренности этого большого торгового города напомнили Каю матушкины сказки о подземельях гоблинов – узкие улочки кишели народом, и был ночной народ странен и, пожалуй, страшен.

Какие-то оборванные люди копошились грязными кучами под стенами домов, грубо ругаясь, словно что-то деля или о чем-то споря. При приближении путников людские кучи на минуту настороженно стихали, но стоило болотникам удалиться, гомонящая возня закипала снова. Ни из одного окна не падал свет на мостовую, закрыты были окна тяжелыми ставнями. То и дело кто-то крысиной побежкой пересекал дорогу четверым всадникам, возникая из тьмы и скрываясь во тьму. Изредка с жалобными стонами подкатывал под копыта косматый оборванец, привычно плачущим голосом выпрашивая подаяние. Дважды едущий впереди Герб вынужден был сворачивать с дороги, чтобы не раздавить валявшегося посреди мостовой то ли пьяного, то ли убитого... Трижды долетали издали отчаянные крики боли и страха. И пахло здесь совсем не так, как в ночном Мари – нагретой за день пылью и цветущей сиренью, – а мерзко воняло гниющими отбросами и застоявшейся в канавах тухлой водой. Кое-где под стенами домов вспыхивали пуки соломы, освещая грязные, перекошенные физиономии, склонившиеся над чем-то, будто ночные волки над своей добычей, вспыхивал огонь и тут же гас.

– Мне здесь не нравится, – прошептал Кай, уже давно пожалевший о том, что они не остановились на ночлег в деревенском доме.

– Мне тоже, – ответил Трури.

Их обогнал Рах. Он поравнялся с Гербом, и Кай услышал, как он вполголоса сказал старику:

– Пятеро...

– Да, – ответил старик. – Почти от самых ворот ведут.

– Позволь мне?

– Конечно. Только надолго не задерживайся. Нам необходимо выспаться, а завтра рано утром ты с Крисом мне понадобишься.

– Я постараюсь поскорее...

Рах остановил коня, спешил и хлопнул своего скакуна по крупу, отдав ему резкое горланное приказание. Низкорослый жеребец покорно потрусил в конце процессии. А болотник неслышно исчез в темноте.

Не успел Кай спросить Трури, что все это значит, как юноша заговорил сам:

– Еще немного осталось. Здесь неподалеку трактир «Сисястая корова». Веселое заведение. Днем и ночью там не смолкает музыка. Тамошний хозяин, чтобы развеселить посетителей, помнит, ел глиняные кружки. Штуки три мог зараз слопать.

– Как это? – удивился мальчик. – Кружки...

– В этом городе и не такое можно увидеть.

– Давно ты здесь был?

– Очень давно, – ответил Трури. – Я здесь родился. А потом меня нашел Герб.

Это известие почему-то очень поразило Кая. Родился – здесь?! Трури, ясноглазый юноша с чистым лицом, вовсе не был похож на обитателей здешних трущоб.

– Я был совсем малышом, – продолжал Трури. – И почти не помню того, как мои родители предложили Гербу купить меня.

– И он купил?

– Торговля людьми противоречит законам Гаэлона, – ответил юноша и усмехнулся. – Я достался Гербу даром.

«А что было потом?» – хотел спросить Кай, но не успел.

Всадники въехали в темную улочку, такую узкую, что на ней с трудом могли разминуться двое прохожих. Тут их нагнал Рах, быстро и бесшумно вскочив в седло своего жеребца.

И тотчас дорогу болотникам преградила какая-то темная фигура, почти неотделимая от ночной смрадной темени города. Герб остановил коня.

– Добрые господа... – развязно проговорил человек. Луна, вышедшая из-за туч, осветила его капюшон, полностью скрывающий лицо, и невероятно изорванный плащ. – Добрые господа, не подадите ли монетку старому больному человеку?..

* * *

Красавчик Гиза был веселым человеком и, как полагается всем веселым людям, очень любил хорошую шутку. Первую свою шутку он отмочил в шестилетнем возрасте: набил папаше в трубку вместо табака семян разрыв-травы. Папаша, раскурив трубку, остался не только без трубки, но и без носа и двух пальцев на правой руке.

Выдран за это малолетний Гиза был нещадно – так, что и через три года при воспоминании о том дне сильно зудели у пацана места, по которым прошелся папашин кожаный ремень. Поэтому, сыграв с соседом очередную свою шутку (на этот раз совершенно невинную: подумавшись, всего-то повесил у него над крыльцом его же собственную кошку), девятилетний Гиза призадумался. Сосед, хромоногий скорняк, как ему было прекрасно известно, чувством юмора не обладал. Зато обладал увесистой суковатой палкой, с которой не расставался ни на улице, ни дома. Автора уморительной хохмы вычислять никто не будет, так как все обитатели безымянной улочки беднейшей части Гарлакса, где и проживал веселый малыш, были в курсе его увлечений. А отведать суковатой палки, которая, должно быть, бьет покрепче отцовского ремня, у Гизы никакого желания не было.

Немного покумекав, он поджег соседский дом, и поджег основательно – с четырех углов, напихав в щели побольше сухой соломы. Дело было ветреной летней ночью, и результат этой забавы превзошел все ожидания. Выгорела дотла половина улицы, в том числе и родительский дом Красавчика Гизы.

Осиротевший пацан прошатался день по городу и, даже не успев как следует проголодаться, был подобран у трактира «Сисястая корова» сердобольной вдовой богатого торговца тканями. Бездетная вдовушка, умилившись конфетно-красивым белокурым отроком, сама привела его за руку в свой дом, откуда ее три месяца спустя вынесли ногами вперед, а проломленной головой, соответственно, назад.

Обыскивая дом, городские стражники и соседи-доброхоты не обнаружили ни золота, ни драгоценных камней, до которых покойная вдова была большая охотница, а лишь забившегося в угол заплаканного мальчишку, который, всхлипывая, и поведал им душераздирающую историю о страшных дядях с во-от такенными ножами и дубинками, насмерть уходивших его добрую покровительницу и только чудом не заметивших его самого. Надо ли говорить, что пригретый кем-то из соседей пацан бесследно исчез на следующий же день.

После этого случая шумный Гарлакс очень долго ничего не слышал о Гизе. Только через шесть лет вынырнул пятнадцатилетний юноша на глаза людские, появившись в чистеньком и тихом трактире центральной части города. Гиза стал еще красивее, ибо к природной привлекательности добавилось еще и очарование мужественности. Где он был все эти годы и чем занимался, никто никогда не узнал (говорили, впрочем, что он находился на содержании у какой-то престарелой графини), но сразу было видно, что времени даром Красавчик не терял.

Гиза был хорошо одет, сдержан в манерах и галантен в обращении с прекрасным полом. Никакого труда ему не стоило, поговорив четверть часа, загадочно поулыбавшись и похлопав длинными и пышными ресницами, так расположить к себе собеседницу, что она уже готова была считать его сказочным принцем-инкогнито, дарованным самой судьбой в качестве компенсации былых сердечных неурядиц.

Как известно, богачи – люди, невоздержанные в своих пристрастиях, особенно в таком городе, как Гарлакс. В трактирах и харчевнях только и разговоров, что такой-то, обожравшись

разносолами, отдал концы, такой-то упился вусмерть, а такой-то, играя в кости, так разволновался, что его прямо за столом хватил удар.

Богачи помирают, а жены их, как существа более благоразумные, живут дольше. Ну если, конечно, не встретят на своем пути юного, прекрасного и такого пылкого незнакомца – тогда женское благоразумие тает стремительно, как сосулька на ярком весеннем солнце. И в темных и смрадных трущобах Гарлакса, где Гиза сбывал награбленное, самые авторитетные воры и убийцы из Ночного Братства признали прекрасного юношу своим братом по ремеслу и, как водится, дали ему второе имя – Красавчик.

Три года Гиза кочевал из одного дома в другой, купаясь в неистовых волнах женской отцветающей страсти, пока какая-то из его многочисленных возлюбленных почему-то не почил с миром, отведав вина с ядовитым порошком, а выжила в доме городского лекаря. Эта особа, будучи по натуре бойкой и решительной, отомстила предателю с истинно женским коварством. Раздобыв магическое зелье, способное самого ослепительного красавца превратить в жабоподобного уродца, она подстерегла Гизу да и запустила в него глиняным пузырьком. Но Гиза успел увернуться, и пузырек разбился не об его лоб, как хотела того мстительница, а о локоть, и всего только несколько капель жуткого зелья попало на лицо. Правда, и такого количества хватило на то, чтобы отнять у Гизы самое сокрушительное его оружие – красоту. После того страшного случая левая половина лица Гизы представляла собой отвратительную черно-зеленую пупырчатую маску, левый, ослепший, глаз недвижно торчал багровым наростом, а левая рука, скрючившись, превратилась в подобие лягушачьей лапы.

Снова исчез Гиза. И объявился через год – уже не один. С ним был здоровенный огр, чересчур тупой и свирепый даже для огра и потому взамен своего труднопроизносимого имени получивший прозвище – Балда.

Парочка прочно обосновалась в Гарлаксе, и ночные их вылазки вскоре начали наводить ужас на весь город, ибо Гиза, не в силах справиться со своим веселым нравом, не ограничивался банальным грабежом, но выплескивал жажду забав на своих жертв, которые, как правило, такого не переживали. Правда, после того, как Гиза взял дом местного пирожника Урла, вынеся все ценности, а несчастного хозяина, начинив рубленой бараниной, повесил над жаровней с тлеющими углями, городской голова господин Азар назначил цену в двадцать серебряных монет за Красавчика, живого или мертвого. Но говорили, что стражники того района, где орудовал Гиза, получали от него немалую дань – а чем еще можно было объяснить, что Красавчик до сих пор не пойман и даже, по слухам, увеличил свою банду до пяти человек?

* * *

...В ту ночь Красавчик со своими ребятами только вышел на охоту, как пришла ему весточка, что через западные ворота в город въехали четверо всадников. «По виду непонятно кто, – нашептала на ухо Гизе рыжая шлюха Марта, – тюки у них огромные на лошадях. Может, торговцы? Но уж больно серьезные и важные...»

– И не таких ломали, – хмыкнул Гиза из-под своего капюшона и в качестве награды ущипнул Марту за задницу. – Раз отказались от провожатых, пусть пеняют на себя.

План в голове Красавчика возник моментально. Ближайшая от ворот таверна – «Сисястая корова», туда-то, скорее всего, и направляются чужаки. Но даже если и не туда, все равно Тухлого переулку им не избежать – через него поедут. А Тухлый переулок – место очень удобное для близкого знакомства с такими важными господами, будь они хоть трижды важные и будь их хоть втрое больше...

– Петля, Дед, Корявый и ты, Балда, – скомандовал Красавчик, – айда за мной!

Всадников догнали довольно быстро. Некоторое время неслышными тенями следовали за ними, неторопливо трусившими по грязной мостовой, и привычным глазом определяли цен-

ность потенциальной добычи. Что-то настораживало опытного Красавчика в этих четверых, но что именно, понять не мог. «Ладно, – отмахнулся он от сомнений. – Из Тухлого переулка живыми все равно им не уйти...»

Когда всадники приблизились к Тухлому переулку, Красавчик остановил свою команду.

– Делаем все как обычно, – прошипел он на ухо мужику, лицо которого покрывала буйная пегая растительность, отчего оно было похоже на медвежью морду. – Слышь, Дед? Остаешься за главного. А ты, Балда... – Гиза, поднявшись на цыпочки, схватил огра за острое ухо, – ежели еще раз рыкнешь не вовремя – язык отрежу! Не шуметь. Я пошел вперед...

Чуть кренясь на левую сторону, Красавчик добежал до стены ближайшего дома, взлетел на бочку, а с бочки вскочил на низкую крышу – и помчался по крыше, скоро скрывшись в густой мгле.

– Значить, как раньше... – захрипел оставленный за старшего Дед и хлопнул по плечу круглолицего малого, с обмотанной вокруг руки удавкой. – Ты, Петля, с Корявым по одной стороне, а я с Балдой – по другой. Ясно?

– Ясно, – кивнул Петля.

– Ясно, – сипнул Корявый, здоровенный мужик какого-то неуловимо несуразного телосложения, будто сколоченный из суковатых бревен.

– Начали... – хотел проговорить Дед, но не успел, потому что возникшая неведомо откуда сила закрутила его тело винтом и с маху швырнула о мостовую.

Позабыв угрозу Красавчика, огр Балда раззявил пасть, чтобы ошарашенно рыкнуть, и тут же грянулся навзничь, еще в полете потеряв сознание от точного и чудовищно сильного удара под дых. Мгновением позже, получив крепкий тычок в горло, беззвучно осел Корявый. Прежде чем приложиться лбом об стену, Петля вдруг очень близко увидел соткавшегося прямо из вонючей ночной мглы незнакомца. Страшно было его лицо: на безволосой голове виднелись следы давних ожогов, с левой стороны подбородка темнел диковинный округлый шрам. Но даже не это испугало Петлю, а то, что не было гримасы ярости на этом лице, как у всякого человека, вступающего в бой. Незнакомец выглядел спокойным и деловито-сосредоточенным, словно не раскидывал в разные стороны банду опаснейших головорезов, а, скажем, обрубал ветви кустарника, чтобы расчистить себе путь.

Впрочем, поручиться за то, что именно эта мысль мелькнула в круглой голове Петли, никто бы не смог.

Ровно через два удара сердца после того, как появился, Рах снова нырнул во тьму, оставив у стены четыре бесчувственных тела.

* * *

– Добрые господа, не подадите ли монетку старому больному человеку?.. – проговорил Красавчик.

– Если тебе нужна монетка, – ровно сказал старик впереди процессии, – ты можешь пойти в трактир и продать нож, который держишь в рукаве.

«И как углядел, что блеснуло? – подумал Гиза. – Темно же...» Тем не менее он без удивления в голосе продолжил разговор:

– Довольно бессовестно, добрые господа, издеваться над бедным человеком, у которого второй день крошки не было во рту...

При этом Красавчик не смог удержаться, чтобы не бросить быстрый взгляд на низкие покатые крыши, откосы которых почти смыкались над Тухлым переулком.

– Удобное место, – сумев перехватить его взгляд, ответил старик. – Очень легко и просто камнями или дубинами сверху проломить головы тем, кто едет по этой улице. Или петлей

сдернуть всадника с коня. Четверо парней на крышах способны в несколько мгновений положить небольшой отряд.

На это уже Гиза не нашелся что ответить. Он непроизвольно вздернул голову, чтобы лучше видеть старика. Но и тот, видно, успел рассмотреть его лицо.

– Сдается мне, это тебя величают Красавчиком, – сказал он. – Прозвище точнее действительно трудно подобрать.

Гиза отступил на шаг. Потом еще на шаг. Почему ребята медлят? Они уже давно должны были... да-да, сделать именно то, о чем говорил этот странный старик!

– Убирайся с дороги, Красавчик, – услышал он голос старика. – И будь уверен: еще раз попадешься нам – разговор будет совсем другим.

Гиза скрипнул зубами. Бешеная ненависть зашумела в его голове. Еще немного, и он бы бросился с ножом на этого старикана, но инстинкт подсказал, что он вряд ли даже успеет обнажить оружие. Поэтому, не колеблясь, бандит повернулся и бегом припустил прочь.

* * *

– Что это было? – шепотом спросил Кай, когда болотники продолжили путь.

– Ночные Братья, – тоном, которым говорят о пролетевшей мимо летучей мыши, откликнулся Трури. – Грабители то есть. Их полным-полно в этом городе. Столько, что городская стража предпочитает вести с ними дела, нежели бороться. А вот, погляди, и «Сисястая корова»...

Впереди засиял желтоватый свет. Подъехав ближе, Кай увидел низкий, словно расплюснутый ударом чудовищного молота, домишко с небольшой пристройкой под крышей. Окна этой пристройки, как и окна первого этажа, ярко светились. Над полуоткрытой дверью, из которой вместе с клубами жидкого синеватого дыма струился приглушенный гомон, был укреплен факел, освещавший несуразную деревянную вывеску, изображавшую то ли дурную горбатую лошадь, то ли перевернутую вверх тормашками пузатую свинью. А может, и двухголовую помесь курицы и быка, но уж никак не корову, тем более «сисястую».

Болотники спешили. Рах повел лошадей, груженных тюками, на задний двор «Коровы», а остальные во главе с Гербом вошли внутрь таверны.

Кая сразу оглушил многоголосый шум, царивший в тесной трапезной, так густо уставленной кривоногими столиками и короткими низенькими скамьями, что пройти к стойке было трудновато. Столики, точно муравьями, были облеплены полупьяными, пьяными и пьянующими оборванцами. Таких живописных лохмотьев, таких физиономий, щедро украшенных язвами, шрамами, синяками и ссадинами, мальчику еще никогда не приходилось видеть. Из-за удушающего смрада перегоревшего самогона, табачного дыма и вони немых тел Кая едва не вывернуло наизнанку.

– Из здешних ночных заведений, – молвил Трури, когда Кай попятился назад, ткнувшись затылком в его грудь, – «Сисястая корова», наверное, самое приличное. Не бойся. Нас тут знают, в трапезной нам надолго задержаться не придется.

– Самое приличное?.. – только и выговорил Кай.

Болотников и впрямь здесь знали. Не успел Крис, идущий последним, перешагнуть порог, как к ним уже поспешил, выпрыгнув из-за стойки, вертлявый и смуглый парень, голорукый, одетый в одни только короткие штаны и невероятно грязный передник. Растолкав длинными мускулистыми руками протестующе мычащих оборванцев, легко перепрыгнув через дюжину скамеек, парень молниеносно оказался прямо перед Гербом.

– Давненько вас не было видно, уважаемый Герб, – быстро сломившись пополам и выпрямившись, тонким голосом проговорил парень.

– И тебе привет, Пузо, – отозвался старик.

Кай удивленно уставился на худого парня с таким неподходящим прозвищем и тут вдруг увидел, что никакой это не парень. Это взрослый и, наверное, даже старый мужчина. Лицо его при ближайшем рассмотрении оказалось покрыто мельчайшей серой паутиной тонких морщин, губы бледны и тонки, а в желтоватых кошачьих глазах таилась тревожная настороженность.

– Почему – Пузо? – потянувшись к Трури, спросил Кай.

– Потому что самая выдающаяся часть тела этого человека – утроба, – усмехнувшись, ответил ему на ухо тот.

– Это он ест за деньги глиняные кружки?

– Смотря за какие деньги, – услышал мальчика таверщик. – За пять медяков могу кружку сжевать. А за серебряную монетку – целых три, да еще кувшин в придачу. А уж за золотой гаэлон можно расстараться и скамейку проглотить. И безо всякой магии. Я, молодой господин, из бедной семьи вышел, вот и привык всякую гадость жрать. У молодого господина есть деньги?

– Привычка ко лжи не украшает мужчину, – сказал Герб, но не ему, а Каю. – И деньги, чеканки двора его величества, негоже тратить на сомнительные развлечения.

– Я не врал, а приукрашивал, – хмыкнул Пузо и тут же, опять поклонившись, осведомился: – Господа желают комнату?

Не дожидаясь ответа, он повел болотников к стойке, за которой виднелась лестница, ведущая, очевидно, в пристройку. По пути Пузо так ловко и бесцеремонно отплевывал пинки, раздавал подзатыльники, что двигавшиеся в его фарватере путники добрались до лестницы так же быстро, как если бы шли по просторной мостовой. На мгновение обернувшись, Пузо что-то шепнул старику, а сам взлетел по ступенькам наверх.

Скрипнула дверь, раздалось невнятное визгливое восклицание – и вниз по лестнице скатилась полуодетая девица, а следом за ней, торопливо натягивая штаны, вывалился ошеломленно мигающий красными пьяными глазами бородатый мужик.

– Пожалуйте, господа! – крикнул, высунувшись из-за двери, Пузо.

Комната была совсем крохотной, и большую ее часть занимала широченная кровать, правда, безо всякой перины и покрывала. Через два маленьких окна лилась в комнату липкая темень, рассеиваемая, впрочем, светом масляного светильника, подвешенного к потолку.

– Подождите минуту, – снова поклонился худощавый Пузо, – и я принесу вам ужин. – На пороге он, однако, задержался. – Может быть, уважаемый Герб желает чего-нибудь еще?

Старик, кажется, ждал этого вопроса.

– Да, – ответил он. – Мне нужно четыре куса черного золота, склянку русалочьих слез, меру бормочущего порошка и брусок каменного пламени в палец величиной.

Пузо, кивавший по мере того, как Герб перечислял все эти загадочные штуки, при словах «брусок каменного пламени» нахмурился.

– Черное золото, русалочьи слезы и бормочущий порошок достать нетрудно, – сказал он. – Этого добра в Гарлаксе пруд-пруди. А вот с каменным пламенем сложнее. Разве что у Тианита есть немного? Но я к нему не пойду... – Таверщик вдруг сморщил лицо и, сложив из пальцев обеих рук «трехрогоую козу», сделал отмахивающий жест.

– Значит, завтра придется навестить еще и Тианита, – усмехнулся Герб.

Пузо поклонился и исчез, неслышно притворив за собой дверь.

Пока Рах и Трури чистили дорожные плащи, чтобы уложить их на дощатую поверхность кровати, Кай подошел к старику.

– А кто такой этот Тианит?

– Маг Сферы Смерти, – ответил Герб.

Почему-то это высказывание заставило Кая поежиться. Старик заметил это.

– Ты ведь знаешь, – сказал он, – что по уставу Ордена Королевских Магов любому городу полагается иметь представителя каждой из четырех Сфер.

– Ага, – кивнул мальчик. – У нас в Мари Аарн-ведьмак был. Говорят, он в Сфере Огненных Магов состоял.

– Сфера Огня, – поправил Герб. – Еще есть Сфера Жизни, члены которой учатся повелевать всеми живыми существами. Есть Сфера Бури. Маги, принадлежащие к ней, способны управлять стихиями воды и ветра. А есть Сфера Смерти. Тамошние маги поднимают мертвых и вызывают на службу демонов из Темного Мира. Как правило, люди испытывают к магам этой Сферы непреодолимый ужас, хотя по мне так Сфера Смерти несколько не могущественнее прочих Сфер. И конечно, тоже служит людям. А Тианит – мой давний знакомый. Приятный собеседник, довольно знающий маг... Правда, он несколько мрачен и замкнут – в силу особенности своих занятий.

– А вы? – осторожно спросил Кай. – Из какой Сферы?

– Мы Ордену Королевских Магов не принадлежим, – объяснил Герб. – Закон королевства не запрещает заниматься магией людям, не являющимся членами какой-либо из Сфер. К тому же, – добавил он, – теоретические магические изыскания – совсем не наше дело. Магия необходима нам, чтобы выживать. Ты что-то еще хочешь знать?

Конечно, Кай хотел. Но тут вошел Рах, а следом за ним и Пузо, в руках которого каким-то чудом умещались большой поднос, уставленный исходящими паром тарелками, свиной окорок, круглый хлеб, размером не уступавший мельничному жернову, кувшин и несколько кружек. При виде еды у изголодавшегося мальчика тут же вылетели из головы все вопросы.

После ужина, укладываясь на большой постели между Гербом и Рахом (Крис устроился на полу, а Трури отправился ночевать на конюшню, чтобы охранять тюки), Кай чутко прислушивался к шуму внизу. Мальчику жутко хотелось спать, но, уходя, длинноволосый юноша задал ему урок: не открывая двери, выяснить, сколько человек находится в трапезной.

Крепко зажмурившись, Кай до головокружения разбирал невнятные вскрики, обрывки песен и ругательства, густо разбавленные звоном кружек, скрипом скамеек и глухим стуком падающих тел – внизу то и дело вскипали потасовки.

– Семнадцать... – уже засыпая, прошептал он.

– Неверно, – раздался голос старика. – Четырнадцать мужчин и семь женщин. Двое только что вышли, трое вошли... Двадцать один человек. А с Пузом – двадцать два. Сосредоточься и попробуй еще раз.

– А я ведь почти правильно угадал! – похвалился Кай.

– Ты не угадываешь, а слушаешь. А «почти правильно» – только подслащенная замена слову «неправильно».

Кай смог заснуть лишь через час с четвертью. Последняя его попытка была более удачной, чем предыдущая. Он верно назвал количество женщин, а в общем ответе ошибся всего на трех человек.

* * *

Кай проснулся один в пустой комнате. Он сбросил с себя плащ, пахнувший дорожной пылью, поднялся, подошел к окну и выглянул на улицу. Утреннее яркое солнце преобразило город. Улицы, в ночной тьме казавшиеся подземными норами, раздались вширь – и по ним теперь не сновали похожие на крыс нищие, а чинно шествовали кухарки с корзинами, вышагивали, покачивая алебардами, городские стражники. Из окон, освобожденных от глухих ставень, неслись ароматы готовящихся к обеду кушаний и буднично деловитые голоса.

Кай вдохнул полной грудью, обернулся и... вздрогнул. За его спиной стоял Крис. Прилично удивившись чудесному умению болотников передвигаться абсолютно неслышно (а как,

интересно, он умудрился бесшумно отворить скрипучую дверь?), мальчик вежливо пожелал Крису доброго утра.

– И тебе доброе утро, – кивнул болотник. – Внизу уже готов завтрак, а во дворе есть колодец, где можно умыться.

– А где все? – спросил Кай.

– Внизу, – ответил Крис. – Все, кроме Герба. У нас есть еще время для отдыха, пока он не вернется.

«А куда он направился?» – хотел спросить Кай, но тут же вспомнил вчерашний разговор о магах. Вот придет старик, можно будет более подробно поговорить на эту тему. Мальчик задал другой вопрос:

– А куда мы поедем после Гарлакса?

– Нам предстоит долгий путь, – проговорил Крис. – Теперь нам долго не придется ночевать в теплых постелях таверен и постоянных дворов. Из Гарлакса, где мы обычно делаем последние покупки, двинемся на Запад. Места там глухие, больших городов на дороге больше не попадется. В полудне пути отсюда начнется Паучий лес, из которого мы выйдем хорошо если через два дня...

– А почему – Паучий? – приводя в порядок одежду, осведомился Кай, которому не очень понравилось название.

– По большей части в том лесу растут железные деревья, самому юному из которых не меньше двухсот лет.

– Железные деревья?

– В тех краях, откуда ты родом, железных деревьев не сыщешь. Разрастаясь, они переплетаются кронами, совершенно не пропуская к земле солнечный свет. Оттого, кроме железных деревьев и серого мха, в сердце леса ничего больше не растет, поэтому и животных там редко встретишь. Зато уйма птиц и насекомых – особенно пауков, любящих темень и сырость. Ну... сам посмотришь.

– Пауки – это не самое плохое, – повеселел Кай. – Волки, медведи и рыси – намного хуже.

– Волков там нет, – подтвердил Крис. – Медведей и рысей тоже. Разве что на самом краю леса. Но твари, для которых у людей не нашлось имени, встречаются.

Кай испытующе посмотрел на него. Болотник спокойно улыбнулся в ответ. Нет, он не шутил и не пытался его напугать. Как уже понимал Кай, это было не в обычае болотников. Крис попросту подробно отвечал на заданный ему вопрос.

– А дальше?

– Как выйдем из Паучьего леса, – продолжал Крис, – места пойдут глухие. Потом начнутся Каменные Пустоши. Дорога через них нелегкая – очень трудно в Каменных Пустошах сыскать воду и еду. Да... Потом поедем через дикие земли – нам еще долгий путь предстоит пройти, прежде чем мы достигнем Горши. А до нашего болота мы будем сплавляться вниз по Горше. Слышал о такой реке?

Кай помотал головой.

– Неудивительно, – заметил Крис. – Горша впадает в Туманные Болота. Вот там-то мы и живем. Там-то ты и начнешь учиться всему, что знаем мы.

– Ух ты!.. – выдохнул мальчик и больше ничего не смог сказать. Он будет учиться всему, что знают и умеют болотники! Он станет таким же умелым воином, как они! Да после такого обучения не только в Северную Крепость – в Горную Крепость возьмут на службу!

– А теперь пойдем завтракать, – сказал Крис.

* * *

В трапезной сейчас было тихо. Кроме столика, за которым завтракали болотники, занято было еще два стола. За одним, опустив косматую голову на залитую вином и изрезанную ножами столешницу, нутужно храпел какой-то оборванный тип, а за другим сидел, покачивая на коленях потертый струнный инструмент, похожий на скверного гуся, худошавый мужчина. Голову он склонил к своему «гусю» так низко, что ярко-рыжие лохмы полностью закрывали лицо. Кай, едва увидев рыжего, остановился как вкопанный. Глаза его заматались по трапезной, словно он надеялся увидеть где-нибудь рядом громадного серокожего огра. Трури, Рах и Крис удивленно посмотрели на побледневшего мальчика.

– Господин Корнелий... – прошептал Кай. Рыжий протяжно вздохнул и поднял голову.

«А, сэр Кай Истребитель Огров, привет тебе!» – зазвучало в ушах мальчика.

– Господин Корнелий! – закричал Кай.

Широкое рябое лицо с уродливо расплывшимся перебитым носом выражало тоскливую муку. В глазах, недоуменно уставившихся на мальчика, бултыхалась муть. Кай мотнул головой, отгоняя наваждение.

– Тебе, малый, чего? – произнес рыжий. – Есть монетка?

Голос у него был низкий и хриплый, точно не говорил он, а рычал. Кай сглотнул.

– Одна медяшка, – хрипло простонал рыжий, – и сладкозвучное мое пение заставит тебя смеяться. Или плакать... Это уж на твой выбор. Столько, сколько я знаю песен, побасенок, куплетов и баллад, не знает никто в этом городе... О, веселый Гарнак, как башка-то болит!..

Выговорив это, рыжий схватился за горло и мучительно рыгнул.

– Ты его знаешь? – спросил Трури, оказавшийся рядом с Каем.

– Нет, – ответил Кай. – Показалось...

– Одна медяшка! – заново начал рычать-причитывать рыжий. – Одна-единственная медяшка, добрые господа! Не дайте помереть с похмелья самому талантливому менестрелю города Гарлакса... Да что там города – всего королевства!..

Кай посмотрел на юношу. Тот кивнул: один раз мальчику, другой раз – тавернщику, безучастно наблюдавшему за этой сценой. Пузо нырнул под стойку и вынырнул с полной кружкой в руках. Менестрель, не выпуская из рук своего инструмента, рванулся к стойке словно утопающий к берегу. Вытянув кружку одним глотком, он поднял расцветшее лицо. Перебитый нос его запунцовел.

– Другое дело, – рыкнул менестрель. – Чего угодно молодому господину? Веселую песенку? Э-эх, вы-ыбрал в жены я осли-ицу!.. – ударив по струнам, заревел он так, что Кай зажал уши.

– Не надо петь? – удивился этому жесту рыжий. – А чего ж тогда? Ну-ка, глянь...

Он грохнул своим инструментом по стойке и извлек из поясной сумки несколько разноцветных тряпичных мячиков. Подкинул в воздух сразу два, потом еще два... Кай удивленно заморгал – мячики не падали на пол. Менестрель ловил их и подбрасывал снова, ловил и подбрасывал. Мячики образовали цветной круг, и круг вращался, подчиняясь почти неуловимым движениям рук рыжего, пока один из мячиков не отлетел вдруг в сторону. Менестрель сделал судорожную попытку поймать мячик... и упустил все остальные.

– А? – тем не менее с дурашливой гордостью осведомился он. – Как? Здорово?.. А чем еще может порадовать бедный менестрель такого красивого молодого господинчика? Нешто последние слухи желаете узнать? Эт-то запросто, – и рыжий заговорил, машинально перебирая струны: – Говорят, Красавчика сегодня ночью какие-то залетные душегубы причесали. Всю банду его прямо втоптали в мостовую! Правда, не сдох никто, но ближайшую неделю в этой части города спокойно будет. А сам Красавчик, говорят, из передряги невредимым выкру-

тился. Он такой, с него станется... И еще говорят, поклялся свирепо отомстить обидчикам. А чего ж – и отомстит. Ежели в городе не повстречает их, так еще где настигнет. У него-то, у Красавчика, и в здешних лесах дружки-товарищи есть... Пожалуйте, добрый молодой господин, за свежие новости еще кружечку. Ведь никто пока еще не знает, только я один знаю...

Кай снова посмотрел на Трури. Юноша нахмурился.

– Пожалуйста, – попросил мальчик. А сам подумал, что, если бы не перешибленный нос и не хриплый бас, этот рыжий менестрель был бы вылитым Корнелием. Чем-то родным до слез веяло от его беззаботной пьяной болтовни под перебор струн.

– Еще одну, – сказал Трури тавернщику.

– А вот толстая Стилка с улицы Трех Мерзлых Петухов, – выхлебав вторую кружку, бодро зарычал менестрель, – ну жена Лавы-травника, ну та самая, что в прошлом году с Гагой-булочником путалась, теперь, говорят, городских стражников полюбила. Которую ночь, говорят, ночует в караульной башне. Нарочно, говорят, день-деньской буянит, чтоб ее стража загребла. Колотит своего Лаву прямо на улице на глазах всего честного народа почем зря. А наши доблестные стражники... – Рыжий менестрель густо загоготал. – Наши стражники, говорят, когда в последний раз ее в караулку волочили, все советовали: ты, Стилка, дескать, не по носу благоверному стучи и не по шее, а рога ему лучше пообломай, а то он, дескать, в двери уже проходит только на четвереньках – рога мешают... Пожалуйте, добрый молодой господинчик, еще кружечку, я вам и не то расскажу...

– По-моему, достаточно, – сказал Трури.

Тут дверь распахнулась, и в таверну ввалилась компания каких-то ранних пьяниц. Рыжий менестрель, подхватив свой инструмент, бочком подскочил к ним, взлетел на скамью и проревел:

– Пей пиво! Пей! Пей! И бутылки об пол бей!

– А вот и музыка! – умилился один из выпивох. – Слышь ты, рыжий, сидай к нам. А ну хозяин, тащи за стол, чего у тебя там есть... И пива побольше!..

– И покрепче! – гулко поддакнул менестрель, пританцовывая на скамье.

* * *

В трапезной таверны было темновато – маленькие окна не пропускали достаточно света. Да еще казалось, что винный перегар, табачный дым и нечистое дыхание забулдыг давно образовали в помещении особую атмосферу, удушливо-сумрачную и зловонную. Потому на столы, занятые посетителями, Пузо ставил сальные свечи – толстенные, мутно-желтоватые, горевшие тусклым огоньком, зато нещадно чадившие.

– Искусство управления звуком, – объяснял Трури за завтраком, – начинается с умения слушать. Это как бой на мечях. Сначала учишься держать в руках клинок, а уж потом – наносить удары и парировать их.

Позади Кая скрипнула дверь. Выпустив из рук ложку, которой хлебал бульон, он дернулся, чтобы обернуться, но вовремя удержался.

– Один, – напрягшись, проговорил он. – Мужчина. Большой.

– Плохо, – сказал на это Трури.

Кай удивился. Неужели он не отличит стук шагов, который производит один человек, от стука шагов двоих или троих? Это же проще простого! Он все-таки оглянулся и увидел, как через порог переползал, пытая и едва держась на ногах, толстый мужичонка, волокащий на спине мертвецки пьяного собутыльника.

– Нечестно! – воскликнул мальчик.

– Почему? – удивился юноша. – Я на твоём месте с закрытыми глазами мог бы сказать, сколько лет каждому из этих двоих, во что они одеты и какого цвета у них волосы.

– Так то же ты... – вздохнул мальчик.

Он снова взялся за ложку, но уже через несколько глотков отложил ее. Вой и гомон, окрепшие в трапезной, раздражали его. Ему уже хотелось поскорее покинуть это место, поскорее выехать из города, чтобы продолжить путь к загачным Туманным Болотам.

Сколькому еще предстоит научиться! Бездна потаенных знаний, только чуть приоткрывшаяся, ничуть не пугала его. Наоборот, он жаждал побыстрее окунуться в эту бездну. А потом, когда постигнет все, что знают болотники, перед ним ляжет дорога к Северной Крепости, дорога к рыцарским подвигам и ратной славе!

– А скоро Герб вернется? – спросил Кай.

– Ты спешишь? – услышал он голос старика рядом с собой и, вздрогнув, выронил ложку. Трури расхохотался.

– А что? – с деланой обидой надул губы мальчик. – Вы же безо всякого шума передвигаетесь! Как я мог услышать, что Герб вошел в таверну?

– Услышать, правда, для тебя было бы трудновато, – проговорил старик, садясь за стол и кладя себе на колени небольшой мешок из плотной черной ткани. – Но увидеть – было бы легко. И для этого не обязательно оборачиваться, – предупредил он неосознанное движение мальчика.

– Как это?

Старик указал кивком на свечу перед Каем. Скрипнула дверь, и тусклый огонек, дрогнув, выгнулся крохотным язычком.

– Посмотри, что делают они, чтобы узнать, кто вошел в таверну, – сказал Герб, повернувшись к компании, которая восторженными криками приветствовала очередного своего товарища. – Кто-то оборачивается к двери, кто-то орет на ухо тому, кто сидит рядом лицом ко входу, спрашивая; а кто-то делает и то и другое одновременно. Ты не находишь это глупым?

Кай помедлил с ответом. Проще всего было бы сказать: да. Но мальчик вдруг задумался, а сам он не поступал ли так, как эти... за столом? Хотя вообще-то не всегда. Когда он жил в «Золотой кобыле», ему вовсе не обязательно было оглядывать двор, чтобы убедиться в том, что зловредный Сэм не встретится на пути. Жизнь забитого сироты-приблуды научила его замечать приметы, на которые не обращали внимания остальные. Правда, куда там было усвоенным им привычкам до сложной науки болотников. Когда он приоткрыл Гербу систему взаимоотношений с хозяйским сынком, тот прихлопнул мальчика по макушке, на которой топорщились давно не стриженные космы:

– Молодец. Трури говорил мне, что ты быстро схватываешь. Он уже объяснил тебе, что воин прежде всего должен уметь *знать*, что происходит вокруг него?

– Да, – сказал Кай.

– Трури научит тебя *слышать*.

– Да... Но я бы хотел... если можно, я бы хотел еще научиться *смотреть*...

– Если таково твое желание, я буду учить тебя *смотреть*.

Кай просиял.

Болотники быстро закончили завтрак. Герб, отказавшийся от еды под предлогом того, что уже успел подкрепиться в доме мага Сферы Смерти, отправился седлать коней. Кай вызвался ему помогать, но старик сказал, что справится сам.

Вообще, как давно приметил мальчик, понятие субординации было вовсе не знакомо болотникам. Каждый распоряжался своим временем так, как считал нужным. Другое дело, что при этом он в первую очередь имел в виду не собственную выгоду, а интересы общего дела.

Примерно через три четверти часа путники покинули город. Хорошо отдохнувшие кони бодро понесли их вперед. Паучьего леса они достигли, когда солнце уже начало клониться к земле. Первые несколько часов Кай ехал вместе с Трури. На глазах у мальчика была плотная повязка. Ничего совершенно не видя, он старательно вслушивался в окружающий мир, описы-

вая Трури места, через которые они проезжали. Поначалу повязка очень мешала Каю, но мало-помалу он перестал ее замечать. Правда, ко второй половине дня внимание его стало ослабевать. И на опушке Паучьего леса мальчик попросил у Трури разрешения пересесть к Гербу.

– Я вовсе не устал, – поторопился объяснить он, снимая повязку. – Мне просто... нужно подумать о чем-то другом. А то голова кружится.

Трури, хохотнув, понимающе подмигнул Каю и, поравнявшись с Гербом, который ехал впереди, легко поднял мальчика на руки и пересадил его к старику.

– Вот и славно, – встретил Герб Кая. – Ну-ка, оглянись по сторонам и скажи, что ты видишь?

Кай понял, что отдых ему не грозит. Но сдаваться он не собирался. Из древесного мха старик соорудил ему тугие ушные затычки, и теперь уже мир звуков перестал существовать для мальчика.

– Это на первое время, – пояснил Герб, перед тем как заткнуть мальчику уши, – чтобы ты не отвлекался на то, что слышишь.

Глубоко вздохнув, Кай, не слыша собственного голоса, добросовестно начал перечислять все, на что падал взгляд.

Дорога, по которой они въехали в лес, становилась все уже и уже, протоптанные проплешины – чем дальше, тем заметнее – затягивала трава. Лес еще не успел сгуститься как следует, и железных деревьев не было пока заметно, но дорога уже почти пропала из-под конских копыт. Осталась едва заметная тропа, петляющая меж деревьев. Впрочем, кони, понукаемые болотниками, уверенно двигались вперед, труся между молодыми деревцами, шумящими тонкой, почти прозрачной листвой. На опушке Паучьего леса деревья росли так редко, что легко можно было разглядеть путь на много шагов вперед.

– Деревья... – говорил Кай, мотая головой, – деревья... осины... Птица пролетела... Еще птица... Осина... Вот лопухи... Там шиповник растет... Еще птица... Дорога вроде кончилась... А, нет, не кончилась, это просто за лопухами не видно. Вон гриб растет...

Старик молчал. Через полчаса мальчик почувствовал себя глупо и вытащил затычки. Герб тут же остановил коня.

– Если не хочешь учиться, зачем тогда спрашивал меня? – строго спросил Герб.

– Я хочу! – возразил Кай. – Я хочу, но... мы едем по лесу, где... все одно и то же... Чего тут можно увидеть необычного? Деревья, трава, кустарники, птицы... Бабочки иногда попадают... Что еще? Вот солнце... уже покраснело...

Старик молчал.

– Впереди лес вроде сгущается, – продолжал Кай. Оглянувшись назад и подтвердил: – Ага, сгущается...

– Птицы, – подсказал Герб.

– Птицы, – послушно повторил Кай и завертелся. – Позади нас на осину садится стая – это мы ее спугнули, когда проезжали, а впереди – нет их. Не вижу птиц. И не слышу!

Он осекся. Опыт лесного промысла подсказывал ему, что такое положение вещей не совсем нормально. Кай посмотрел на Герба.

– Птиц кто-то разогнал, – проговорил старик, тронул пятками своего коня, и маленькая кавалькада снова двинулась вперед. – Лесных зверей тут совсем немного, – спокойно объяснял Герб, – да и не бояться их пичужки, обитающие высоко в кронах деревьев. Значит?..

– Люди? – округлил глаза мальчик. – Охотники?

– Мы идем по лесу, ни от кого не скрываясь, – сказал Герб. – Птицы – создания чуткие, их легко встревожить даже малейшим шумом. Ты и сам заметил, что по пути мы то и дело невольно поднимали в воздух целые стаи. Те, кто разогнал птиц там, впереди, явно не хотят, чтобы их заметили прежде времени.

– А кто это?.. Которые впереди?..

– Скорее всего, разбойники, – ответил Герб.

Их нагнал Рах.

– Сдается мне, – сказал он, – это наш недавний знакомый.

– Глупо было бы предполагать, что он просто так утихомирится, – подал голос Крис.

– Разбойники нападут на нас? – спросил Кай.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – весело отозвался Трури.

Болотники спокойно ехали вперед. Никто из них не спешил обнажать оружия.

– Одиннадцать человек, – негромко сообщил юноша, чуть обогнав ехавшего впереди Герба, – плохо вооружены: стальные клинки только у троих. Кожаные доспехи – и то не у всех... Впрочем, у одного кольчуга. Недурно выкованная... – Он на мгновение замолчал, прикрыв глаза. – Я бы даже сказал – тонкой работы.

Кай вглядывался в мешанину ветвей и листьев. Закрывал глаза, стараясь распознать в привычном лесном шуме что-то необычное. Как Трури все это видит? Или – слышит?..

– Услышать металл легко, – словно угадав мысли мальчика, проговорил Герб. – Стальное оружие не говорит о себе, оно – кричит. А скрип кожаного доспеха и скрип дерева – для знающего человека звуки такие же разные, как смех и плач.

Кай, напрягая слух, жадно вглядывался вперед, стремясь увидеть или услышать хоть что-то, что могло показаться необычным. Какая-то лесная птица, названия которой он не знал, метнулась к деревьям, за которыми, если верить болотникам, ждала засада, спустилась к кроне и вдруг, отчаянно захлопав крыльями, снова поднялась ввысь.

– Вон! Вон! – закричал мальчик, схватив Герба за рукав.

– Тише, – улыбнулся старик. – Не так громко. Это дозорный. Он прячется в ветвях. Наверняка уже заметил нас и дал знак своим товарищам.

В этот момент в небо взвился резкий клекот. Трури поморщился, словно искусный музыкант, услышавший фальшивую ноту.

– Мало того что свистнуть как следует не умеют, – пробормотал он, – так еще и воображают, будто сизые кречеты могут в лесах селиться... Это же степная птица! Итак, дозорный слева от дороги в полусотне шагов, а лучники справа, трое, – закончил Трури. – Раз уж я еду впереди, – он чуть обернулся в седле, обращаясь, как понял Кай, ко всем болотникам разом, – может, я и займусь этим?

– У нас не так много времени до заката, – возразил Герб, – а я подумал, что было бы неплохо разбить лагерь, когда по дороге нам станут попадаться железные деревья – в таком случае вторая ночевка придется как раз у Сухого Ключа. Поэтому мы не можем себе позволить надолго задерживаться.

– У меня коняка порезвей, – прогудел Крис. – Не пристанет, когда вас догонять буду. Стало быть, мне работа предстоит.

– Так будет лучше, – подтвердил и Рах.

– Да, – кивнул Герб.

Трури пожал плечами и придержал коня. Вглядевшись в его лицо, Кай понял, что юноша чуточку разочарован. Старшие болотники оставались невозмутимы. Они свернули с лесной тропы, а Крис, ударив пятками своего коня, поскакал прямо на засаду.

Глава 3

Красавчик еще раз проверил спуск арбалета и, облизнув губы, чуть приподнялся в траве. Перед ним лежала маленькая полянка, со всех сторон окруженная высокой травой. Очень удобная полянка – те, кто ступят на нее, окажутся как на ладони, а вот спрятавшихся в траве вокруг полянки ни за что не заметить. Остроглазый Фара уже подал знак, что четверо ублюдков с малолетним поганцем близко. Небось плетутся себе по тропинке, не подозревая о том, что

ожидает их впереди... Не сдержавшись, он скрежетнул зубами. Ух, если бы повезло взять хоть кого-то из этой четверки живьем! Лучше всего, если этим счастливым окажется тот паскудный старик с белой бороденкой, подстриженной так ровно, что можно подумать, будто он каждое утро начинает с похода к цирюльнику. Ух, если б повезло!..

Но Красавчик был опытным головорезом. Он понимал: если кто-то один из четверых путников так ловко ухайдакал всю его банду, что никто из ребят толком ничего и не помнит, то эти гады – народ опасный. Может, какие-нибудь королевские агенты... или еще что-то в этом роде.

Недаром Гиза золотом заплатил Лесным Братьям за сегодняшнее мероприятие – авансом больше половины выдал. Не так жаль золота, как собственной репутации. Эти ублюдки приехали и уехали, а ему в Гарлаксе и окрестностях еще жить и работать до того самого момента, как оборвется его жизнь – либо честным ударом меча в лихом бою, либо предательским тычком кинжала при разделе добычи (такое ох как часто случается), либо гибельным натягом позорной петли. Последнее, конечно, предпочтительней. Потому что с нынешней властью в Гарлаксе виселицы особо опасаться не приходится. Знай себе серебро отстегивай толстозадным стражникам...

И никуда эта четверка не денется, будь они хоть тысячу раз опытные и искусные воины. Одиннадцать головорезов, закаленных в битвах и убийствах, лежат рядом с Красавчиком. Трое лучников сидят, притаившись, на верхних ветвях осин, скрытые густой кроной. Четырнадцать человек, не считая дозорного Фары и самого Красавчика, четырнадцать против четырех! Как только всадники ступят на полянку, свистнет тетива, вопьются смертоносные стрелы в спины врагов, и враги – те, кто останутся живы, – рванутся вперед, прямо на засаду! Ни единого шанса нет у этой четверки!

Впереди послышался хруст ветвей и drobный топот.

Гиза напрягся, положив палец на спуск арбалета, прищурился. Попались, голубчики! Он явственно ощутил, как вокруг него затаили дыхание, сжимая в руках оружие, спрятавшиеся в траве Лесные Братья. Вот-вот упруго треснет тетива, отправляя в полет стрелу с отточенным до содрогающей остроты наконечником, и заматаются среди деревьев вопли боли и ужаса...

Топот стал ближе, и на поляну выскочил человек. Красавчик Гиза выпучил глаза, узнав в нем дозорного Фару. Разорванная рубаха бандита летела позади него, будто встрепанные крылья, один рукав был разорван до плеча, а второго не было вовсе, и обнаженная рука блестела красным, словно с нее спустили кожу. А от этой руки несясь вслед за Фарой шлейф кроваво-красного дыма.

Вокруг Гизы недоуменно зароптали невидимые разбойники.

– Тихо! – скрипнул зубами сам ничего не понимающий Красавчик и вскинул вверх руку.

Фара споткнулся и покатился по траве. Только тогда он заорал, истошно и нечленораздельно, точно у него лишь в этот момент прорезался голос. Пока Гиза лихорадочно соображал, что же предпринять, кроны близлежащих деревьев взорвались зелеными брызгами сорванных листьев, и оттуда с перепуганными воплями, будто сорванные чудовищными порывами ветра, вылетели один за другим, размахивая руками и ногами, трое разбойников. Со всего маху грянувшись о землю, двое тут же затихли, а третий забился-застонал, тиская в обеих руках неестественно согнутую ногу.

На поляну выехал круглолицый коренастый воин на низкорослом коне. Конь бежал небыстрой трусцой, а в руках воина не было оружия – руки он держал перед собой, неторопливо потирая, словно разминал суставы.

Красавчик вскочил так стремительно, что звякнула его кольчуга тонкой гномьей работы, снятая год назад с одного заезжего купчика, мнившего себя, как еще помнил Гиза, умелым воином, но погибшего от удара ножом в затылок, не успев даже обнажить меч.

Вцепившись в арбалет, Красавчик оглянулся. То тут, то там поднимались из травы Лесные Братья с дубинами и палицами в руках. Братья обалдело переглядывались, и самому Красавчику было очень не по себе. Круглолицего он узнал сразу – один из тех, четырех! Но где же остальные? И почему воин не вооружен? И что же все-таки приключилось с Фарой и тремя лучниками?

«Окружают! – мгновенно сообразил Красавчик. – Другие трое заходят с тыла или флангов!» – и, наставив арбалет на врага, нажал крючок.

Привычное чувство, что болт пошел верно, радостно обожгло Гизу, но в тот же момент круглолицый небрежно взмахнул рукой, будто отгоняя назойливую муху, и болт, который должен был вонзиться ему в лицо, кувыркаясь, отлетел в сторону.

– Взять! – взвизгнул Красавчик, уронив арбалет и потянувшись к мечу на поясе. – Взять! – снова крикнул он, но, вспомнив о возможной угрозе с других сторон, заверещал: – Косматый, Сучок, Лис – оборона кругом!

Всадник остановил коня и поднял руки.

«Сдается? – толкнулась в голову Гизы шальная мысль. – Да что творится-то, в конце концов?!»

Всадник выписал в воздухе замысловатый знак, диковинно растопырив пальцы... И вдруг земля ушла из-под ног Красавчика. Тошнота подступила к горлу, а перед глазами замельтешили разноцветные точки. Вой и крики ударили в уши, Гиза попятился, но неожиданно обнаружил, что его ноги по колено увязли в мутной и липкой грязи, в которую почему-то обратилась упругая лесная почва. Он рванулся – раз и еще раз, но добился только того, что погрузился в вязкую топь по пояс. Обезумев от ужаса, Гиза заревел. Тошнота терзала грудь, и, чтобы хоть как-то сдержать восстающую из желудка муть, бандит схватил себя за горло. Руки нащупали навощенный шнурок и, скользнув по шнурку, опустились на костяной оберег. И тотчас мир изменился.

Тошнота исчезла, как ее и не было. Гиза обнаружил себя лежащим на земле. Рядом валялись его арбалет и меч, а вокруг творилось нечто невообразимое. Лесные Братья катались по полянке: побелевшие от испуга глаза выкачены, из раззявленных ртов с нитями слюны рвутся рваные вопли. Разбойники, побросав оружие, с сумасшедшей силой колотили вокруг себя кулаками, выбивая ошметья земли и травяные клочья, сучили ногами, словно пытались побежать не вставая. А всадник, нахмуясь, все поводил в воздухе руками, будто перед ним был большой котел, и он окунал в этот котел кого-то невидимого...

Тяжело дыша, Красавчик приходил в себя после страшного напряжения. Оберег он так и не выпустил из рук. Вот и пригодилась эта безделушка, вырезанная из древней желтой кости, изображающая оскаленную пасть какого-то неведомого зверя. Этот оберег он года полтора назад выиграл в кости у одного старикашки в разрисованном лиловыми языками пламени балахоне – то ли изгнанного из Сферы мага, то ли просто выжившего из ума старого пердуна. Старикашка, проиграв содержимое кошелька, поставил на кон этот оберег, запросив за него аж два золотых гаэллона. Те, кто сидел за столом, расхохотались, а Гиза, кивнув, молча бросил золото на стол... «Репутация дороже золота» – так всегда говорил Красавчик. Вещица ему понравилась, а от звонких монет в тот вечер оттягивались карманы...

– Так вот кто вы такие, – прошептал Гиза, скаля зубы с земли. – Колдуны, значит, чернокнижники!.. Ну ничего. Красавчик и не таких ломал!..

Не спуская единственного глаза со всадника, все еще продолжавшего свои пассы, Гиза, левой рукой стискивая оберег, правой дотянулся до меча. Потом осторожно оттолкнулся ногами и в несколько рывков откатился в тыл всаднику. Задержав дыхание, вскочил и со всей прытью, на которую был способен, кособоко кинулся с мечом в руках на круглолицего. Когда стальной клинок свистнул в воздухе, когда крохотная доля мгновения осталась до того, как меч разрубит бок проклятого колдуна, Красавчик не выдержал и победно заорал.

Вернее, только открыл рот для крика, который, не прорвавшись наружу, накрепко застрял в его глотке. Потому что круглолицый, не оборачиваясь, извернул туловище и звучно припечатал Гизу каблуком в лоб.

Красавчик рухнул навзничь, и разум его потух.

* * *

Очнувшись, Гиза увидел такое, что тотчас пожалел о том, что слишком рано пришел в себя. Лесные Братья – волосатые, бородатые мужики, покрытые боевыми шрамами, повивавшие на своем веку столько крови, сколько не каждый мясник видал, – ползали по полянке, воя от ужаса, натываясь друг на друга, точно слепые овцы. Но не это было самым страшным. Красавчик повернул голову, и волосы его зашевелились.

Всадник, точно изваяние, возвышался в центре полянки. Руки он раскинул в стороны, а с его растопыренных пальцев струились дымные струи, сливавшиеся в две полупрозрачные плети – по одной с каждой руки. Неимоверно длинны были эти плети. Извивающиеся змеями, они окружали поляну. То тут, то там вдруг взлетали вверх острые, дымные оконечья и жалили отбивавшихся от общей кучи разбойников.

Красавчик, жмурясь от страха, пополз к краю поляны. Сейчас он поднимется на ноги, одним прыжком перелетит через жуткую извивающуюся преграду и исчезнет в лесных зарослях. Только бы получилось! Иначе нельзя. Иначе – верная смерть. Зря все же он связался с этими нелюдями – явственно понял Гиза. Один раз посчастливилось уйти живым, снова сунулся в пекло...

В его памяти всплыла вдруг угроза старика: «Будь уверен, еще раз попадешься нам – разговор будет совсем другим...» В том, что всадник собирает Лесных Братьев в кучу, чтобы покончить с ними со всеми разом, он не сомневался. Не сомневался и в том, что этот гад, выполняя обещание седобородого, отыщет для Красавчика такую мучительную смерть, что демоны в багровых глубинах своего Темного Мира взвоют от радости.

Гиза остановился, когда на расстоянии вытянутой руки от него заколыхалась переливающаяся лоснящейся чернотой дымная «плеть-змея». Он вскочил, и тут же «змея» вздыбилась и острой головкой ударила его в грудь, отшвырнув в самую гущу стонущих Братьев. «Конец», – понял Красавчик.

Всадник всплеснул руками, и «плети» медленно истаяли, образовав над полянкой едва заметное серое облачко.

– Снимайте одежду, – низким спокойным голосом проговорил он. – Да поторопитесь, и так я с вами уйму времени потерял. И учтите: кто хоть палец протянет к оружию – горько об этом пожалеет!

Последнее предупреждение было явно излишним. Половина разбойников плакали, точно малые дети.

* * *

Крис нагнал товарищей, когда уже стемнело. Кай, все еще ехавший с Гербом, притихший и безмолвный, с некоторым испугом глянул на него.

– Порядок, – молвил Крис в ответ на молчаливый вопрос Герба.

– Он что, их всех убил? – шепотом спросил мальчик.

– Нет, – несколько удивленно ответил Герб. – Он просто обезопасил дальнейшее наше движение.

Тут пришел черед удивляться Каю. За то время, пока Крис отсутствовал, Трури успел рассказать мальчику все, что знал о Красавчике.

– Никого не убил? – переспросил Кай. – Даже этого... который главный? Который своих родителей пожег?

Герб кивнул, а Крис сказал на это:

– Я заставил их снять одежду и развести костер. Когда огонь разгорелся, они свалили туда свое тряпье и дубины. Потом – для острастки – врезал каждому по три плети. Красавчику досталось пять. Герб ведь предупреждал его, что, попадись он нам снова, разговор будет совсем другой.

Кай на некоторое время замолчал.

– Почему? – спросил наконец он у Герба. – И Жирного Карла, и Сэма вы не тронули. Этого душегуба Красавчика, такого злодея, что про него только жуткие сказки складывать, который намеревался вас убить, даже дважды пощадили?.. Почему вы так поступаете?

– Мы не сражаемся с людьми, – молвил Герб.

Еще несколько минут прошло в тишине. Кони все так же неторопливо трусили вперед. Правда, дороги под их копытами уже не было. Лес заметно изменился: теперь чаще попадались по пути громадные деревья с ровными и черными стволами – это и были те самые железные деревья, о которых рассказывал мальчику в трапезной «Сисястой коровы» Крис. Стволы железных деревьев были голы и гладки настолько, что ладонь скользила по ним, как по черному льду. Далеко-далеко наверху мерно шумели кроны, совершенно невидимые в темноте, и оттого казалось, что железные деревья подпирают само черное небо. Пусто и гулко было среди этих стволов: кустарник встречался уже крайне редко, а вместо травы землю покрывал толстый ковер серого мха.

– Как они сумели вычислить нас? – спросил вдруг Кай.

– Пузо, – не задумываясь, ответил Герб.

– Это он рассказал Красавчику, какой дорогой мы поедем?

– Он единственный, кто знал, какой дорогой мы поедем.

– Он же твой друг? – воскликнул Кай. – Ну по крайней мере, мне так показалось...

– Он знает меня давно, и я знаю его давно. Но это вовсе не значит, что он мне друг, – сказал старик. – Пузо знает и многих головорезов Гарлакса, однако среди них у него нет друзей.

– Так ты предполагал, что он продаст тебя Красавчику, и ничего с ним не сделал?

– Нет.

– А Красавчик... Я думал про него. Сколько он уже людей невинных погубил! И сколько еще погубит. Почему вы его так просто отпустили? Я бы таких гадов... Прямо без разговоров бы их... – Кай осекся, сглотнув слюну. Он хотел еще сказать, что на этом свете гораздо больше дурных людей, чем хороших. Хороших вообще мало. Есть подлые сволочи вроде Жирного Карла, Сэма, старосты Марала, есть душегубы и головорезы, такие как Красавчик Гиза и его прихвостни, есть просто равнодушные, никчемные и пустые, словно треснувшие глиняные кувшины. Этих никчемных, пожалуй, не стоит трогать – много чести. А сволочей и головорезов следует убивать. На земле станет чище. Это же так просто и понятно: если не мы их, то они нас!.. Кай уже начал свою речь, но сгоряча запутался и прервался. Герб, дождавшись паузы, проговорил:

– Я уже сказал, что мы не сражаемся с людьми. Это недостойно болотников. Будь человек гаже и подлее в тысячу раз этого симпатичного господина, с которым ты имел честь вчера познакомиться, мы вовсе не собираемся судить его. Не наше это дело.

– Я не понимаю... – пробормотал Кай.

– Это непросто понять. Я мог бы объяснить, если ты меня об этом попросишь, но... в таком случае ты поймешь – разумом. А необходимо, чтобы ты понял сердцем. А до этого тебе еще далековато. Итак, чтобы не терять попусту время, продолжим. Оглянись вокруг. Еще раз. А теперь закрой глаза и перескажи мне все по памяти...

Через несколько часов путники расположились на ночлег у маленького ручейка, живым серебром журчащего среди серого мха. Трури, вооружившись силками, отправился на охоту, но Кай на этот раз не составил ему компанию. Мальчик чувствовал себя очень уставшим и понимал, что эта усталость вовсе не из-за долгого пути. Сотни оттенков звуков осели в его голове и теперь назойливо копошились там, словно клубок насекомых. Глаза чесались от напряжения, веки закрывались сами собой. Он едва успел завернуться в дорожный плащ и, даже не дождавшись, пока болотники разведут костер, крепко заснул.

* * *

Утром следующего дня Кая разбудило не солнце. Трури поднял мальчика.

– Пора в путь, – сказал он.

Открыв глаза, Кай оказался в сером вязком сумраке. Сквозь густые кроны железных деревьев солнечные лучи просеивались мелким крошевом тусклого света. После скудного завтрака, состоящего из остывшей жареной тушки какой-то лесной птицы и ледяной воды, Трури посадил Кая впереди себя и надел ему на глаза черную повязку, хотя острой необходимости в том не было. Несколько часов мальчик провел в обществе юноши, затем пересел к Гербу.

Паучий лес полностью оправдал свое название. Повсюду из темноты свешивались липкие комья паутины, едва слышно шурша, пробежали по стволам железных деревьев невидимые в полутьме черные пауки. Несколько раз отвратительные твари неожиданно опускались на плечи или голову Кая, вызывая вскрики омерзения. Впрочем, с помощью Трури мальчик довольно скоро научился различать тонкий скрип растягиваемой паутины и удачно уклонялся от гадких насекомых. Герб же приноровил мальчика заранее замечать гнездовища пауков по особому расположению чуть белеющих в сумраке комьев паутины.

На привале болотники пообедали какими-то грибами, которые обнаружил крепыш Крис в корнях деревьев. Костер не разводили, поэтому пришлось есть грибы сырыми. Разжевывая кисло-горьковатые расплзающиеся волокна, морщились только Кай да еще Трури. Во время отдыха Кай неожиданно для себя разговорился с Крисом. Началось с того, что мальчик спросил болотника что-то о железных деревьях и тут же получил полноценный рассказ о них.

– Свалить железное дерево – задача непростая, – заговорил Крис, как и мальчик, укрытый с головой плащом, чтобы уберечься от назойливых пауков. – Для людей почти непосильная. Да и никогда люди в своих целях железную древесину не использовали. Железное дерево почти не поддается стали и совсем не горит. Эта древесина крепче иного камня. Говорят, в давние времена, еще до Великой Войны, эльфы, пока их не изгнали, с помощью магии валили железные деревья и строили из них корабли для своего несокрушимого флота...

– Разве у эльфов был флот? – удивился Кай. – Я думал, они жили только в лесах.

– До Великой Войны эльфы жили повсюду. Вышли они из лесов, это верно, леса были их домом. Но в землях Гаэллона, Марборна и других королевств они строили крепости, бороздили на своих кораблях реки и моря... Эльфов было меньше, чем людей, но ненамного. А уж о том, что их магия сильнее человеческой, и говорить не приходится. Все это помнят. Высокий Народ – древнейшая раса, потому и знаний они накопили поболее нашего. Да и об их высокомерии до сих пор легенды ходят. Я слышал, они относились к людям... ну как люди относятся, допустим, к ограм...

– И небезосновательно, – вставил подошедший к ним Герб.

– Как это? – спросил Кай.

Крис нахмурился, потер лоб и просительно посмотрел на старика. Тогда Кай, наверное, впервые подумал о том, что Крис – самый простоватый из болотников. Но Герб усмехнулся и сказал только:

– Давно это было. Грянула Великая Война – война эльфов с людьми. Тысячи воинов с той и с другой стороны нашли свою смерть на полях сражений. Но люди победили – изгнали эльфов. С тех пор Высокий Народ редко оставляет свои тайные лесные Чертоги. Только тогда, когда им это действительно необходимо.

Этого Кай осмыслить не мог. Что за необходимость заставляет эльфов появляться среди людей? Дело ведь простое: возгордились кичливые лесные обитатели, получили по мордам и спрятались зализывать раны. Чего им опять-то лезть к людям? Еще, что ли, хотят?

– Пусть только сунутся, – проворчал Кай в такт своим мыслям. – Мы им снова накостыляем!

– Боюсь, все не так просто, – проговорил старик, тронул себя за бороду и отошел в сторону.

А Кай продолжал разговор с Крисом. Мальчика до сих пор не перестала изумлять готовность болотников честно и подробно отвечать на его вопросы, какими бы они ни были.

С эльфов беседа логически перетекла на магию. Раньше Кай считал магию явлением, недоступным пониманию обыкновенного человека и потому пугающим. Но по объяснениям болотников выходило, что в основе магии лежит умение видеть и понимать в общем-то несложные законы природы и что практически любой человек способен постичь хотя бы азы этого искусства.

– Вот и тот менестрель в «Сисястой корове», – обрадовавшись тому, что сможет подтвердить мысль Криса, вспомнил Кай. – На вид – обычный пьяница, а как он заставлял тряпичные мячики летать по воздуху!

Крис рассмеялся.

– А это никакая и не магия, – сказал он. – Просто ловкость рук. Вот погляди...

Он оглянулся в поисках подходящих предметов, но, не найдя ничего, вытянул из сапог по кинжалу и еще два кинжала снял с пояса. Кай удивился, увидев эти кинжалы. Вроде бы и не из стали были сделаны клинки – металл (если это был, конечно, металл) отливал каким-то матовым зеленым светом и на вид был не совсем гладок, а как-то странно шероховат. Кай раскрыл рот, глядя, как засверкали в сумраке Паучьего леса зеленоватые лезвия, послушно закружились в воздухе.

– Ух ты!.. – выдохнул он. Вот так увалень Крис! Куда там рыжему пьянице из Гарлакса! – А сколько ты можешь удерживать кинжалов в воздухе?

Крис вполне серьезно задумался. Руки его двигались точно сами собой, а кинжалы летали, ровно посверкивая, по кругу.

– Не могу точно ответить, – сказал он наконец. – Столько, сколько нужно.

– Ну пять?

– Да.

– Семь?

– И семь смогу. Я же говорю – столько, сколько нужно.

– А десять?

– И десять.

– Здорово... А как ты это делаешь? Десять кинжалов сразу?..

– Научить?

– Ты можешь научить меня этому? – загорелся Кай.

– Конечно, – кивнул Крис, и кинжалы один за другим рукоятями улеглись в его ладони. – Если таково твое желание. Только начинать надо не с кинжалов, а... с тех же тряпичных мячиков. Вот погоди, я смастерю тебе пару штук. На вечернем привале и начнем. А пока... Герб ждет тебя. Вы ведь еще не закончили ваши сегодняшние упражнения.

– Хорошо! – сказал Кай и поднялся. Отдых закончился. Пора было снова отправляться в путь.

К вечеру мальчик почти не чувствовал усталости. Старик Герб похвалил его – Кай быстро втянулся в ритм обучения. И Трури ободряюще похлопал его по спине.

На ночлег путники остановились в месте, которое Герб назвал – Сухой Ключ. Ключом оказалась глубокая и узкая трещина в земле (человек длинным прыжком вполне мог перепрыгнуть эту трещину), на дне которой гулко плескалась вода. Сколько Кай ни всматривался, уперевшись руками в острый край берега Ключа, воду он разглядеть не смог. Понадобился силоч Трури, чтобы Герб, привязав к сплетенной из конского волоса бечевке свой котелок, смог достать воду.

Пужинали теми же грибами.

– Конечно, невкусно, – прокомментировал Крис, заметив, как скривился Кай, когда он принес охапку белесых бесформенных волокнистых комков, – но здесь ничего другого найти невозможно. Не пауков же трескать... Они, грибы-то эти, печеные или жареные, легче в глотку бы лезли, но дров для костра тоже не отыскать.

Коней накормили ветвями кустарника, которых путники нарубили на предыдущем привале целую охапку. Кай прислонился спиной к холодному и гладкому стволу железного дерева, вздохнул, но тут же согнал со своего лица тоску и с преувеличенным жаром принялся за грибы. Вот еще, не хватало перед болотниками нюни распускать. Да он, если надо, будет этот серый мох жрать! Или стволы железного дерева обглаживать. Все, что угодно, только бы выглядеть своим среди этих чудесных людей.

После ужина Кай получил первый урок «жонглирования» – таким диковинным словом назвал Крис искусство поддерживать в воздухе одновременно несколько предметов. Сначала медленно, просто перекладывая из руки в руку два тряпичных мячика, набитых мхом, мальчик освоил схему действий. Потом ускорил движения.

– Неплохо, – сказал Крис в конце, – главное, не смотри на них и не думай, как ловить да как подбрасывать. Твои руки сами за тебя все сделают. Они уж научились, руки твои. Теперь не мешай им... Неплохо! Поработай еще чуть, а завтра я третий мячик сварганю...

Путники уже легли спать, а Кай успел уснуть, когда Рах поднял голову из капюшона своего плаща и оглянулся вокруг, как будто что-нибудь можно было увидеть в непроглядной тьме, и негромко произнес:

– Близо кружат, слишкоо близо.

– К полуночи следует ждать гостей, – зевнув, подтвердил Трури. – А то и раньше.

– Спите, – посоветовал Герб. – До полуночи времени много, а нам следует выспаться. Я намерен к завтрашнему вечеру выбраться из этого места.

* * *

Ужасающий рев вырвал Кая из спокойного сна. Он вскочил, миготом отрезвев от сонной одури, точно и не спал. Душераздирающий рев – словно сотне людей разом каленым железом прижгли пятки – снова долетел откуда-то из молчащих во тьме деревьев. Но еще до того, как услышать это, мальчик почувствовал, как вскочили на ноги четверо болотников, услышал короткий лягз выхватываемых из ножен мечей.

Какой-то огонек замелькал совсем близо, красный огонек, от которого побежали тусклые отблески по стволам железных деревьев. Один огонек, второй – с другой стороны... Кай закрутился на месте: еще огонек и еще... Не меньше шести или семи красных огоньков, прорезая тьму, закружились вокруг маленького лагеря. Шесть или семь, но от быстрых отблесков на гладких стволах казалось, что огоньков много больше – с полсотни.

Рев раздавался теперь отовсюду. Он вылетал из множества глоток и сливался в единый, непрекращающийся, вызывающий дрожь, низкий гул, похожий на то, как ревет заточенный в подземелье древний страшный дракон.

– Что это? – стараясь, чтобы его голос звучал спокойно, спросил Кай.

Неясные тени медленно и бесшумно передвигались вокруг него. И одна из теней резко ответила голосом Герба:

– Ляг и накрой голову плащом! – А потом добавила чуть мягче: – Не бойся. Скоро все кончится.

Кай послушно улегся. Но голову прятать не стал. Огоньки приблизились. От несущегося отовсюду рева закладывало уши. Теперь можно было разглядеть, что под этими красными пятнышками света скалились громадные, искривленные в разные стороны – точно зубья непоправимо испорченной пилы – белые клыки; тарасились мутные, словно клочья белесого тумана, глазищи.

– Рах и Трури, – внятно произнес где-то совсем рядом старик, – держите север и запад. Мы с Крисом – восток и юг. Без моей команды ничего не предпринимать. Ждем...

Тут голос Герба как-то странно изменился – стал шелестящим и призрачным, точно старик заговорил на языке демонов. Несуразные слова, исковерканные и страшные, поднялись в воздух стаяй черных ворон...

И вдруг – не успело еще эхо этих неслыханных слов растаять в черном воздухе – ослепительная паутина зеленых молний заметалась меж черных стволов. И в свете мгновенной этой вспышки мальчик увидел какие-то громадные шары на тонких и длинных ножках, оскаленные чудовищными клыкастыми пастями. Над пастями на коротких усиках качались круглые наросты, упруго налитые светящейся красной кровью. Вот и все, что успел рассмотреть Кай до того, как зеленые молнии извивающимися иглами впились в страшилищ. Рев скукожился и превратился в истощный визг.

Потом Герб оглушительно крикнул:

– Вперед! – И засвистели в кромешной темноте клинки. Битва длилась не больше десяти ударов сердца. Лязгали мечи обо что-то твердое, будто камень, несколько раз звучно хрустнуло костяным хрустом – и красные огоньки стали взрываться снопами пунцовых искрящихся капель...

Когда стало тихо, мальчик ощутил рядом с собой кого-то. Он напрягся, пытаясь побороть навалившийся страх, но невидимый крепко и тепло сжал его руку, и Кай услышал голос Трури:

– Перепугался? Ну все уже, все...

«Я... не перепутался», – хотел ответить Кай, но из его глотки вышел только сиплый свист.

Трури коротко хохотнул и тут же осекся.

– Я уже не боюсь, – поправил себя мальчик уже более внятным голосом.

– Вот и славно, – откуда-то сзади проговорил Рах и, судя по кряхтению, уселся на землю. – А ничего страшного и не было.

– Тем более что все закончилось, – раздался голос Криса.

– Скоро утро. – Это сказал Герб, и, как показалось мальчику, недовольно. – Спите, не время сейчас много разговаривать. Чуть свет – надо продолжать путь, если хотите завтрашним вечером поужинать чем-нибудь более съедобным, чем эти грибы.

Все тут же замолчали. Кай послушно улегся, накрылся плащом и прижался к лежащему рядом Трури. Какое тут спать! А он почти что и забыл рассказ Криса о «чудовищах, для которых люди не нашли имен». Вот, значит, что он имел в виду! Но юноша рядом с ним уже дышал ровно. Близость болотников, а главное – спокойный и ровный разговор сразу же после битвы с ужасными тварями утихомирили дрожь. Очень скоро Кай и сам не заметил, как заснул.

* * *

Утренний свет прошел сквозь сито листвы железных деревьев серым тусклым крошевом. Когда Кай проснулся, в центре лагеря неярко горел костер, на котором аппетитно потрескивали насаженные на прутья куски мяса.

– Прямо к завтраку, – приветствовал пробуждение мальчика Рах и весело подмигнул.

Болотники уже рассаживались вокруг костра. Трури протянул Каю котелок, наполненный горячим и пахучим травяным отваром. Хлебнув несколько раз из котелка, мальчик почувствовал прилив сил, а вместе с тем – жуткий голод. Он схватил из рук Криса, который, похоже, кашеварил в этот день, прут с мясом, невнимательно подумал о том, что прут на ощупь какой-то странный, и впился зубами в самый большой, исходящий пахучим соком кусок.

Вкус мяса оказался непонятным – трудно было даже определить, что это – мясо или рыба. Кай, осторожно проглотив, поднял глаза на болотников. Они сосредоточенно жевали, вытянув ноги к уже начавшему гаснуть пламени. Мальчик посмотрел на прут в своих руках и вдруг понял, что никакой это не прут. Это что-то вроде гибкого рачьего уса, только очень длинного и прочного. Где-то он уже видел такой ус...

И тогда в памяти Кая мгновенно вспыхнуло ночное происшествие. Страшный рев из темноты, ужасные клыкастые пасти, налитые кровью наросты, которые покачивались вот на таких вот усиках...

Мальчик закашлялся. Проглоченный кусок неудержимо полез вверх по пищеводу.

Трури засмеялся.

– Я бы на твоём месте, – сказал он, – не брезговал горячей пищей. Ее и так немного.

– Это... – едва выговорил Кай. – Это те, которые ночью?

– Они самые, – подтвердил юноша. – Недурно, да? Я первый раз их ем.

– Питательное мясо, – отозвался Герб, принимаясь за очередной кусок. – Немного, правда, солоновато.

– Были бы травы, – сказал Крис, – хоть какие-нибудь, получилось бы вкуснее.

– А брюшной жир этих тварей – отличное топливо, – сказал Рах, – правда, конечности больше плавятся, чем горят, но, смоченные жиром, представляют собой неплохие дрова.

Кай посмотрел на свою порцию мяса. Аппетит его испарялся быстро, словно роса на жарком летнем солнце.

– Какие они были страшные... – вымолвил он. – А как они... называются?

– Я же говорил, что у этих тварей нет имен, – напомнил Крис. – Откуда взяться именам? Сами себя они, понятное дело, никак не назовут, а люди в этих местах появляются крайне редко. Почти никогда. И разве эти твари – страшные? Вот доберемся до Туманных Болот, тогда ты увидишь, что такое настоящие страшные и опасные твари.

– Ешь, – строго сказал Герб. – Смочи горло отваром и ешь. Вряд ли нам сегодня предоставится возможность поест так сытно.

Мальчик еще минуту колебался. Потом голод пересилил отвращение. Да и желание ни в чем не отставать от болотников сыграло свою роль. Он дожевал свою порцию и обильно запил ее водой. Потом, когда болотники седлали коней, Кай отошел в сторону от лагеря по нужде и вдруг наткнулся на темнеющую меж черных ветвей кучу. Мертвые посеребрившие глазищи слепо пялились на него из этой кучи, окоченевшие ножки, переломанные множеством сочленений, перепутались меж собой под осколками багрового панциря, тусклый лесной свет мерцал на остывших громадных клыках.

Кай содрогнулся.

«Если эти страшилища не представляются болотникам по-настоящему опасными тварями, – подумал он, – что же тогда ждет меня на Туманных Болотах?»

* * *

Этот день мало чем отличался от предыдущего. Часть времени Кай ехал на одном коне с Трури, часть – рядом с Гербом. На обеденном привале, пожевав грибы, Кай вместо отдыха жонглировал с Крисом уже тремя тряпичными мячиками – правда, с переменным успехом, хотя два мячика он держал в воздухе уже уверенно.

Ночное происшествие быстро забылось. Никогда еще в жизни Кай не чувствовал себя так хорошо. Когда выдавались свободные минутки от занятий с Гербом и Трури, мальчик засыпал болотников вопросами – обо всем на свете. По правде говоря, его не столько волновали ответы, просто очень приятно было выслушивать подробные и обстоятельные объяснения взрослых людей, которые говорили с ним, мальчишкой, на равных.

Кай спрашивал обо всем, что приходило в голову: о том, как работает подъемный мост через ров у стен города Гарлакса, как роют такие глубокие рвы и как строят такие высокие стены; почему коровы такие большие, а безобидные и почему осы совсем маленькие, а больно жалятся?.. Впрочем, болотники, отвечая на бесконечные мальчишеские «почему», требовали полного внимания и, когда замечали, что Кай, отвлекаясь, перестает слушать, строго проверяли, поняли ли он их или нет.

Когда начало темнеть, железные деревья неожиданно расступились, открыв прозрачно-зеленоватую просеку. Свежий ветер хлынул в грудь Кая – это было так приятно, что он не удержался и рассмеялся.

Лагерь разбили на самой опушке леса, пустив коней, чтобы они отыскивали воду. Кай вместе с Трури, взяв силки, отправился на охоту, в которой оба очень преуспели. Мальчик заметил, что уроки болотников не прошли даром. Птиц и мелких зверей он выслеживал безо всякого труда, а уж приманивать их было совсем легко. Итогом недолгого похода за дичью стали три зайца и четыре лесные перепелки. Зайцев Кай под руководством Раха быстро разделал и куски мяса нанизал на прутья. Мальчик хотел было точно так же поступить и с птицами, принялся уже было их ощипывать, но Рах подсказал ему более простой способ приготовить перепелок. Он обмазал тушки глиной, которую нашел на берегу ручья, и закопал в землю, а сверху развел еще один костер. Не успели они дожарить всю зайчатину, как жаркое из перепелок было уже готово. Рах ножом вытащил тушки из горячей золы, снял глиняный панцирь, вместе с которым отвалились и перья.

После ужина, вдохновленный удачно прошедшим днем, Кай заявил Крису, что уже достаточно наупражнялся с тряпичными мячами и желает заменить их кинжалами. Крис не стал возражать. Он протянул мальчику два кинжала, и тот довольно ловко держал их в воздухе два десятка ударов сердца.

– Ну как? – гордо осведомился Кай, поймав в обе руки по кинжалу.

– Неплохо, – ответил Крис. – Быстро учишься. Что ж... Продолжай. Возьми. – И отдал мальчику три тряпичных мячика, присовокупив к ним четвертый, который сделал недавно.

Кай принял мячики безо всякого энтузиазма. Повертел их в руках и сморщился.

– Да ну их, – сказал он. – Я ж кинжалами уже умею.

– Так не пойдет, – нахмурил брови Крис. – Ты еще не получил ответа.

– Какого ответа? – опешил мальчик.

– Ты спрашивал, как мне удастся жонглировать десятью кинжалами, так?

– Так, – вспомнил Кай.

– Я пообещал научить тебя, если таково твое желание, правильно?

– Ага, – сказал Кай, чувствуя тоску от нехорошего предчувствия.

– Ты задал вопрос, я пообещал тебе дать ответ. Выходит, я обманул тебя?

– Да нет же! – махнул рукой мальчик. – Ведь я сам не хочу больше. Зачем? Я же просто так... ради интереса. Ну двумя кинжалами я научился, мне хватит.

Неожиданно Кай понял, что к этому разговору прислушиваются все болотники. И все смотрят на него.

– А чего такого-то? – растерянно проговорил мальчик. – Я и тремя кинжалами могу. Сами же говорили, что я быстро учусь. Мячиками смог же. Дай кинжал, я покажу!

Крис дал Каю третий кинжал. Мальчик некоторое время примеривался, не решаясь начать, потом подкинул кинжалы один за другим. Два кинжала тут же упали на землю, а третий глубоко пропорол Каю ладонь. Мальчик стиснул зубы и сжал раненую руку, с которой катились в траву крупные капли крови.

– Мне не больно, – впрочем, тут же заявил он.

Крис промолчал. А к Каю подошел Трури.

– Пойдем, – сказал юноша. – Надо унять кровь.

Они отошли за деревья, к ручью. Трури недолго поискал в траве и выпрямился, держа в руках широкий лиловый лист. Затем промыл мальчику рану, наложил на порез лист и плотно замотал той самой повязкой, которой завязывал ему днем глаза. Кровь перестала сочиться почти сразу же, но боль еще жгла ладонь.

– Ну и зачем мне это дурацкое жонглирование? – засопел носом Кай. – Я понимаю, умения *слушать* и *смотреть* необходимы для воина, а жонглирование? Я же не собираюсь становиться менестрелем или шутом. Я хочу быть воином!

– Воин – это прежде всего мужчина, – сказал Трури не тем обычным тоном, с которым всегда говорил с Каем, а каким-то новым: суровым и строгим. – А мужчина должен держать свое слово и вправе требовать это от других, которых он считает достойными. Когда ты спросил у Криса, как жонглировать кинжалами, ты взял на себя обязательства научиться этому.

– Ничего я не брал, – буркнул мальчик. – Я просто спросил. Что, нельзя, что ли?

– У нас, у болотников, такие правила, – свел брови на тонкой переносице Трури. – Ты можешь спросить о чем хочешь. И любой болотник ответит на твой вопрос, и ответит честно и подробно. И можешь быть уверен, никто никогда тебе не соврет. А ты обязан разобраться в том, что тебя интересует, до самого конца. Влезть по макушку. Понимаешь?

– А если я не хочу влезать по макушку? – уперся Кай. – Если я так просто спросил?

– Болотнику недостойно *так просто* болтать языком. Если ты спросил, значит, тебя это интересует.

Кай некоторое время молчал. Потом заговорил снова:

– А если меня то, что я спросил, не очень интересует. То есть интересует, конечно, но не, так чтобы уж очень...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.